

ГЮЛЬШАН ТОФИК ГЫЗЫ

Л У Ч Н И К
(рассказы)

Баку
«Нурлан»–2008

Автор: *Гюльшан Тофик гызы*
Редактор - составитель: *Гюльшан Тофик гызы*

**Гюльшан Тофик гызы. Лучник (*рассказы*).
Баку, «Нурлан», 2008, – 204 стр.**

В сборник, помимо новых рассказов, по просьбам читателей включены некоторые из произведений прошлых лет.

$\frac{4702000000}{N - 098 - 2008}$ *С грифом*

© «Нурлан», 2008

ЛУЧНИК

I

Я был счастлив. Любимая девушка ответила мне взаимностью. За спиной остались студенческие годы, суть которых вместилась в диплом с отличием, а удостоверение мастера спорта по стендовой стрельбе и горящие, как у иноходца, глаза сулили и впредь массу безнадежно влюбленных сердец и жарких объятий. Но ее я любил! Люблю и сейчас. Напрасно. Зачем попусту терзать себя бессмысленными миражами? Ну и провисала бы эта распроклятая занавеска: не полез бы зацепить соскочившую петлю, не стала бы донимать полусонная обалдевшая муха, не начал бы от нее отмахиваться – не слетел бы со стремянки и не включился бы через две недели с приговором «перелом позвоночника»! Если бы, вот бы, тогда бы... Дернул меня черт до этой сраной занавески!

– Ну вот, снова «черт»! Черт дернул, черт попутал, черт принес... Все бы вам на черта свалить собственную глупость. Если хочешь знать, не окажись я тогда рядом, остался б на всю жизнь с распотрошенной башкой, в богадельне с придурками.

– Тебя только мне и не хватало... На кой она мне такая «вся жизнь»?

– Не скажи, не скажи. Не хватало, а теперь молись, чтоб хватило. Жизнь-то тебе предстоит до-о-олгая.

– Кому ж молиться?..

– Да кому хошь! Главное – как.

– Я что, сплю? Или умер? Что за бред?

– Не спишь. И не помер. И не скоро еще пом-

решь, надеюсь – виды на тебя имею. И тебе не кисло будет.

– Кисло не будет, а горько уже стало... За что, Господи! Лучше б умер. А ты почему замолк?

– Не ко мне вопрос, вот и замолк. О причинно-следственной связи, конечно, знаешь. Но спрашивать «за что?» не стоит. Уместнее спросить «и что же дальше?» Ты человек образованный, книжицу красную имеешь. Вот и созданы условия, чтоб сполна свои знания применил, талант реализовал.

– Что за чушь?! Я и без того собирался это сделать. Неужели, став инвалидом, принесу больше пользы?

– Вреда не принесешь. Ты ведь еще стрелок меткий.

– Был...

– Почему же? Чемпионом по стрельбе и сидя в каталке стать можно. Зато на кровавые денежки не польстишься. Ни снайпер, ни киллер из тебя уже не получится.

– И это говоришь ты, черт?! Ничего не понимаю.

– Не совсем черт.

– Кто же тогда?

– Если начну объяснить, запутаешься еще больше. Скажем так: черт, ангел, джинн – три в одном. По обстоятельствам, так сказать.

– Весело, ничего не скажешь...

– Больше ничего и не скажу. И ты помолчи, отдохни пока.

С этими словами он (?) легонько ткнул меня пальцем – думаю, что это был палец – в лоб и я будто куда-то провалился.

II

– Далась тебе наука! Ни почета, ни денег. По нынешним временам – пустая трата времени. Уложишь молодость, корпея над пыльными книжонками. Что? Ну ладно, пусть перед компьютером. И того хуже – последние зенки растопишь. А лет эдак через тридцать получишь результат, сделаешь какое-нибудь вшивенькое открытие или изобретение. Это в лучшем случае. И вдруг выяснится, что одновременно его еще сто человек сделали. И что? Посмотришь на себя в засиженное мухами зеркало, которое висит в уборной вашей «хрущевки», внимательно так посмотришь, задумчиво, и... застрелишься. Благо, цель обозрима, не промахнешься. Ах, как это я забыл – ты же у нас мастер-стрелок! Ну, тогда точно, не промахнешься.

Последние слова бывшего сокурсника утонули в хохоте троих его приятелей, которые очень щедро угощали их в тот вечер в плавучем ресторане. Старый дебаркадер, прожигающий свою последнюю и, судя по всему, наиболее комфортную жизнь, напоминал молодящуюся старуху, ярко набеленную, нарумяненную, надушенную, но все равно безнадежно дряхлеющую. Правда, хозяин этой кучи металлолома, увешанной гирляндами спасательных бубликов, бутафорских якорей, канатов и прочих флотских аксессуаров, проявил максимум изобретательности и вкуса, чтоб «старушка» выглядела как можно более привлекательной. Надо отдать ему должное – клиенты были довольны: полуэкзотическое уютное помещение, очень приличная кухня, бойкий персонал делали плавучий ресторанчик популярным в определенных кругах. Для особо уважаемых гостей даже организовывали прогулочный тур с лодочками

и девочками. Журчащая вода, шепчущие звезды, ласкающий ветерок, дурманящие тела и бумажники, мгновенно обретающие невесомость. Подумаешь! – что нам стоит вздуть их до размеров чемодана? И скорехонько так, одним выстрелом – всего-то и делов. А над вшивеньким открытием пусть ломаются остальные девяносто девять облысеющих за тридцать лет голов.

– Знаешь, Садок, пока не вижу причин, но нравится мне твой одновузник, – многозначительно повел смоляными усами повеселевший приятель по кличке Мохнатый. Тут все называли друг друга по кличкам. И он не знал их имен, хотя видел уже в третий раз. Его самого, к примеру, прозвали Лучником. И хотя был он мастером спорта вовсе не по стрельбе из лука, тем не менее прозвище пришлось ему по душе – таинственно и романтично. Но как быть с Алей?..

– С такими глазами, да еще при серьезных «бабках», – продолжал Мохнатый, – да на фиг тебе эта балерина? У них, говорят, к тридцати годам ноги дубеют, а в сорок они уже пенсионерки со стажем. За таким гусаром, как ты, самые отборные телки косяками ходить будут. А карменок и жизелек пускай крашенные мальчишки в голубеньких колготках по сцене таскают.

Мохнатый хохотал, оскорбительно жестикулируя. А он, к своему удивлению, и не разозлился даже. Совсем недавно за нелестные слова в адрес его девушки кто-то мог поплатиться передними зубами. Но сейчас юная балерина с почти прозрачной шеей таяла в памяти, словно облачко над Лебединым озером.

– У тебя снова неубрато? А что за гиппотатам вытоптал траву на газоне? – послышалось вдруг из очень далека, оттуда, где еще жива была бабушка, это

чудо земное, вечно смешно переставлявшее буквы. – Сколько раз я просила тебя не водиться с Сенькой-басурманом?.. Арбузное варенье готово. Хочешь?

– Не хочу! Не надо, бабушка, уходи, прошу тебя. Я знаю, ты начнешь отговаривать меня. И не нужно нравоучений, это не навсегда, я только денег настреляю сколько нужно – и все!

– Ты что, парень, – тряс его за плечо Садок. – Очнись. Захмелел, что ли? Бормочет чего, не пойму. Бегемоты, земляники, блин. Дурак!

– Дураками дороги мостят, – медленно, растягивая слова, выговорил почти все время молчавший, скуластый, совершенно лысый мужчина по кличке Череп. – Не знаю, Мохнатый, чем он тебе приглянулся, но по мне так суется в волки да с собачьим хвостом. Только бабки профукаем.

– Волк ли, пес ли, а отпускать уже не можно, – вставил третий. – Ты Череп, хоть и большой мудрец, а того не поймешь, что и за медный казан золотой монетой платят.

– Погодим-поглядим.

– А может, тебя, Черепок, завидки берут? – съязвил Мохнатый. – Сам-то из пальца стрелял, и то промахнулся.

Лысый в ответ промолчал, но так посмотрел на не в меру разговорившегося дружка, что умей глаза стрелять, уложил бы его на месте. Тут снова вмешался третий, которому реплика Мохнатого тоже не по душе пришлась. Он несильно ткнул его кулаком в плечо, посоветовал поменьше трепать языком и, вытянув вперед левую руку, указал глазами на часы.

– Веди его домой, Садок. А завтра втолкуй соп-

ляку, что бабки ему не за пламенные очи дадены. Ишь фыркает, как жеребец необъезженный. Ничего-ничего, встанет под седло, спесь и выветрится. Все, ребята, по коням.

III

Все мергены Алтынтая были отважными воинами и меткими стрелками. Но если хан просил позвать к себе «Мергена», было ясно, что он имеет в виду Тукеза. Тукез считался лучшим среди лучших, мастерство его восхищало не только соратников, но и соперников. Меткий глаз и твердая рука лучника могли направить в цель одновременно три стрелы. Держа их между пальцами и крепко прижимая к тугой тетиве из конских сухожилий, мерген Тукез мог незаметным для других движением, всего лишь чуть-чуть, самую малость, отодвинув согнутый палец вправо или влево, пустить одну из трех стрел в другом направлении, поразив таким образом и боковую цель. Его приемы всегда были неожиданными для присутствующих, поэтому имел он и другое прозвище – Алдар (Обманщик). Состязаться с ним в стрельбе из лука – бессмысленное занятие. Все стрелы лучника не только попадали исключительно в «десятку», но, пущенные одна вслед другой, просто расщепляли одна другую. Не было среди стрельцов равного Алдар-Тукезу! Хан Алтынтай очень ценил его, первого в состязаниях лучников. Кроме того, мерген Тукез был стоек к блеску золота, равнодушен к забавам и развратным усладам, которым частенько предавались другие солдаты.

Однажды хан позвал к себе Мергена, а когда тот явился, знаком велел остальным покинуть шатер. Хан

был явно чем-то озабочен. В тот вечер он даже не обошел стан, а проверить готовность стрельбищ к завтрашним состязаниям поручил своим оруженосцам. Алтын-тай указал Тукезу на тюфячок.

– Садись, Мерген, – тихо произнес хан. Он замолк, будто не решаясь на откровенность, а когда заговорил снова, нужные слова давались ему с трудом. – То, что я скажу, может показаться тебе подлостью. Но, поверь, у меня нет иного выхода! Завтра в твоих руках будет не только моя судьба. Будут ли жить наши дети – вот как стоит вопрос.

– Я не подведу, хан, – спокойно ответил Тукез.

– Не спеши, Мерген, дай договорить. В том, что другим лучникам с тобой не сравниться, я и не сомневаюсь. Дело в другом, – хан снова замолк. Несколько колеблясь, он продолжил. – Мне стало известно, что Чекеч-хан замыслил днями напасть на нас, а его участие в общих празднествах всего лишь хитрый ход.

– Твоим ли воинам бояться Чекеч-хана?

– Мои воины храбрецы все до единого! Но у Чекеча их вчетверо больше. Если он начнет войну, я сам убью своих жен. Не позволю им стать наложницами этого шакала! Однако, есть способ избежать позора и гибели.

– Что ты задумал, хан? – насторожился лучник Тукез.

– На тебя вся надежда, Мерген. Во время состязания стрельцов ты должен пустить стрелу в Чекеч-хана.

– Это убийство, хан!

– Вынужденное! Оно спасет многие жизни...

– У Чекеч-хана есть братья...

– Они не ладят между собой. О мире с ними можно будет договориться.

– У него есть сыновья...

– Малы еще.

– Но они вырастут!

– Ты в этом уверен?..

– Я воин, хан, а не...

– Не надо, не договаривай, Мерген, – перебил его хан. Он выглядел огорченным и растерянным. – Нам не устоять, если Чекеч осуществит свой замысел. Соглашайся, Тукез! В твоих руках наша судьба.

– ...Но как же...

– Я знаю, знаю, о чем ты! – снова перебил его хан. – Когда подойдет твой черед вступить в состязание, я выйду вперед и возьму в руки бычью голову. Уверен, что все твои стрелы застрянут у нее между рогами. После предложу Чекечу сделать то же самое. Он честолюбив и не станет отказом срамить себя перед гостями и своими солдатами. Думаю, ты понял, куда полетит следующая твоя стрела...

IV

Очнулся глубокой ночью. Почти круглая луна в окне надменно разглядывала мою капельницу. Я был ей безразличен. Готов поклясться, что она высунула мне язык, прежде чем заплыть за набежавшее облако. Обхохоталась, наверное, там. Потому и выглядела повеселей, когда вновь вынырнула из-за темного лоскута с оборванными краями.

– Смешно, да? Висишь себе, смотришь, как в меня катетеры вставляют... – у меня защипало в глазах и защекотало в носу. Слезы побежали к вискам, затекали

в уши. В горле клокотало, хотелось кричать. Громко, изо всех сил. Но сил не было. Вспомнился один давний случай. Сидели мы с бабушкой летним вечером на веранде у нее на даче. Под самой крышей пристроился крупный зеленый богомол с ложными «глазами» на крыльях. Вышел на ночную охоту. Он держался за невидимые неровности стены задними конечностями, согнув передние лапки-мечи и угрожающе раскачиваясь. Мы с бабушкой с интересом наблюдали: кого же он пугает, если кроме него самого на стене никого нет? Но тут заметили другого богомола, чуть поменьше. Он был достаточно далеко от первого и, казалось, не мог ничем мешать тому. Даже внешне явно уступал. Вдруг первый неожиданным, стремительным рывком набросился на своего собрата и мгновенно скрутил его. Крепко держа туловище передними лапами, вонзив в него острые шипы, он очень быстро, в один миг, отгрыз ему голову. Но, даже обезглавленный, собрат-жертва не переставал сопротивляться и пытался вырваться. Он, с трудом переставляя лапки, вел своего погубителя по часовой стрелке, создавая тому лишние хлопоты.

– Какой ему смысл бороться? Даже если ускользнет, без головы не прожить. Все равно покойник, – сказал я. – Другое дело, лапки бы потерял. Голова нужнее. А без лапок можно.

– Как же ему это понять, если он голову потерял? – усмехнулась бабушка, и мы с удивлением продолжали наблюдать, как более слабый богомол постепенно перемещается в растущее брюхо более сильного. Вскоре от жертвы остались лишь жесткие лапки-мечи и продолговатые зеленые крылья с фальшивым глазком.

Почему же сейчас мне, потерявшему «лапки», но

сохранившему голову, не хочется жить?..

– Успокойся, родненький, прошу тебя!

– Бабушка?! – я не мог не узнать ее голоса. – Как хорошо, что ты пришла! Забери меня поскорее, давай уйдем вместе. Ведь ты пришла за мной, правда?

Но она не ответила. Только отерла лицо своим клетчатым платочком, опустилась на край кровати и какое-то время мы молча смотрели друг на друга.

– Нет, родненький. Не пришел твой срок.

– ...Это я тогда взял деньги из твоего кошелька...

Помнишь, в пятом классе?

– Знаю.

– взял, дурачок, а после три дня перепрятывал. Потом выбросил в форточку. То ли применения не нашел, то ли испугался... Ты говорила, что бог наказывает обманщиков и воришек. Не пойму только, отчего он так долго выжидал.

– Не говори так!

– Я столько раз падал с твоего крылечка, там были такие высокие ступеньки!

– Малой ножке все ступеньки круты.

– Но ведь даже не ушибся ни разу! Был тут один до тебя. Говорил, что жизнь мне предстоит долгая, миссию какую-то пророчил. Калека-светоч. Бред собачий!

– ...Зрячий днем о камень споткнется, а слепой и ночью его обойдет. Подумай над этим, родненький.

– Хочу быть зрячим и спотыкаться о камни!

– Не уходи, бабушка! – взмолился я, когда она еще раз заботливо отерла мне лицо и встала. Мне хотелось схватить ее за руку, за подол, кричать, плакать навзрыд, скулить, как побитая собака. Но все вопли и слезы смешались в одном рвущем сердце стоне, и я снова

провалился в глубокий колодец глухого безмолвия.

V

Аля была вся в белом и напоминала букетик ландышей. Нет, хлопковую коробочку. Или снежную шапочку мраморного родничка-амурчика. Она похожа... похожа на... невесту! Такая милая, светлая, лучезарная, такая счастливая! Он бежал ей навстречу, уже пересек автостраду, уже почти ступил на тротуар, вот-вот ухватится за ее ладошку, полураскрывшуюся белую лилию. Но тут вдруг раздался ужасный вой. Это гудела сирена кареты «Скорой помощи». Она неслась прямо на него, издавая трудноописуемые звуки. Так наверное трубит стадо взбесившихся слонов. У него будто отнялись ноги, он пытался сдвинуться с места, но не мог. Протянутые навстречу Але руки тоже застыли в воздухе. А «Скорая» летела на него, орала, гудела, трубила...

Он проснулся в холодном поту и не сразу понял, что ужасающие звуки ночного кошмара продолжались дурацкими трелями настойчиво звонящего телефона. Дрожащей рукой взял трубку, с трудом сгибая заледеневшие пальцы.

– Битый час звоню, блин! – раздался голос бывшего однокурсника, которого с некоторых пор он видел чаще, чем собственную тень. – Думал, помер уже. Немудрено после вчерашнего упоя.

– Спал я. Видно, крепко. Хорошо, что разбудил. Мне такой ужасик снился, что, в самом деле, чуть не откинулся, – он сделал глубокий вдох, пытаясь прийти в себя.

– Спит он, обер-муттер! Забыл, что в десять нас Мохнатый ждет?

– Ты о чем? Я же просил забыть меня на денек.

Сегодня годовщина смерти бабушки, мне на кладбище сходить нужно.

– Не шути, золотце! Если так будешь шутить, еще раньше попадешь к своей бабушке, чем сегодня.

Садок еще о чем-то говорил, заикаясь от волнения. Он выдавал такие матерные обороты, что уже трудно было разобрать то ли все покойники должны дружно покинуть кладбище и в шеренгу по-три направиться к небезызвестной матери, то ли она сама должна, задрав подол для соответствующей процедуры, незамедлительно посетить их всех поочередно. Садок орал, а он слушал, уставившись на провисающую занавеску и думал о своем. Затем бросил в сторону телефонную трубку, приволок из прихожей стремянку и пристроил ее под карнизом.

– Нет, на кладбище все-таки схожу. Сам. Пока другие не отнесли.

Но едва ухватился за бока стремянки, как сотовый зачирикал мелодию из «Кармен».

– Ну что ж, тореадор, почтенная публика жаждет крови... – он взял мобильник, приложил его к уху.

– Какие проблемы, братишка? – слышался зловеще-спокойный голос Черепа. – Садок звонил, толковал что-то, а у самого от нервов язык в косицу заплетается. Нехорошо это. Нашему брату нервничать не положено. Так ждать тебя в десять или как?..

– Все в силе... В десять буду.

– А вот это верно – все в ней, в силе. Ждем, братишка.

Ему стало не по себе от короткого смешка, за которым последовали отбойные гудки. Он еще раз посмотрел на стремянку под карнизом, на соскочившую с

петли занавеску, тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли, и стал натягивать куртку. В дверях остановился на мгновение. Бросил взгляд на уютную, «прибрatую» комнату и вообразил, как здесь будет печально-тихо, как станет незаметно ложиться пыль на дорогие сердцу предметы, как грустно будут тикать часы в кухне. Днем, ночью. Ночью, днем... Все. Пора.

Щелкнул дверной замок. Скрипя неполадками, опустился лифт...

VI

Когда Алтынтай снял насаженную на кол голову быка и, крепко держа двумя руками, поднял над собой, все замолкли. Крики, свист, цоканье разом затихли. Но хан был спокоен: Скорее небо обрушится на степь, чем промахнется его лучник Тукез!

Тукез медленно поднял свой знаменитый черный лук. Две стрелы, зажатые между согнутыми пальцами правой руки, со свистом вылетели и через миг одновременно вонзились в мертвые бычьи глаза – одна в правый глаз, другая в левый. Алтынтай был несколько озадачен. Он думал, что стрелы Мергена попадут в белое пятно между рогами, расщепив одна другую – это был его знаменитый выстрел. Смутное сомнение сделало попытку проскользнуть черной змейкой в сознание хана, но было рассеяно восторженными возгласами присутствующих. Подавляя промелькнувшее в душе беспокойство, он улыбнулся. Оснований для недоверия и страхов не было. Тем более, что под дорогим кафтаном находилась непробиваемая капля из трехслойной кожи, надетая поверх рубашки плотного персидского шелка – такой способ защиты использовали еще в старину для того, чтоб стрелы, пронзая броню и теряя силу, входили

в тело, утянуты шелком, и не причиняли особого вреда. Хан был доволен.

– Кто сравнится в меткости с Тукезом? – воскликнул Алтынтай.

– Никто! – в один голос ответили воины.

– Может быть, наши уважаемые гости хотят повторить то, что проделал я? Прошу, Чекеч-хан! Или ты не решаешься? – кричал Алтынтай, тряся над собой бычью голову с двумя стрелами в вытекающих глазах. Но, оскорбленный сомнением в своей смелости, Чекеч-хан уже неся к Алтынтаю. Он выхватил из его рук голову животного, выдернул стрелы из глаз, оттолкнул плечом обидчика, злобно сверкнув прищуренными глазами.

– Отходи подальше, хан. А то, неровен час, промахнется твой лучник, разнесет тебе голову. На чем после шапку носить будешь?

Алтынтай отер ладони о подол кафтана, отошел на несколько шагов от Чекеч-хана, сердито пыхтящего и прижимающего к груди заляпанную сукровицей бычью голову.

– Держи крепче, хан. Посмотрим еще чья шапка раньше осиротеет! – подумал Алтынтай. Он повернул лицо в сторону вооруженной до зубов толпы солдат. – Стражники Чекеча изрубят тебя на мелкие кусочки, мой верный Мерген. Прости, но это был единственный способ убрать с пути Чекеч-хана.

Лучник Алдар-Тукез снова поднял черный лук и крепко сжал между пальцами две стрелы. Он прищурил правый глаз, обвел левым солдат, стоящих в нескольких шагах от него, перевел взгляд на Алтынтая, потом на Чекеча, слегка, незаметно для других, сместил согнутый указательный палец и две стрелы через мгновение

одновременно достигли цели – одна впиалась в белое пятно между рогами бычьей головы, другая, изменив траекторию, ... глубоко вошла в глаз Алтынтая. Воины хана Алтынтая, поначалу опешившие, обнажили мечи и бросились было на Алдар-Тукеза, но опоздали – тот был защищен щитами и зловеще сверкающими клинками солдат хана Чекеча.

Не спалось в ту ночь Тукезу. Он долго ворочался с боку на бок, мешая другим и беспокоя обманчивыми звуками чуткую стражу.

– Сам не спит и другим не дает! – услышал Тукез чей-то недовольный сонный голос. Он поднялся, осторожно переступил через спящих и вышел из шатра. Где-то на дальнем болотце заливались брачными песнями лягушки, шуршали камыши, изредка испуганно вскрикивала ночная птица. Тукез шел, ступая босыми ногами по влажной, утоптанной конями траве, а круглая, похожая на обриту голову луна освещала стан призрачным светом. Все, что было выше земли, отбрасывало тень. Черную-пречерную ночную тень. Лучник остановился возле большого, почти гладкого валуна, взобрался на него, сел, подтянув вверх колени и упершись голыми ступнями в прохладный, сырой от росы камень. Ему почудился какой-то едва уловимый шорох, что-то копошилось рядом.

– Лягушка, наверное. Или ящерица, – подумал Тукез. Но тут вдруг увидел рядом на валуне крупного богомола, вцепившегося острыми шипами саблевидных лапок в своего менее удачливого собрата и отгрызающего тому голову. Уже обезглавленной жертве неким образом удалось вырваться из смертельных объятий, и она стала отползать, неуклюже скользя и заваливаясь из

стороны в сторону. Большому богомолу не составило бы особого труда настичь потерявшего голову собрата, но он стоял на месте, наблюдая за его действиями. Безголовый, неуверенно цепляясь задними лапками за шероховатости валуна, стал разворачиваться и пополз прямо... в сторону ловца. А тот, растопырив передние лапы-мечи, вновь принял его в свои объятия, и стал догрызать, на сей раз прижав к камню и не оставив никаких шансов. Впрочем, их и так не оставалось.

Тукез внимательно созерцал освещенную луной картину недолгого поединка, так плачевно закончившегося для одного из участников. Он поднял глаза к небу. Лунный диск источал свет, но не оживлял земных красок – трава не была зеленой, а шатры пестрыми, небеса не были голубыми. Пролейся сейчас кровь – и она была бы не красной, а... черной. Тукезу вдруг открылась истина, она впилась каленой стрелой между лопаток, терзала и жгла, но не было возможности дотянуться до нее, выдернуть, избавиться: стрелок, не имеющий себе равных – всего лишь орудие в чужих руках! Его мастерство, слава, жизнь отныне всегда будут принадлежать другим. Это рок! И уже не ускользнуть из его железных объятий.

ТЕНЬ СВОБОДЫ

I

Сградо провел в горах почти четыре недели. Все это время он был один. Если не считать коз, конечно. Но ему нравится быть одному, спать в пастушьей хижине, готовить на открытом огне легкую похлебку или поджаривать тушку белки, ловко сбитой камешком из пращи. Он умело управлялся своим незамысловатым орудием, мог подбить не только белку, но и нерасторопную птицу. В горах хорошо – благодать! Хищные звери в здешних рощах не обитают. Кроме изредка забредающих так высоко в горы волков, опасаться некого. А волкам и в низине дичи хватает. Ни к чему им Сградовы козы, из-за которых и шкуры лишиться можно. Бывало и такое. Этот юноша не только пращей легко управляется, но и своим посохом с острыми зазубринами да костяным шипом на конце волка сильно покалечить мог. Он по крутым склонам шибче волка несется, будто горный козел скачет. Пробежит – ни камешка не скатится. Жители крошечной родной деревеньки охотно доверяли Сградо своим коз. Пастушье дело он хорошо знает. Поэтому в глубокой пещерке с прохладным и чистым ручьем всегда достаточно сложенных горкой головок нежного козьего сыра. И пряжу здесь прядут отменную. Не зря за ней издалека торговцы приезжают. Вообще-то, их, торговцев, двое. Братья они. В деревеньку, затерянную среди гор, частенько наведываются. Соли привозят, утвари домашней, костяные гребни и пряжки. Взамен пряжу берут, легкую, как пух, прочную и добротную. Иногда беличьи и куньи шкурки забирают или пастилу из дикой сливы, которую местные

женщины как никто другой готовят. Так и течет из года в год, из века в век тихая, размеренная жизнь в деревеньке, окруженной горами и рощами, не ведающей ни лютой стужи, ни жестокого зноя. Живут люди в согласии друг с другом, с природой, со своими добрыми духами, еще не ставшими грозными богами и не жаждущими славы и власти.

Сградо не спеша спускался к деревне по крутой, узкой тропинке, огибающей валуны и колючие терновники. Легкий ветерок доносил до него запах дыма. Он остановился и по-звериному повел носом. Почему-то ему почудилась примесь горечи в запахе родных очагов. Нет, показалось, наверное. Приносит же иногда ветер едкий запах далекого моря, что обрушивает волны на прибрежные скалы там, за самой дальней грядой. Когда-то предки Сградо пришли в это ущелье именно оттуда, скрываясь от разбойного морского люда. Укрытое нерукотворными стенами отвесных скал, оно стало их надежным обиталищем. Здесь заструился дымок новых очагов, смешиваясь с ароматом диких сливовых рощиц и шорохом жестколистных смоковниц. И дед Сградо родился здесь, и отец. И уже почти исчезли из речи звуки родного понтийского наречия. Юноша снова почувствовал примесь гари в запахе дыма. В сердце закралась тревога. Пастух снова остановился, снял со спины плетенную конусовидную корзину с лесными трофеями – собранными за четыре недели беличьими шкурками и связками подсушенной горной лаванды. Стал прислушиваться, нюхая воздух, словно дикое животное. То, что он не слышал радостного лая бегущего ему навстречу белоголового пса Кепеца, еще больше настораживало. Сградо свернул с обычной тропы и по-

шел в обход. Приблизившись со стороны поляны, где обычно устанавливали погребальные костры, он понял, что запах гари шел не отсюда – никаких следов свежего погребения не было. Значит, в его отсутствие никто не отправился к Престолу Матерей. Добравшись, наконец, до невысокой каменной ограды, он пригнулся и стал вслушиваться в глухие голоса, которые доносились из-за дымной завесы. Сградо не был труслив. То, что он почувствовал в следующий миг, нельзя назвать страхом – это было нечто более леденящее кровь. Холодный пот покрыл его спину и ладони, ноги стали будто не свои: тлели обрушившиеся крыши домов! Жителей деревни не видать было. Ни старых, ни малых. Зато недалеко стояла повозка братьев-торговцев, а они сами неспешно грузили в нее уцелевший деревенский скарб. Неспособный трезво мыслить, разъяренный от увиденного, Сградо с остроконечным посохом наперевес и диким криком бросился в их сторону. Но из-за дымящейся стены неожиданно выскочили трое незнакомцев довольно свирепого вида, и последнее, что почувствовал юноша, это сильный удар по голове, мгновенно оглушивший его.

Когда Сградо очнулся, вокруг было темно. Он подумал, что ослеп. Попытался встать, но тут вдруг понял, что крепко связан. Боль в затылке напомнила о случившемся. Сколько же прошло времени? Он застонал. От боли и бессилия. Со скрипом отворилась невысокая дверь и вошел мужчина с горящей лучиной в руке. Сградо зажмурился от неяркого света. Он успел разглядеть груды всякого тряпья, шкур и глиняных горшков со снедью. Воняло страшно! Даже для пастуха, привычного к запахам навоза, требухи, немытого тела и гниющей плоти, было слишком. Да еще странным обра-

зом покачивало. Сградо стошнило.

– Ну вот, еще одна вонючка пожаловала! – злобно произнес вошедший. Он крикнул в сторону открытой двери, – Эй, Лур, помоги выволочь этого дикаря! Воды зачерпни, помыть его надо малость. А то и остальных рвать начнет. Придется его на весла посадить, вместо подошедшего. Только нужно будет покрепче приковать, а то не удержать, дюжий парень.

– Удержим, не таких удерживали, – ответил подоспевший с кожаным ведром Лур. Он окатил Сградо холодной солоноватой водой. Юноша чуть не захлебнулся. – Ну и вонючка! А на весла хорош. Молодой, крепкий. Долго прослужил бы. Жаль, хозяин его Свириду продать решил. Эти горцы норовисты больно. А Свириду как раз такие и нужны. За него хорошо заплатят. Как же его развязать, чтоб не забодал?

Сградо не понимал, о чем говорили эти двое, но догадался, что он в море. В том самом, едва уловимый запах которого изредка приносил ветер из-за гряды. В море, о котором старики рассказывали горестные легенды, которое обрекало на беды его предков и которое он ненавидел всей душой.

II

Тоболг не мог уснуть. Он ворочался на жестком ложе, то и дело заталкивал продолговатую подушку, набитую высушенной морской капустой, то под левую щеку, то под правую. Меньше суток оставалось до последнего боя, до последнего дня рабства. Или последнего дня жизни... Но это его не пугало. Через сутки он в любом случае будет свободен. Либо сам станет свободным гражданином, либо душа его высвободится из оков истерзанного, окровавленного тела, которое похоронят

на презираемом кладбище за городскими стенами. Да какая ему, собственно, разница где и как зарюют обреченную на тлен плоть? Лишь бы душа не заблудилась и благополучно добралась до тех мест, где обитают души его почти забытых соплеменников, где при рождении получил имя Сайнагчин, а в юности прозвали Абаколом. За мощь в теле и силу в руках. Он не хочет вспоминать всех подробностей той, прошлой жизни. Не хочет вспоминать обмана, предательства и позорного пленения, всех унижений и испытаний, через которые пришлось пройти, пока не оказался в школе гладиаторов почтенного Свирида. Здесь его звали Тоболгом. Он сам так захотел. Хозяину было безразлично, как зовут варвара. Пусть даже превосходного гладиатора, но все равно раба. Правда, со временем отношение хозяина к безупречному бойцу, каким оказался Тоболг, изменилось. Он не ведал страха, превосходно владел и своим телом, и всеми видами орудий поединка. В нем странным образом сочетались беспощадная суть хищника – варвара и изящество отважного римского воина. Поэтому, прежде чем назначить дату последнего перед освобождением боя, Свирид взял с Тоболга слово не покидать школу гладиаторов и остаться служить в ней тренером.

– Я назначу тебе жалованье вдвое больше, если останешься, – стараясь оставаться спокойным, говорил Свирид. – Соглашайся. Жизнь на свободе обходится человеку дороже, уверяю тебя. Ты будешь воспитывать для меня хороших гладиаторов. Имея достойный заработок, тебе не грозит зависимость от богатых вдов.

Свирид, похоже, намекал на Евладию, которая не только опекала Тоболга, но и, как он давно заметил,

была в него влюблена. Хотя и прикрывалась маской надменной дамы, покупающей любовь мужчины. Если б только Тоболг знал, на какой рискованный и бесчестный шаг отважился Свирид ради того, чтобы он остался при школе! Этот шаг был почти преступен. Тайный сговор! И дело даже не в тех деньгах, которые женщина предложила за наименьший риск в последнем бою гладиатора. Свириду и самому Тоболгу был нужен. То беспокойство, которое старик старался скрывать в беседе с гладиатором, исходило от неуверенности в сыне, Свиридионе. Легкомысленный, беспечный недоумок скормит львам лучших бойцов, развалит любимое детище отца – самую известную школу гладиаторов! Глядя на единственного сына, вертящего задом, словно юная блудница, Свирид чувствовал себя самым несчастным отцом на свете. Да, жизнь рабов была ценна не более домашней утвари. Но порой ему становилось досадно: почему боги не дали его сыну хоть немного от силы, мужества и достоинства этих рабов? Ведь они, по сути, отдают свои жизни ради того, чтоб его ничтожный отпрыск имел возможность тратить деньги на распутство и жить, не ведая печали.

– Свиридион развалит школу, как только меня не станет! – предавался старик горестным мыслям. – Нужно побольше безупречных тренеров. Тоболга упускать нельзя. Пусть Евладия думает, что покупает у меня его свободу в обмен на обещание остаться при школе. Ох-ох-ох, женщины, женщины... На что только не исхитрятся, дочери порока! Крепко, однако, запала благородная душа на варварское тело.

Свирид в последний раз осматривал бойцов, которым предстоит драться. Он остался доволен. Да, это

будет впечатляющее зрелище!

– Кетий будет биться с Тоболгом, – ответил зритель на немой вопрос хозяина. – Вторым выйдет Авриблапт.

– А третьим?..

– Думаю, Киттадий. Если устоит Тоболг.

– Должен устоять...

– Тогда лучше того юношу выставить, – кивнул понятливый Ведев. Он привык не задавать лишних вопросов. – Новичка. Ловкий, сильный, увертливый. Неплохой ретиарий. Но биться со спектатом – это не волков палкой разгонять. У дикарей, как правило, хорошо отлажена техника нападения. Тут им равных нет. Но защита – никакая! Иных так и не удастся научить защите. Зато это прирожденные ретиари.

– Не рассказывай мне того, что я и сам знаю. Ты о том пастухе? Как его зовут, забыл...

– Сградо.

– Ну и имена у этих дикарей! Это его настоящее имя? Хотя, какая разница, – задумчиво глядя в сторону, махнул рукой Свирид. – Тоболг уже знает, с кем будет биться?

– О Кетии и Авриблапте знает.

– И довольно.

Понятливый Ведев снова кивнул и удалился. А Свирид направился к строению, где жили гладиаторы. Он решил еще раз поговорить с Тоболгом и убедиться, что тот не изменит решения относительно школы. Как Свирид и предполагал, гладиатор еще не спал, хотя время было довольно позднее. Обычное дело в канун боев. Увидев вошедшего хозяина, Тоболг поднялся с места.

– Садись, – сказал Свирид, и сам опустился на грубую скамью напротив. – Я знал, что ты не спишь. Решил в последний раз поговорить и предостеречь тебя от опрометчивого шага, который может последовать за словом «свободен!» Разумеется, если тебе суждено его услышать. Звучит оно желаннее звона монет и дурманит слаще вина. Особенно тех, кто давно забыл ее вкус. Много лет назад я отпустил очень хорошего спектата. Он отклонил мое предложение остаться служить при школе. На радостях за три дня прокутил все полученные деньги. Работы подходящей найти не смог. Что может делать гладиатор? Только драться. И очень скоро он примкнул к грабителям. А через год был пойман и распят вместе с другими разбойниками. Еще хуже случилось со вторым отпущенным. Он решил не дожидаться утра и был убит и ограблен совсем недалеко от стен школы. Тело бедняги сволокли на пустырь за городскими воротами – ведь он не успел воспользоваться «вольной» и не имел записи в городской управе. Нечасто рабы получают свободу. Будь благоразумен.

Тоболг слушал молча, опустив голову. Свирид поднялся, сделал знак гладиатору не вставать и вышел. Долгий разговор с рабом не входил в его планы. Самое необходимое уже сделано. Все остальное сделает Евладия. Уговоры и просьбы – дело женское.

III

Дом состоятельной вдовы Евладии стоял недалеко от школы гладиаторов. Он был относительно небольшим, но очень красивым и удобным, с просторными и светлыми комнатами и тенистым портиком, уставленным кадучками с цветами и декоративными кустарниками. За чистотой внутреннего дворика и растениями

следил старый дак Месла, раб, покалеченный и охромевший в очень давнем жестоком бою. Меслу продали покойному мужу Евладии в придачу с мулом. Советы раба никого не интересуют, поэтому однажды его высекли за то, что недобросовестно вычищал заросшие сорняками щели между каменными плитами. – Если мальву и мокрицу добавить в блюдо из шпината и крапивы, будет вкуснее и полезнее. Мальва целительна для многих хворей, – ответил тогда Месла на замечание, за что и поплатился. Но вскоре кто-то из слуг действительно излечился от жестокого кашля, принимая отвар из побегов мальвы. С тех пор ее не уничтожают, а только очищают от сухих стеблей. Стряпуха стала запекать мелко нарезанную мальву, листья одуванчика и другую дикорастущую травянистую зелень в тонко раскатанном тесте. Смазанное творогом и посыпанное барбарисом, это блюдо стало самым любимым у покойного хозяина. За рецепт, подсказанный дакским рабом, похвалили стряпуху. Кто же признает, что пища варваров может быть так изыскана и вкусна?

А смекалистая женщина продолжала готовить сырные лепешки с анисом и кисломолочную похлебку с диким укропом и базиликом, убажывая желудки хозяев-аристократов диетой презренных козопасов.

Евладия стояла на веранде, наблюдая за Меслой, поливавшим цветы в кадучках. Будто почувствовав на себе чужой взгляд, он поднял глаза. Хозяйка поманила его рукой. Старый дак поднялся на веранду.

– Скажи-ка, Месла, – негромко произнесла Евладия, – какие чувства может испытывать раб, получивший свободу?

Старик опешил. Он был готов к любому вопросу,

но только не к такому – с каких это пор хозяев интересуют чувства рабов? Он с изумлением посмотрел на женщину, но не увидел в ее глазах насмешки. В них затаились мука, неуверенность и бессилие. Евладия пыталась подавлять волнение, но голос все же слегка подрагивал.

– Если молод и полон сил, то радость. Если стар и немощен, то... страх, – не колеблясь ответил раб.

– Я не слышала слова «счастье»...

– Ты спросила о чувствах, а счастье – это дар. Его можно обрести, потерять.

– А купить?

– Можно и купить... Но такое счастье подобно фальшивым драгоценностям: тот, кто продает обманывает, а тот, кто покупает обманывается, – старый дак замолк, опасаясь наказания за столь вольную трактовку понятия, чуждого рабам. Он заметил тень, пробежавшую по лицу Евладии. Месла поспешил уйти, как только хозяйка позволила. Внимание господ обычно не сулит ничего хорошего. Умный раб может вызвать раздражение. Старый хромец почувствовал облегчение, вернувшись к своим метлам и кадушкам. Хотелось поскорее забыть взволнованную хозяйку, озадачившую его неожиданными вопросами. То, что женщина охвачена любовной страстью, он понял почти сразу. Но почему ее чувство так противоречиво? Неужели, предмет страсти ... раб? Нет-нет, какая безумная мысль! Гнать, гнать ее подальше!

* * *

Предаваться разгулу и порочным утехам в канун боев – чем еще можно подавить гнетущие, тревожные чувства перед грядущим днем? Назвать эти чувства

страхом, беспокойством, сомнением, постыдными для гладиатора? Разгоряченные видом крови оружие трибуны видят их предназначение в смерти. А там, внутри могучих тел, живут и боль, и страх, и ненависть.

Свирид вылил на каменный пол кувшин дорогого вина, благословив таким образом трапезу. Он посидел недолго, благодушно улыбаясь и наблюдая за гладиаторами, поглощающими хрустящие кусочки хорошо прожаренного свиного вымени, запеченную в тесте рыбу, свежие фрукты и ушел до появления женщин. У входа он оглянулся и бросил взгляд на Тоболга, который показался ему недостаточно веселым. Нет, показалось – наверное, спектакт немного взволнован долгим отсутствием Евладии.

– Зря тревожишься, – говорил сам с собой Свирид. – Прежде, чем вступит в бой новичок, следует объявить, что свободу обретет победитель. И у публики не возникнет никаких сомнений, и пастух покажет хороший бой. Надеюсь, это ему не поможет... Безусловно, не поможет. Куда ему, до Тоболга, пусть даже и уставшего!

Почтенному Свириду не занимать опыта в гладиаторском деле. Победы и поражения он видел наперед, как отражения в мельхиоровых зеркалах. Настоящего бойца мог определить подобно купцу, пощупавшему лишь край материи. Если б новоприбывший молодой варвар представлял в будущем интерес, он не остался бы незамеченным. Свое дело старик знал, уж он-то мог отличить настоящего бойца от хорошего драчуна. Свирид был так занят своими раздумьями, что не заметил сына, притаившегося за выступом стены. Развратному отпрыску не терпелось присоединиться к

пиршеству гладиаторов. Он пренебрег строжайшим запретом отца. Желание ощутить жар разгоряченных мужских тел – таких сильных и красивых! – подавляло в нем остатки достоинства. Что из того, что он позволит прикоснуться их потным ладоням своей нежной кожи? От такого прикосновения у него захватывало дух, дрожь пробежала от щиколоток до бедер и разливалась теплом внизу живота. Одна только мысль о грубой силе варваров наполняла Свиридиона истомой. Ах, эти дикари так волнуют кровь! Зачем же отказывать себе сегодня в плотских утехах, если завтра многих из них не будет в живых? Так думал Свиридион, нетерпеливо теребя край желтого плаща в ожидании, пока отец не скроется за дальними арками. А из просторной залы, где пировали завтрашние смертники, доносились громкие голоса мужчин и смех уже присоединившихся к ним женщин.

Выйди Свиридион из своего укрытия на миг раньше, он столкнулся бы с высокой дамой, которая прошла в залу, кокетливо придерживая кисею на груди.

– Евладия! – Свиридион был удивлен и раздосадован. – А ведь корчит из себя неприступную твердь. Не зря она так дружна с отцом. Ему, наверняка, все известно. Знает, старый плут, про похождения вдовы почтенного Эремия. Чтоб тебе провалиться, шлюха! Пора уносить ноги. Хорошо, что не заметила. Будет кому покупать мое молчание. Пусть думает, что охрана у меня в руках. Стареющая верблюдица не прочь порезвиться с мускулистыми рабами. Лицемерка, старая похотливая кошка!

Называя благородную даму лицемеркой, юный развратник не считал себя более безнравственным, чем она.

IV

Устроившись рядом с Тоболгом, Евладия приняла из его рук ломтик апельсина. Близость мужчины, запах его тела дразнили женщину, но она не спешила уводить его за полог в дальнем углу комнаты. Сегодня ей хотелось подольше посидеть с ним рядом, понаблюдать за его грубоватыми повадками, любоваться высокими скулами, узкими, оттянутыми к вискам рысьими глазами, полуулыбкой знающего себе цену плененного хищника. Сомнений в том, что после завтрашнего дня ей не придется скрывать свой интерес к этому мужчине, у Евладии не было. И кто знает, может быть, когда-нибудь общественному мнению придется отступить перед отношениями этой пары, узаконенными супружеством. Удивительно, но Евладию не покорила такая мысль. Наоборот, она даже улыбнулась ей. Лишь легкое огорчение, которое оставили в душе слова старого Меслы, мешало женщине в полной мере наслаждаться сладостными грезами.

– Пойдем! – Тоболг вдруг резко повернул к ней лицо и сильно сдавил кисть. Евладия не сопротивилась. Но, прежде чем отстегнуть брошь в виде бледно-розовой азалии, уединившись за пологом, она спросила:

– Ты невесел. Почему? Завтрашний бой сулит тебе свободу. Будешь волен распоряжаться собой сам. Не то, что прежде.

– Прежде я убивал подобных себе в утеху жадной до чужой крови толпе. А впредь буду учить этому других. Не вижу особой разницы.

– Ты можешь отказаться от предложения Свирида. Если владеешь другим ремеслом.

– Не владею...

– Не станем загадывать наперед. Подождем, когда минует последний день...

– ...рабства. Почему же ты умолкла?

– Потому, что мне не нравятся твои слова. Поцелуй меня! Ночь с лучшим из гладиаторов принадлежит мне!

– Сегодня мне приснился снег...

– Что? Не слышала такого слова.

– И я его почти забыл. Но во сне вспомнил. Мне снился маленький мальчик, увязший в сугробе. Его черные волосы были заплетены в три косицы, а в руках он держал... чакай. Мальчика отправили за хворостом для очага. Странно: я вспомнил еще одно слово! Он провалился так глубоко, что не мог выбраться. Кричал, звал на помощь на когда-то знакомом языке. Но его никто не слышал. А потом он стал замерзать. Я проснулся от того, что дрожал от холода. Долго не мог согреться... Ты можешь толковать сны?

– Нет. Да и как я могу истолковать «снег» – я правильно произнесла? – если не видела его никогда. Но разогреть тебя сумею. Сейчас тебе станет очень жарко! Мне уже не терпится побезобразничать...

Евладия провела ладонью по смуглой груди гладиатора, она изнывала от желания. Но Тоболг вдруг отвел ее руку. Женщина смутилась. Другая оскорбилась бы такой неучтивостью... раба. Евладия насторожилась. Она понимала, что перед решающей битвой даже самый отважный и бесстрашный человек может испытывать тревогу. А Тоболг был дорог ей. Теперь уже можно сорвать с себя маску надменности и превосходства. К чему она, если этот мужчина давно завладел ее сердцем? Но волнение Тоболга передалось и ей.

– Если б я не знала тебя настолько хорошо, подумала бы, что это страх.

– Только слепой может, стоя на краю пропасти, не испытывать страха перед последним шагом, – Тоболг усмехнулся. – Нет, ты права, это не страх. Я слишком привык к смерти, чтобы пугаться ее. Но тот мальчик из сна боялся умереть. Я почувствовал это.

– Ну, хорошо. Я расскажу твой сон своему слуге, старому Месле. У него наверняка, найдется толкование. Может быть, и он когда-то видел снег... Так непривычно видеть тебя грустным! Скажи, ведь тебе грустно? Иди ко мне, я развею твою грусть...

* * *

...Пропитанный кровью песок был убран. Арену посыпали сухим и чистым песком. Публика напоминала неистовый птичий базар. Вот это бой! Свирид был на высоте, он сумел удивить не только редким по напряженности представлением, но и неожиданным для зрителей решением: непобедимый Тоболг, одержавший победу над двумя лучшими гладиаторами, получит свободу в награду за победу над третьим, который обретет свободу, если выстоит в своем, возможно, единственном бою. И хотя первый бой с огромной долей вероятности может оказаться для него последним, юному варвару Сградо есть за что биться с Тоболгом!

Глядя на двух мужчин, готовых схватиться в смертельном поединке, Евладия снова ощутила смутную тревогу. Пару часов назад могучий мермело в шлеме, укрывающем его голову и лицо, вызывал в ее сердце нежность и ликование. Сейчас вдруг стало страшно. У нее вспотели ладони, закружилась голова. Захотелось уйти. Она сделала знак служанке, чем бес-

конечно удивила ее: впервые за много лет хозяйка решила покинуть столь захватывающее зрелище, не дождавшись исхода поединка. Наблюдавший за Евладией Свиридион криво усмехался, провожая ее взглядом.

– Ах, какие мы чувствительные! Вдовушка почтенного римского аристократа переживает за потного раба! – довольно громко произнес Свиридион. Но его слова никем не были услышаны – трибуны ревели.

Сградо стоял в трех шагах от Тоболга, выставив вперед левое плечо, защищенное наплечным щитом. Голова юного ретиария была обнажена, темные волосы стянуты в тугий узел, пальцы руки, сжимающей трезубец, побелели от напряжения. В какой-то миг он почувствовал тошноту, будто вновь оказался брошенным в темную клетку корабля работоторговцев. Как и тогда, вокруг бушевало враждебное море – на этот раз людское, – орущее, кровожадное, презирающее его море зрителей. Юноша сделал первый рывок, но был тотчас отброшен соперником и чуть не упал. Он заметил, что по руке поползла струйка крови и был обескуражен – ведь, казалось, мермело даже не коснулся его! Сградо не понял, каким образом гладиатор нанес ему рану. Зато Тоболг понял сразу: перед ним всего лишь увертливый, но совсем бесхитростный жертвенный козленок. Свобода раскрыла над Тоболгом свои крылья – они были... черными. Тень свободы была слишком мрачной...

– Сайнагчи-и-ин! – вдруг донеслось до Тоболга далеким эхом. – Ирам суж кадый! Сайнагчи-и-ин!

– Я здесь! – что есть мочи закричал мальчик, пытаясь разгрести коченеющими руками снег над головой. Сердце Тоболга радостно заколотилось. Он понял, что песок под ногами – это вовсе не песок, а снег. Его

ищут! Надо только подать голос и его обязательно услышат и найдут.

– Целься в глаз щита! Бери свободу, она твоя! – голос, приглушенный шлемом, все же был услышан ретирием. Сам не понимая почему, Сградо подчинился ему. И в тот миг, когда трезубец должен был впитаться тремя остриями в середину тяжелого щита Тоболга, тот неожиданно открыл грудь.

Старая Дергене неодобрительно качала головой, глядя, как жёщины хлопотали вокруг мальчика, растирая тело гусиным жиром и отпаивая его отваром из трав.

– Напрасно не дали Сайнагчину уйти к духам холмов Белой Тигрицы, – недовольно шептала старуха, водя над раскаленными углями медвежью лопатку. Она пыталась прочесть судьбу мальчика по проступающим на плоской кости пятнам и только ей понятным знакам. – Нет его среди живущих впредь. Не эта его жизнь. Примкни его душа к предкам, охранял бы Сайнагчин своих братьев и сестер. Но теперь его земная жизнь удлинилась вчетверо. И вчетверо сократилась тень. Дергене знает, что говорит.

ЧЕРНОКНИЖНИК

– Перестань брюзжать! – хозяин квартиры, мужчина средних лет, оторвался от чтения книги, раскрытой ровно посередине, и повернулся лицом к лежащему на коврикe псу. – У тебя прекрасное, редкое, несущее глубокий смысл имя, Аргус! Каждое твое пятнышко напоминает глаз. А их как раз сто, я сосчитал.

– Плохо считал! – пес лежал, уткнувшись мордой в лапы и, казалось, дремал. Он лишь слегка приподнял ухо. – Их сто одно. Только ему, сто первому, и удастся поспать. Остальные – оченьки мои недремные! Нет чтобы Крезом назвать или, на худой конец, Цезарем...

– Потому и не назвал, чтоб не заносило, – усмехнулся хозяин. – Амбициозный ты слишком. Того и гляди, золота и власти взалкал бы!

– Не смешно... – пес недовольно ударил хвостом об пол.

– Псу положено службу нести. Один глаз спит, другой бодрствует.

– Вот именно! А у меня вся шкура в глазах. И ни один не спит. Все псы как псы, один я Аргус стоглазый...

– Что ж, могу вернуть тебя в родное лоно собачьей жизни.

Аргус встрепенулся. По короткошерстым белым бокам, усыпанным сотней черных пятен, пробежала нервная волна. Пес вскинул морду и уставился на хозяина – шутки колдунов могут иметь роковые последствия! Но хозяин, по всей видимости, был далек от дурных помыслов. Он заложил шелковой лентой недочитанную страницу, закрыл необычного вида книгу и бе-

режно переложил ее в ящик стола. Пес уже немолод, вот и капризничает. Преимущества своей жизни Аргус вполне осознает, о «собачьей жизни» большинства сородичей представление имеет и нарываться на ссору с хозяином-чародеем неразумно – все это оба хорошо понимают.

– Сегодня у тебя будет возможность еще раз убедиться в том, что исполнение желаний не всегда делает счастливым, – последние слова импозантный мужчина, внешность которого никак не соответствовала традиционному стереотипу магов и колдунов, произнес уже вслух. Он встал из-за стола, подошел к собаке и в знак дружбы легонько потрепал по загривку. Беспокойство Аргуса рассеялось. Затем хозяин приблизился к окну и отодвинул штору. Комната наполнилась мягким светом полуденного весеннего солнца.

– Сегодня у нас весна, – произнес он, зажмурился и сделал глубокий вдох. – «Время пробуждения природы». А разве она вообще когда-нибудь засыпает? Скажут же люди! Реки текут и зимой, скованные льдами. Животные продолжают приносить потомство, вскармливают его в норах и берлогах, укрытых сугробами. Под корой голых деревьев вызревают новые почки. Все живет, дышит, движется. Природа – великая труженица! Ей без разницы времена года. Она никогда не спит.

– Прямо как я! – тихонько твякнул Аргус. Он уже не сердился. Наоборот, загордился таким сравнением. Пес приготовился продолжить тему самоотверженности и незаменимости собственной персоны в миссии хозяина. Но тут в дверь легонько постучались. Она не была заперта. На пороге стоял мужчина лет сорока.

– Разрешите? – посетитель робко топтался на

месте и обводил комнату почти испуганным взглядом. Не найдя в помещении даже намека на жилище колдуна, он удивился. – Я не ошибся? Вы кол..., простите, господин Ашумал?

– Не ошиблись, – вежливо ответил хозяин, пригласил его войти и указал на кресло. – Проходите, присаживайтесь. Мы тут с Аргусом размышляли о явлениях природы, об их круговороте. Все, что нас окружает, без конца переходит из одного состояния в другое. Но никто этому не удивляется, не называет это волшебством. Почему, как вы думаете?

– Не знаю, – пожал плечами посетитель. Он пытался понять, кого Ашумал назвал Аргусом, но не видел никого, кроме небольшой белой рыбки со множеством черных пятен, которая лениво двигала плавниками в круглом аквариуме на треноге, слева от стола. – Какое же это волшебство? Обычное дело. То вода, то лед... То камень, то песок... Нормально.

– То уголь, то алмаз, – продолжил хозяин. – Тоже вполне нормально. Особенно относительно стоимости.

– Это другое. От угля до алмаза миллион лет проходит, – снова неуверенно пожал плечами гость.

– Верно. Но и за более длительный срок не каждый кусок графита становится алмазом. Однако, что вас привело сюда, если не верите в волшебство? – необычный маг сосредоточенно разглядывал пятнистого Аргуса в круглом аквариуме. Одинокая рыбка, по всей вероятности, была сыта, от того и не реагировала на легкое постукивание по стеклу и расползающуюся по поверхности воды щепотку рыбьего корма.

– Как вам сказать... Мне говорили, что... Видите ли, я неудачник... Хронический. Даже когда родился,

умудрился плечо вывихнуть. Так и пошло по жизни. Все шиворот-навыворот... Соседскому коту завидую!.. – с трудом подбирая убедительные слова, ответил посетитель. Он еще раз обвел взглядом комнату. В ней не было абсолютно никаких предметов, указывающих на ремесло хозяина. Ни пучков ведьминских трав, ни пузырьков с зельем, ни свечей или цветных камешков – вообще никакой «колдовской» утвари. Это была обыкновенная небольшая комната кабинетного типа, с громоздким письменным столом, двумя глубокими креслами, книжными полками, уставленными томами классиков эпохи социалистического реализма и толковыми словарями. На стенах никакой ритуальной символики или рисунков таинственно-зловещего содержания. Обои обыкновенные, бледно-зеленые. На одной стене висели часы, тоже ничем примечательный предмет домашнего обихода, штамповка массовой торговли. Правда, будь посетитель менее зашорен мыслями о своей несчастной судьбе и более внимательным относительно окружающего мира, он заметил бы, что только часовая стрелка движется в правильном направлении. Минутная же шла назад. Она двигалась очень медленно, крадучись и пятясь. Легкая ситцевая шторка с фиалками и загогулинами была отодвинута. Снаружи доносились звуки шумного и душного городского лета.

– А вот завидовать нехорошо! – подмигнув рыбке, произнес хозяин. – Тем более, коту. Чем же кошачья жизнь лучше человеческой?

– Тем, что кастрированный кот моей соседки спит в специальном лукошке, на шелковой подушечке с кружевами, жрет паштет из отборных креветок и печени цесарок, запивает витаминизированным молоком и

лечится от несуществующих болезней в элитной ветеринарной клинике! Для его фотоснимков специальный альбомчик имеется, а фотографа домой приглашают раз в три месяца и валютой платят. И что самое ужасное... я дни считаю до следующего раза. Не дождусь, когда старая дура позовет сфоткать этого дармоеда. Когда он сдохнет, его цветная фотография будет висеть на стене в траурной рамке!

– Да-а, коты недолго живут. Лет десять, наверное. Или чуть больше.

– А что моя долгая и никчемная человеческая жизнь против его короткой и беззаботной кошачьей?

– У вас больше времени на перемены.

– Я уже прожил почти сорок лет, но еще не испытал от этого особенного восторга. Вы хотите сказать, что долгая жизнь неудачника – это преимущество перед короткой жизнью кота-везунчика? Бьюсь, как рыба об лед, а хорошего дантиста себе позволить не могу. Зато у кота Теодория золотой клык, и эта сволочь всякий раз будто дразнит меня, скалится, когда прихожу. Видели бы вы, как он позирует перед объективом – Том Круз, да и только! Извините, но у меня такое чувство, что я пришел на прием к психологу, а не к... колдуну. Да и обстановка тут, скажем прямо, какая-то нечародейская, – посетитель еще раз обвел взглядом книжные полки и треногу с круглым аквариумом.

– Ясно... Вы ожидали увидеть кругом хрустальные шары, мумии неведомых тварей, дымящиеся черепа и шаманские бубны? Наверное ждете демонстрации чудодейства.

– Не помешало бы... – по своему обычаю неуверенно пожал плечами посетитель, – Для убедительности.

– Я, знаете ли, не амбициозный библейский фо-

кусник, – спокойно ответил Ашумал. Недоверие гостя нисколько не обидело его. – Понимаю вас. Сомнение – это один из путей к познанию. Но почему же тогда вы так уверены в своей предрешенной невезучести? В этом случае у вас, вижу, сомнений нет. Ну, да ладно. Исполню вашу мечту. Отныне жизнь ваша станет безмятежной, сытой и беспечной. Как у соседского кота... Как, вы сказали, его зовут, Теодорий? Любопытное имечко. Можете идти, любезный. Идите.

– К-куда? – недоуменно вскинул брови гость.

– К своей мечте. Куда же еще? Советую вам поспешить. А то дождь собирается, промокнете. Вот и осень пришла. Аргус любит осень, – маг ласково посмотрел на пятнистую рыбку, будто уснувшую в самом центре аквариума. Он протянул гостю руку для прощального рукопожатия.

– Сколько я вам должен, господин Ашумал? – спохватился посетитель.

– В вашем понимании, нисколько.

– Только не говорите мне о душе в качестве оплаты, – криво усмехнулся мужчина. – Я не верю в козни дьявола относительно проданной души.

– И правильно делаете! Тем более, что я и не дьявол. Ничего, кроме времени на чтение любимой книги, мне не нужно. Возьму у вас лишь то, что вам самому в тягость. Поторопитесь, скоро наступит зима, – с этими словами он отпустил руку гостя и проводил его до дверей. Когда дверь за посетителем закрылась и, слившись краями со стеной, стала ее частью, маг Ашумал провел по ней ладонью, постоял перед стеной какое-то мгновение и вернулся в свое кресло перед громоздким письменным столом. Он открыл ящик стола, вынул оттуда

тяжеленную книгу и осторожно раскрыл перед собой на том же месте, где была заложена шелковая лента.

– Ну вот, – вполголоса произнес маг, кинув взгляд на лежащего рядом пса с сотней черных пятнышек-глазков, покрывающих спину и бока, – у нас появилось время прочесть еще несколько страниц. Все, как всегда, по-честному. Ты сам видел, как я старался его отговорить. Но он так уверен в своей невезучести и никчемности, что мог пойти на самоубийство. Так что, никакого насилия или обмана. Человек завидовал обласканному судьбой коту и впредь будет доволен. А мы получили оставшуюся часть его человеческого бытия, еще 34 года. Не ахти как много, но не так уж и мало. Думаю, пару страниц осилим.

Пес лежал, как и прежде, уткнувшись мордой в лапы. Будто дремал. Но, когда хозяин нагнулся, чтоб погладить его, обиженно отвернулся.

– Снова дуешься? – тихонько засмеялся хозяин. – Ладно, извини. Я просто предусмотрительно подстраховался, чтоб не раздражать тебя присутствием потенциального кота.

– И не смог придумать ничего лучше рыбы...

– А ты забыл, как в прошлый раз дамочку разволновал вид пятнистой орхидеи, и она чуть не оборвала отросточек на рассаду?

– Забудешь ее, как же! Чуть без хвоста не оставила! А этого, кошачьего фотографа, облаял бы от души, не будь я рыбой.

– «Рыба немая», – думает человек. «Человек глухой», – думает рыба. Из-за твоего окраса у меня очень ограничен выбор. Не превращать же тебя в байкальскую нерпу!

– Конечно, лучше в карма... Спасибо, хоть не в камбалу.

За окном было уже совсем темно. Редкие крупные хлопья снега медленно опускались на ветки старого дерева, для того, чтобы ранним утром проснуться весенними почками.

* * *

Пожилая женщина без конца утирала салфеткой распухшие от слез глаза. Она в который уже раз разглядывала фотоальбом со снимками своего умершего три дня назад любимца, мордастого кота Теодория. Преждевременная смерть Теши на восьмом году жизни (ветврач сказал, что это произошло от переедания и малоподвижного образа жизни) стала для нее ужасным потрясением. А все предметы в доме были так или иначе связаны с Тешуней и напоминали о нем душевной болью. К тому же ей не удалось сделать последнего, посмертного фотоснимка кота в миниатюрном гробике – сосед-фотограф пропал куда-то именно в тот момент. Она не могла себе простить! Женщина как раз собиралась поднести к губам цветную фотографию Теодория, сделанную два месяца назад, как до нее донесся странный звук. Будто кто-то плакал за дверью. Безутешная хозяйка издохшего кота-чревоугодника отложила альбом с фотоснимками в сторону и, подойдя ко входной двери, заглянула в «глазок». На лестничной площадке никого не было. Она приложила к двери ухо и вновь услышала жалобное попискивание. Старушка надела очки и осторожно приоткрыла дверь. Она не сразу разглядела промокшего и озябшего дымчато-серого котенка на половичке перед соседней квартирой, хозяин которой отсутствует третий день.

– Ах! – сцепила пальцы женщина, определив, наконец, источник жалобных звуков. – Бедненький ты мой! Иди ко мне, маленький, иди, славноенький. Господи, худенький-то какой!

Старушка бережно взяла на руки несчастного котенка и занесла в свою квартиру. Здесь малыш был напоен теплым молочком из ложки почившего Теодория, растерт антиблошиными салфетками, подсушен мягким махровым полотенцем и вскоре уснул, свернувшись в углу дивана, укрытый пуховым платком хозяйки. Женщина смотрела на него, не в силах сдерживать слезы. Но на сей раз это были слезы умиления и тихой радости, уступающей место печали. Она вспомнила, как несколько лет назад в такой же холодный вечер подобрала у парадного входа дрожащего и мокрого котенка, нареченного позднее Теодорием.

– Ну вот, Тешуня, ты и вернулся! Ты больше не покинешь меня, золотце, правда? И все у нас будет замечательно...

ШУБА ИЗ МЕДОЕДА

I

– На тебя вся надежда, Чина! Выручай, достань для нее шубу из этого дрищенного зверя! Ну, хотя бы шкур его раздобудь. Приспичило стерве шубу из медоеда!

– Из медочего?

– Медо...еда, будь он неладен!

– А оно где обитает? Летает, бегаёт, плавает?

– Не до шуток мне, Чина. Бегаёт. В Африке где-то. Норки роет, змей жрет, ульи разоряет. По телеку, говорит, видела. Небольшой такой, но злючий. Сам, говорит, черный, а на спине вроде белое седло, – щедро сдобривая описание медоеда лексическим ненормативом, хрипел Гасан на другом конце провода.

– Если небольшой, штук тридцать шкурок пойдет...

– Она до пола хочет.

– Значит, полсотни. Не меньше. Слушай, Гасан, ты представляешь, во сколько тебе выйдет такая шубина? Зверь-то, наверняка, краснокнижный. Браконьеры – раз. Контрабанда – два. Все остальное – семь. Купи ей лучше небоскреб во Флориде.

– Два бы купил, не хочет! Я ей даже космический тур предложил. Это сейчас доступно.

– И что?

– Задумалась сначала, а потом согласилась. Слетаем, говорит, но только в шубе из медоеда поверх скафандра!

Терпение Чингиза уже пошло мелкой зыбью, поэтому звонок на сотовый оказался очень кстати. Звонил поставщик. Из Греции. Две недели назад Чингиз получил предложение купить партию дорогих женский шуб и по

невероятно низкой цене. Нет, дело не в плохом качестве товара. Просто у владельца известного афинского магазина мехов случился какой-то криминал. То ли убийство произошло в торговом центре, то ли террористический акт, точно он пока не знал. Но поставщик надежный, ему можно доверять, врать не станет. Утверждает, что хозяин товара уезжает из страны и вынужден все срочно распродать. Времени на раздумья очень мало, на днях должен заявиться представитель сети «Снежная дарница» и есть опасение упустить выгодную сделку. Кстати, хозяин и шикарный особняк на берегу моря продает за недорого – не желает ли Чингиз приобрести? Нет, не желает. В отличие от амбициозных придурков и их ненасытных пассий, у него не горит иметь по «избушке у каждого синего моря». Но товар берет, решено.

– Послушай, друг, – обратился Чингиз к заказчику медоедовой шубы. Отказывать постоянному и весьма платежеспособному клиенту неразумно, да и рейтинг не позволяет. – Я перезвоню тебе завтра. Достанем тебе едомеда, или, как его там, медозмея.

– Медоеда... не смешно.

– Не сердись. Ты извини, я сейчас очень занят, у меня поставщик на линии. Обязательно перезвоню тебе завтра. – Чингиз бросил трубку и переключился на разговор с поставщиком, посулившим реально выгодную сделку. Обсудив с ним детали, велел сбросить всю информацию на электронную почту и ждать денежный перевод на реквизиты банка. Время было уже позднее. Покупатели и просто желающие поглазеть на дорогие шубки, погладить мягкую, шелковистую шерстку убитых в угоду капризам состоятельных дамочек песцов, енотов, лис, норок, ласок и прочих мелких хищников

давно попивали чаек перед телевизорами. Продавщицы и менеджеры приводили в порядок примерочные и вереницы шуб, дубленок, манто и воротников. Чингиз вышел из кабинета, обошел торговый зал, внимательно осмотрев отделы и прилавки. На персонал он полагался, но, все равно, сам лично осуществлял контроль и включал сигнализацию.

В глубине салона стало темно. Мягкая подсветка витрин обволакивала цветной дымкой надменные манекены, укутанные в серебристые песцы и чернобурки. Глядя на них, куклы соседней витрины, облаченные в изысканные дубленки, повернули опечаленные личики в сторону, будто стыдясь своих «травоядных» убранств: куда до них рыжим ламам и белорунным овечкам!

II

Чингиз приехал домой очень поздно. Есть не хотелось. Он включил электрический чайник и через пару минут уже держал в руках чашку с ароматным, но безвкусным растворимым кофе. По телевизору только что закончился последний выпуск новостей, шел анонс передач на завтра. Чингиз убрал звук телевизора, раскрыл ноутбук. Вскоре «поиск» завершился, на экране появилась интересующая его информация. Как он и предполагал, медоед, в самом деле, находится в числе заповедных зверей, обитает на диких бушменских территориях Африки, отличается свирепым нравом, почти неуловим и мало изучен. С экрана на Чингиза смотрела черная остроносовая мордочка с малюсенькими глазками, в глубине которых затаилась злобная искорка ярости. Чингиз с интересом разглядывал маленького африканского

дьявола, обреченного на гибель неумными аппетитами безмозглой красотки.

– Бедняга, – сочувственно покачал головой Чингиз. Он дотронулся указательным пальцем до влажного рыльца на экране компьютера. – Ты уж прости, дружок. Думаешь, мне вовсе тебя не жалко? Ошибаешься, дорогой медоешка. Не знал я о тебе ничего и дела до тебя не было. Но бизнес есть бизнес. В недобрый час приглянулся ты этой упертой фурии. По-правде сказать, и шкурка у тебя не стоит того. Как хорошо, что я не торгую дамскими сумочками. Не то такая, вот, взбалмошная бабенка однажды пожелала бы ридикюль из кожи лохнесского ихтиозавра.

Чингиз рассуждал вслух, ведя пальцем вокруг медоедова рыльца. Внезапно зверек сделал рывок, обнажив острейшие белые клыки и угрожающе зашипел. Чингиз вскрикнул от неожиданности и, одернув руку, стал тереть указательный палец, словно тот был укушен. А зверек с белым седловидным пятном на спине продолжал шипеть и свирепо сверкать черными бусинками глаз. Казалось, он вот-вот разнесет экран, вырвется наружу и вцепится в Чингиза острыми зубами, станет рвать его кожу с таким же треском и хрустом, как только что сделал это со смертоносной коброй. Подумать только, и могучие львы благоразумно избегают встреч с ней. А маленькому зверьку хоть бы что! Даже смертельная опасность не становится причиной исключения ядовитой змеи из его рациона. Знойная и безжалостная к слабым и глупым саванна – суровый учитель и методы у нее жестоки. Пощады нет никому! Вот и научился медоед выживать, отвечая свирепостью на жестокость. Невольно Чингиз проникся уважением к черному афри-

канскому дьяволенку. Но он знал, что минута слабости скоро пройдет и с завтрашнего утра ему придется вплотную заняться поиском путей приобретения полусотни медоедовых шкурок для гардероба капризной красотищи-идиотки. Чингиз закрыл ноутбук, снова прибавил звук телевизора и поставил на таймер. Он улегся прямо тут, на удобном диване перед телевизором, не утруждая себя походом в пустующую спальню. Пока жена и дети в отъезде, Чингиз редко спит там. Здесь, на диване, под бормотание телевизора, уютнее. Скоро он забылся в глубоком сне. Его разбудил телефонный звонок. Половина пятого, черт побери! Кто это мог быть? От таких ранних звонков не ждешь ничего хорошего. Чингиз вскочил на ноги, бросился к телефону еще окончательно не проснувшись.

– Ой, извините, – запинаясь, заговорила какая-то девица. – А куда...я попала? Кажется ошиблась...Лея, это ты?..

– Да, это я! – стал хамить Чингиз растерявшейся девушке. – Правда, я вчера изменила пол. Разве ты не слышишь по голосу? Теперь я Лей!

Он грубо выругался и бросил телефонную трубку. Ну что за кретинка! Чингиз посмотрел на определитель номера, но там были только короткие черточки. Жаль – позвонил бы ей завтра в четыре утра! Чингиз снова улегся на диван и попытался уснуть. Не получалось. Девица, по всей вероятности, страдающая любовной бессонницей, не только напугала его неурочным звонком, но и здорово рассердила. Он опять вспомнил обреченного медоеда.

– Не мужик он, этот Гасан! Разве можно так потакать бабе? Даже если ты катастрофический урод. Даже если

от Крошки Цахеса отличает лишь отсутствие волшебных волосков, – думал Чингиз, хотя и понимал, что своим благосостоянием обязан именно таким, как Гасан. – Моей жене подобная дурь в голову взбредет? Нет! Потому, что умная. Знает, о чем просить, чтоб не получить отказа. Впрочем, и Гасанова ведьма знает...

Чингиз взял пульт и прошелся по каналам. Ничего интересного. Всюду шла мистическая дребедень, переполненная чудищами, истекающими слизью, расчлененными трупами и орущими от ужаса подростками. Глупо! Примитивно! Омерзительно! Чингиз переключился на кабельное. Вот! Слава Богу – настоящие хищники. Сытые, спокойные, благоразумно мирные львы раскорячились на солнышке, набив брюхо антилопой. Совсем недалеко преспокойно пасутся зебры. Они знают, что сытый хищник не опасен. Никакой агрессии! Кругом солнечный свет, зеленая листва, золотистый песок и ...белеющие в траве ребра, обглоданные стервятниками. Чингиз разглядывал спящих в тени акации львов, дремлющего на дереве леопарда с некоторым пристрастием, мысленно оценивая изделия из их шкур. Ничего не поделаешь – профессиональная привычка. В конце концов, не он завел моду на меха и шкуры, не он из века в век истребляет обладателей этих роскошных грив, пушистых хвостов и шелковистых спинок. Чингиз вспомнил недавнюю пожилую посетительницу магазина мехов.

– Божечка ты мой! Сколько же зверья перебито! – едва слышно шептала она, обводя ряды шуб и полушубков изумленно – печальным взглядом.

– Не берите в голову, бабушка, – вежливо улыбнулся менеджер. – Могу я вам помочь? Думаю, такая вам

пойдет. И цена вполне доступна, всего три тысячи. Будете примерять?

– Нет-нет, спасибочки, - испуганно замахала руками женщина и поспешила к выходу.

– Вот это другое дело. А то стояла бы тут до вечера с разинутым ртом, – засмеялся менеджер, когда женщина покинула салон.

Во второй части документального фильма речь шла о северных хищниках – амурском тигре, росомахе, белом и буром медведе. Тоже очень интересно. Чингиза фильм так увлек, что он на некоторое время забылся, восхищаясь проворством, выносливостью и красотой животных. А когда фильм закончился, он снова открыл ноутбук, решив еще раз заглянуть в свою почту. Да, тут кое-что было. Поставщик прислал снимки некоторых образцов. Ничего не скажешь – шубы отменные. Была здесь и информация о причине, побудившей хозяина продать магазин: заметки из местных газет о жестоких убийствах, совершенных в торговом центре, предположительно, свихнувшимся защитником диких животных. Трое служащих были задушены в течение двух месяцев. Их находили распластанными в примерочных, под грудой мантий из леопарда, барса, горного льва. Полиция с ног сбилась, но до сих пор не нашла след маньяка-эколога. Зато у газетчиков масса предположений, от вполне объяснимых до самых невероятных, в том числе, и мистических. Чингиз читал газетные статейки и удивлялся фантазии писак: тихий бред, переходящий в штормящее безумие!

– Делом займитесь, делом! – с презрением процедил сквозь зубы Чингиз и захлопнул ноутбук. Он бросил взгляд на часы. Было около семи. Он прошел в кухню и

через несколько минут с удовольствием отпивал из чашки горячий чай, уставившись на рисунок младшей дочери, приклеенный скотчем к холодильнику. Шестилетняя девочка изобразила папу с мамой, сестру и себя, начудив такую цветовую абракадабру, что все невольно улыбались и задавали один и тот же вопрос. Но ответ ребенка был настолько прост и логичен, что взрослым оставалось лишь констатировать: да, мы разучились видеть мир в реальных красках!

– У папы полосатая голова, потому что проблемы. Он думает разные вещи и полоски разноцветные. А глаза закрыты, потому что устал, – поражалась девочка претензиям взрослых. – Сами всех учите, а сами ничего не знаете. Когда горячо – это красный. Когда весело – это желтый и розовый. Когда думаешь – это синий и фиолетовый.

Что можно ответить? Убедительно! Чингиз подумал, что к возвращению семьи надо пригласить тетю Соню прибраться в доме, перестирать белье, закупить продукты. Если он оставался один, присутствие посторонних раздражало. Выглаженных рубашек и чистого белья в шкафу было достаточно, дома он почти не обедал – зачем тете Соне торчать тут зря? Пусть отдыхает. Жена вернется, вот ей и побухтит про свой диабет, подагру и давным-давно умершего мужа, «отнявшего молодость и поломавшего ей жизнь». Чингиз очень сомневался, что почивший не больно старым супруг тети Сони согласился бы с таким утверждением. Скорее, наоборот. К тому же, и очередность наглядно эта продемонстрировала.

Рисунок дочери и несколько глотков свежего чая приподняли настроение. Он почти простил автора

предрассветного телефонного звонка и направился в душ.

III

Ранний приезд Чингиза немного удивил охрану. Обычно до десяти он не появлялся. А тут – на тебе! – появился ни свет, ни заря. Неужели бдительность проверяет? Нет, скорее всего, это связано с грядущими праздниками. Приближался предновогодний аврал. В такие дни дорогого товара продается на девяносто процентов от всех годовых продаж в целом. Вот хозяину и не спится. Но охранник ошибался. Он не знал ничего ни о случайном звонке, ни о заказанном медоеде и пятидесяти его сородичах, ни о жутких убийствах в афинском торговом центре. Что же касается Нового года, так Чингиз вообще скептически относился к придуманным праздникам. Особенно сейчас, когда повсеместно в СМИ разномастные нострадамусоведы чуть ли не называют конкретные даты Конца Света, а человечество радуется еще одному году, приблизившему его. Чушь собачья! Нынче Чингиза больше заботила предстоящая сделка. Прежде он никогда не имел дела с продукцией такого рода, с изделиями из шкур африканских хищников. Да, он торгует шубами из песца и чернобурой лисицы, но то звери, специально для этих целей выращенные в неволе. Интернетзнакомство с медоедом и утренний фильм о могучих хищниках юга и севера всколыхнули в его душе не только интерес, но и нечто похожее на чувство вины.

– Доброе утро, Адиль. Как не спалось? – весело поздоровался Чингиз с охранником. Он бросил парню

ключ от машины. - На, припаркуй поближе к арке. Я к двенадцати должен отъехать.

Молодой человек с готовностью подхватил ключ и побежал выполнять просьбу, а заодно и ощутить миг блаженства за рулем дорогой тачки. Направляясь в свой кабинет через торговый зал, Чингиз намечал перестановку и размещение новых изделий. Все это будет согласовано с дизайнером. Но у него самого уже народилась идея оформить панно с изображением диких животных в сцене охоты.

– «Ехали медведи на велосипеде, ... волки на кобыле, львы в автомобиле». Обеспечим достойный прием афро-азиатским хищникам, переделанным в шубы и коврики, – иронизировал он. – Может быть, и подружка Гасана откажется от своей кровожадной затеи с истреблением племени медоедов и согласится на реально существующую леопардовую шубу. Подумать только: не знал ничего об этом змеелове и не маялся думками, а теперь, чего доброго, муки совести терзать начнут. Э-э, так дело не пойдет...

Чингиз вошел в кабинет. До открытия магазина оставалось больше часа. Служащие не скоро еще придут. Он решил еще раз пересмотреть информацию о новом товаре, но поймал себя на мысли, что это только повод залезть в Интернет. На самом деле не покидало непонятное чувства тревоги и любопытства: что же там все-таки произошло? На экране замелькали картинки. Одна, вторая, третья... Стоп! Что-то мелькнуло. Померещилось! Чингиз максимально приблизил изображение и стал пристально вглядываться в полумрак овального торгового зала, в бликующих зеркальных стенах которого многократно увеличивалось количество необыч-

ных шуб, по покрою напоминающих огромных сцепившихся кошек. Он даже ощутил характерный запах меховых изделий. Чингиз зажмурился и мотнул головой, отгоняя наваждение. Но оно не рассеялось. Он попытался нащупать «мышку» и сместить картинку. Рука ушла в пустоту. Изумление сменилось страхом.

– Адиль! Адиль! – испуганно крикнул Чингиз, но не услышал собственного голоса. Зато были отчетливо слышны другие звуки. Они шли будто издалека и, приближаясь, становились отчетливее. Это были звуки... диких лесов, звериных троп, крадущихся охотников, и обреченных жертв. Едва различимый хруст сухих веток, тихое, холодящее сердце рычание – и внезапный сильный толчок свалил Чингиза навзничь. Удар был настолько неожиданным и сильным, что крик застрял у него в горле, он начал терять сознание, задыхаясь под мощью невидимых клещей, сдавивших шею сзади.

– Львы?.. Львы!.. – Последнее, что он почувствовал, это столкновение над собой двух могучих рычащих тел и еще один удар когтистой лапой между лопаток. Рвущий барабанные перепонки звон в ушах оборвался. И все...

IV

– Чингиз-муаллим, что с вами? – растерянно теребил хозяина за плечо охранник Адиль. Он попытался перевернуть Чингиза на спину, но вовремя спохватился и стал набирать номер «Скорой», одновременно нащупывая его пульс. Пульс, слава богу, был. Дыхание, хоть и слабое, тоже было – зеркальце, которое Адиль поднес к лицу Чингиза, запотело. Парень начал очень осторожно переворачивать его на спину, высвобождая левую руку.

Он ужаснулся мысли о том, что это могло произойти в пути. Страшно подумать, какой катастрофой все закончилось бы, окажись Чингиз в тот момент за рулем! Немного успокоившись, Адиль позвонил управляющему и стал дожидаться помощи.

Не прошло пятнадцати минут, как взмыленный управляющий влетел в кабинет Чингиза. Почти вслед за ним в дверях появились врачи «неотложки». Простукав, прощупав и прослушав распластанного на полу Чингиза, они с облегчением вздохнули и попросили помочь устроить его на диване.

– Бывало с ним такое раньше? – помогая медсестре устанавливать аппаратуру, спросил кардиолог. – Что вам известно о его болезнях?

– Не припоминаю, чтобы жаловался, – вытирал пот с лица переволновавшийся управляющий. – Какие болезни? Здоров, как буйвол! Ну, голова побаливала, покашливал, когда простужался. С кем не случается? И все, вроде. Может быть, позвонить к его родственникам? Жены, правда, в городе нет. Но братьев могу позвать.

– Не надо пока. Обошлось. Попозже позовете близких. Пусть отвезут домой, отдохнет пару дней. Похоже на переутомление, – говорил доктор, разглядывая кардиограмму. – Синусоидные изменения левого желудочка. Так-так, что еще?..

– Чингиз упал в обморок от переутомления? Как барышня? Не смешите меня, доктор.

– Я не клоун, чтоб вас смешить! – Рассердился доктор. – Копится, копится понемногу, а потом бабахнет разом. Вот тогда не до смеха будет!

Чингиз тем временем начал приходить в себя. Его лицо слегка порозовело, руки потеплели. Он открыл глаза и с удивлением уставился на медсестру.

– Вы кто?

– Помощница архангела Мустафы Мирзоевича, – ответ девушки рассмешил даже сердитого доктора. – Успокойтесь, пошутила. Я Ира, медсестра. А Мустафа Мирзоевич доктор, кардиолог. Ваш служащий вызвал «Скорую». Обморок случился у вас.

– Слава богу! Напугал ты нас, Чина, – вмешался управляющий. – Хорошо, что Адиль был рядом. Я тут уверял доктора, что ты не болеешь ничем. Ты раньше когда-нибудь сознание терял без причин?

– Я и с причинами его не терял никогда!

– Видите, доктор, я был прав.

– Все равно, серьезно обследуйтесь. Не шутите со здоровьем. Сегодня обошлось, в другой раз неизвестно, как получится. Какое у вас «рабочее» давление?

– Не знаю, не интересовался.

– Напрасно, молодой человек. Думаю, повышенное, – доктор стал что-то записывать в отрывной блокнот. – Высоковато для ваших лет.

– А я подумал, хорошо, что вы в тот момент не за рулем были, – произнес Адиль. – Доктор прав, надо здоровье беречь.

– Спасибо, Адиль. И вам, доктор, спасибо, – попытался приподняться Чингиз. – Фу ты, голова кружится.

– Пусть лучше Адиль отвезет тебя домой. Ты не беспокойся, тут все нормально будет. Отдохни пару дней. Твои скоро вернуться? – засуетился управляющий.

– Через неделю. О каком отдыхе ты говоришь? Новый год на носу!

– Ваш друг дело говорит, – вмешался доктор. – И отдохните, и лечением займитесь непременно. Не то спохватитесь, да поздно будет. И никакими деньгами здоровье вернуть не сможете!

Когда строгий доктор и языкаястая медсестра покинули магазин, Чингиз, озабоченно поджав губы и спуская рукав рубашки, закатанный Ирой для укола, позвал знаком управляющего. Тот прикрыл дверь за обеспокоенным менеджером и уже сбежавшимися любопытными продавщицами.

– Здорово ты нас напугал, - повторил он, пододвигая поближе к Чингизу чашку с горячим чаем, который успела приготовить заботливая Лидочка. – Может быть, маме твоей позвонить?

– Не надо!

– А жене?

– Ни в коем случае! Знаешь, я вообще хочу тебя попросить: ничего им не говори.

– Но вдруг у тебя, действительно, что-то серьезное...

– Забудь! – Чингиз не дал ему договорить. – Не каркай! Все нормально. Наверное, я и в самом деле устал. А тут еще стерва Гасана со своим медоедом достала.

– С кем? – выкатил на него глаза управляющий. – Ты о чем говоришь?

– Потом объясню. Давай, лучше, соедини меня с поставщиком. Надо отменить сделку.

– Ты о греческом товаре? Но зачем?! – изумленно воскликнул управляющий.

– Не надо вопросов! Все равно не поймешь.

– Ну конечно! Дурак я, куда мне понять!

– Не обижайся, после постараюсь тебе объяснить. Сам еще не совсем все понимаю, но товар брать не бу-

ду. Это не обсуждается. Да, еще надо Гасана огорчить. Не стану я для его самодурки медоедов истреблять.

– Опять медоед! Хоть это объяснить можешь?

– Это могу. Гасан заклинал вчера душами всех усопших предков достать для его гримзы шубу из медоеда. Зверек такой, шустрый и редкий. Ей приспичило, говорит, каприз разыграл. Даже тур в космос ее не заинтересовал. Сказала, что если и полетит, то только в шубе из медоеда. А мне, знаешь ли, этот змеелов более симпатичен, чем она. Неизвестно еще, кто из них хищник.

– Избаловал ее Гасан на свою голову!

– Если б только на свою! Сегодня ей последних медоедов на шубу истреби, завтра унты из снежного человека затребует. Когда дело до ее прихотей доходит, Гасан совсем дурак становится.

– Как он терпит ее капризы?

– Так же, как она терпит его «красоту».

– Но ты помягче отказывай Гасану. Как-никак, клиент он при «бабках».

– Разберись, – Чингиз взял телефонную трубку из рук управляющего.

Поставщик охрип, убеждая Чингиза изменить свое решение, не отказываться от товара. Он так кричал в трубку, что в торговом зале слышно было.

– Если вы сегодня до двенадцати не переведете деньги, в двенадцать десять «Снежная дарница» уведет товар! Одумайтесь, упустить такой клад – это же преступление! У вас какие-то сомнения? Вы же меня знаете, я не предложил бы проблематичную сделку.

– Не сомневаюсь. Дело не в твоей некомпетентности. Тебе я полностью доверяю. Тут проблемы иного рода. Не по телефону, – Чингиз понял, что поставщик настроен решительно и его не переубедить. Разве что приврать. – Финансовые нестыковки...

– А-а, – огорчился поставщик и тяжело вздохнул. – Теперь ясно. Жаль, конечно. Повезло «Снежной дарнице»! Представитель их умрет от счастья.

– ...В объятиях африканских львов, – мысленно продолжил Чингиз. – Засмеют, если расскажу.

***

Дома было хорошо. Уютно и спокойно. Вчерашней необъяснимой тревоги как не бывало. С экрана ноутбука на Чингиза снова смотрела смоляная мордочка бесстрашного африканского зверька. Медоед водил носом, будто ища отверстие в экране, а потом вдруг отскочил в сторону и юркнул в песчаную нору под нависающим колючим кустом. Через несколько мгновений зверек вновь появился из своего убежища, крепко держа в зубах свернувшегося калачиком недовольного детеныша. Мамаша - медоед поднесла его к экрану, словно демонстрируя Чингизу свое чадо – самое милое, самое красивое, самое любимое и родное на свете!

– Ах, вот оно что! – рассмеялся он. – Ну-ну, живи, плодись, и да хранят тебя твои африканские боги.

Вчера Чингиз был фиолетово-синий – думал! Так сказала бы его любимица дочка. А сегодня он спокойный и очень желто-розовый. Веселый!

БЕССРЕБРЕННИЦА

Дамы, самые юные из которых были в возрасте два-по-тридцать, заполняли большую комнату формы продолговатого прямоугольника. Раньше эта комната – «зала», как ее называла хозяйка, – была частью длинного коридора. После он был изолирован от остальных помещений дощатыми перегородками, выходящие внутрь двери заколочены, а проемы превращены в неглубокие ниши с полками, заставленными пожелтевшими, крошащимися папками с ЖЭКовской документацией доперестроечной эпохи, водруженными друг на друга бесполезными дисковыми телефонами, допотопными деревянными счетами с частично утерянными костяшками. Было тут и несколько тронутых жучком книг с дарственными надписями на титульных листах. Дальше этих листов книги никогда никем не открывались, поэтому их содержание так и оставалось тайной спрессованных годами страниц. На абы как выкрашенных бледно-голубой масляной краской стенах тускло мерцали пластмассовые светильники, обвитые утратившими блеск елочными гирляндами и выгоревшими атласными цветами. Гирлянды болтались на светильниках еще с прошлогодних рождественских праздников. А может быть, и с позапрошлогодних. Когда-то алые маки и посеревшие голубые ирисы, вероятно, приколоты еще раньше. Занавеска на оконце (одном из двух, выходящих в небольшой внутренний дворик) висела на четырех кольцах, вместо предусмотренных восьми. Лет пять назад она была оранжевой в полосочку. Сейчас стала желтушной в дырочку. На другом оконце занавески не было вовсе, стекла матовые, разные. В глубине подо-

конника печально теряла листья увядающая герань. Между оконцами висят настенные часы. Они работают. Это чувствуется по щелчкообразному тиканью и перемещающейся часовой стрелке. Минутная же стрелка разболталась и поэтому все время падает к цифре шесть. Она слегка дергается при щелчках спрятанного за циферблатом механизма, делает усилие, доползая до четверки или восьмерки, но каждый раз бессильно зависает над шестеркой. Секундная стрелка и вовсе обломана у основания. Словом, часы работают и показывают время, как на заре создания часовых механизмов – только двенадцать суточных циклов.

Посреди комнаты, почти по всей ее длине, стоят три сдвинутых стола, накрытых многократно использованными одноразовыми скатерками. Одна ножка среднего стола неустойчива, и пожилые дамы одновременно вздрагивают, если кто-то по неосторожности ставит на стол локоть и провоцирует громкий стук. А еще при этом кто-нибудь с возгласом «ай!» хватается за графинчик, чтобы тот не опрокинулся.

Другой мебели, кроме сдвинутых столов и стульев, в комнате нет. Если, конечно, не брать в расчет дверные проемы, переделанные в ниши. Во главе триединого стола восседает хозяйка, Хавва-ханым – высокая, широкая в плечах, густобровая дама, лет пятидесяти пяти. Благодаря челюсти, напоминающей миниатюрный медвежий капкан и сдвинутым для пущей серьезности бровям, она имеет довольно грозный вид. А возвышаясь над присутствующими не только по причине большого роста, но и из-за высоких ножек старомодного кресла, производит впечатление весьма свирепого создания. Ее ведьминский имидж подчеркивается мод-

ным в этом сезоне голубоватым лаком на ногтях. Если б по окончании собрания она оседлала метлу и вылетела через печную трубу, наверное, никто бы этому не удивился.

– Ну, что ж, здравствуйте, девочки, – Хавваханым обвела присутствующих властным взглядом, слегка вскинув левую бровь и обнажив крупные зубья маленького капканчика. Женщины дружно закивали, разноголосо отвечая на приветствие. Ответная здравица несколько затянулась. По крайней мере, так показалось хозяйке. Она сделала дирижерский жест и «девочки» разом умолкли.

– Ай! – ухватила за графинчик одна из них. Чье-то неловкое движение нарушило равновесие колченогого стола. На это уже не обращали внимания. Все «девочки» устремили свои взоры к хозяйке. Приняв озабоченный вид, она, судя по всему, собиралась сообщить нечто не очень приятное.

– К сожалению, у меня плохие новости, – назидательно-печально начала она. – Вчера начальник ЖЭКа сказал мне, что мы можем собраться здесь до конца месяца, а после искать себе другое помещение. И это после того, что мы столько лет экономили для него средства, ремонт сделали за свой счет, за аренду платим исправно! Говорит, кто-то предложил ему больше, а у него финансовые проблемы. Если из-за прихоти управления распадется такая необходимая всем нам и полезная обществу организация, кто проиграет в первую очередь? Безусловно, общество! Нужно искать выход. Жду ваших предложений.

Свое предложение у Хаввы-ханым, разумеется, было. Но оно прозвучит в конце и станет, как обычно,

решающим.

– Еще раз попросит у меня банки ему поставить!
– возмутилась пожилая дама по прозвищу Банкомат. Настоящее ее имя Биби-ханым. Считается, что никто во всем квартале не ставит банки лучше нее, и рука у нее легкая. После удаления банок кружочки на спине больного бывают иссиня-черные, и она напоминает надкрылки божьей коровки.

– Вот тебе шах, – произносит Биби-ханым, ставя последние банки. – А вот тебе мат! Отсюда и прозвище – Банкомат. Старушка получила его относительно недавно (с появлением денежных банкоматов), а еще раньше ее называли просто Пиявочницей – она и по части пиявочных процедур умелица.

– А я ему больше кураги не дам! – подхватила шестидесятилетняя Тимоша. Имя женщины имеет свою оригинальную историю. Когда-то ее отца, истекающего кровью, вынес с поля боя однополчанин по имени Тимофей. «Я свой сын твоя имья даду!» – Пообещал теряющий сознание боец. Он выжил, а вернувшись с войны женился и получил первенца – дочь. Клятва оказалась опрометчива, но она свята. Тем более, что фронтовой друг сам через два месяца погиб в бою. Девочку чуть было не назвали Тимофеем! Наконец, поддавшись уговорам родни, молодой отец пошел на компромисс и назвал дочь Тимошей. Так, и клятву не нарушил, и имя в какой-то степени женскому уподобил.

Так вот, о кураге. Ее тетушка Тимоша получала ежемесячно от сестры, которая проживала в родном Ордубаде и не скупилась на сухофрукты от каждого нового урожая. А Тимоша, добрая душа, щедро их раздавала.

– Кушайте, кушайте на здоровье, – приговаривала она, раздавая соседям и приятельницам пакетики с янтарными сушеными абрикосами. – Это для сердца первейшее лекарство!

Каждая из тридцати женщин, членов самодеятельного общества «Лепесток», имела в биографии какую-нибудь забавную историю. Но эти истории были частичками их жизни и самими женщинами не воспринимались как нечто особенное. Вот, к примеру, Айпарыханым. У нее все время такое задумчиво-сосредоточенное выражение лица, что, кажется, будто мысли прикованы к кладовке, где сложен покрытый пылью и паутиной разного рода хлам – Айпара никогда ничего не выбрасывает! Недавно, вот, обнаружила среди мусора, который сын собирался вынести из гаража на помойку, рассохшееся сиденье для унитаза из пресованных опилок. Айпара извлекла этот предмет из-под кучи жестянок и проводов, повесила на гвоздь, прибитый изнутри к двери кладовки – авось сгодится. Для чего? Таких унитазов-то давно нет!

– Надо же, какой негодяй! – очнулась вдруг Айпара. Она потянула за рукав свою соседку Мехриханым. – Хорошо, что не отдала ему Сафашкин «Агидель».

– Ты же говорила, что он не работает. – Мехриханым по привычке поправила потускневший за долгие годы шиньон. Когда-то была в моде прическа «тюльпан», ее носили все, кому идет и те, кому не идет. Незирая на возраст, овал лица, цвет волос. У кого волосы не отрастали до длины, необходимой для укладки «тюльпана», прикалывали шиньоны. Мехри тоже считала себя неотразимой с такой прической. Прическа на-

столько пришлась ей по душе, что «тюльпан» из потускневшего шиньона расцветает на седых, но упорно окрашиваемых в черный цвет волосах более сорока лет. Невестка за глаза язвительно называет свекровь «Черным тюльпаном».

– Тебе послышалось, – пахнула рукой Айпарыханым. – Пусть лучше полежит в кладовке. Пригодится.

– Твоя кладовка – все равно, что ленинградская Кунсткамера.

– А твой шиньон – все равно, что ее экспонат.

– Женщины! – послышался строгий оклик Хаввыханым. – Отставить споры! У нас серьезная проблема. Ее надо решать, а не отношения выяснить.

– Можно, я скажу? – как школьница, потянула вверх руку семидесятилетняя Зулейха. – Я предлагаю устроить пикет перед Исполкомом. Пусть выделят нам помещение!

– Обязательно выделят! Запихнут всех в смирительные рубашки и свезут в психушку.

– Или полиция дубинками приласкает!

– За что? Мы хулиганить не собираемся.

– Извините, сестрицы, но на пикеты и митинги я не стану ходить. Вы хотите, чтоб меня мой старик из дому прогнал? И куда мне потом деваться?

– В богадельню. Будут тебя по телевизору показывать. Их сейчас часто показывают.

– А может быть, Омбудсману пожалуемся?..

– И что напишем? Управдом Алибала требует назад свое помещение? По закону имеет право.

– «Лепесток» не должен распадаться! Он нужен всем! Помните, когда умер мой муж, Мадина, Басти, Фируза до сороковин помогали на кухне. А когда они

сами померли, мы с Аминой до сороковин халву варили...

– И Валиде мы по хозяйству помогали, когда она ногу сломала.

– А Сара нас крючком вязать научила.

– Да-да, и Барат своими рецептами делится.

– Я одну ворожею знаю, – заговорщически произнесла Гюльниса. – «Завяжем» язык Алибале! А еще лучше, порчу на него нашьлем! Правильно я говорю, ай Биби-ханым? А когда его саталчам (*сильная простуда – авт.*) свалит, ты ему банки не ставь – пусть подышает!

– Я тоже знаю одну. Такое с ним сотворит, что чума ему желаннее будет. Если надо, я к ней съезжу на Монтино.

– Ты о Фаине Якубовне? Слышала, слышала. Но она больше по части приворота мастерица, самого верного мужа из семьи уведет. Недавно, слышала я, для дочки своей гулящей мужика из чужой семьи выколдовала. А там дети взрослые, внуки уже. Видела я ее дочку – волосатая, щербатая, прыщавая, и с дитем невесть от кого. Для такой мужа найти разве что только ворожкой. А как ты собираешься волос с груди Алибалы нащипать? Уж не в постель ли с ним ляжешь?

– Для чего мне его вшивая поросль?!

– Фаина Якубовна затребует. Она для ворожбы ногти или волосы просит принести.

Хавва-ханым в очередной раз попыталась вернуть разговор в нужное русло. Она похлопала по столу, обвела женщин еще более посуровевшим взглядом и обратилась к Мехри.

– Мехри-ханым, твой сын, кажется, в Исполкоме работает? Не поможет ли?

– Поможет, если жена разрешит, – ехидно проговорила Барат, не дав раскрыть рта самой Мехри.

– При чем тут его жена? – обиженно сказала Мехри, поправляя свой увядший «тюльпан». – Ты хочешь сказать, что мой сын подкаблучник?

– Ну-ка, прекратите! – остановила их Хавваханым. – Не хватало еще, чтоб скандалили тут. Дома будете выяснять, кто у кого подкаблучник. Так поможет нам твой сын, Мехри-ханым?

– Я спрошу... – замялась Мехри. – Вообще-то он всего лишь там в охране...

– Ясно. Отпадает. Боюсь, что лучшего варианта, чем ворожба, никто из вас предложить не может. Вас послушать – у всех родственники большие люди. А как до дела доходит, выясняется, что попусту бахвалитесь. Думаю, самое верное – это добавить управдому сотню другую. Другого выхода не вижу. Для вас стараюсь. Мне тут никакой выгоды. Сами решайте. Если согласны, я переговорю с ним. Скинемся, делать нечего. Но если кто-то не согласен, придется наш «Лепесток» распустить...

В глубине души не согласны были все, но «Лепесток» – та отдушина, через которую пожилые дамы получают радость общения и куда, пусть ненадолго, уходят их печали и трудности. Здесь все они считают себя (а может быть, воображают?..) очень необходимыми крошечными, почти микроскопическими частичками двигателя общественной жизни. И очень гордятся этим. Со словами, которые всем хочется услышать – «Вы нужны!» – дальновидная Хавваханым начинала почти каждое их собрание. На старых женщин эти слова действовали, как эликсир жизни, как боевой клич и гос-

подне благословение. Они сразу забывали домашние дразги, ворчливых мужей, невнимательных детей, непочтительных снох, скандальных соседей и прочие издержки быта. Справедливости ради нужно отметить, что временное отсутствие некоторых из них тоже было маленьким праздником. Разве могли женщины своими руками захлопнуть эту благословенную отдушину? Придется-таки отстегнуть из потайных кармашков управдому-упырю. Хавва обвела своих «питомец» несколько смягчившимся взглядом. Ей не нужно было ждать ответа, и так ясно, что условия безбожника Алибалы приняты.

* * *

– Ты и в самом деле вурдалак, Алибала, – недовольно бурчала Хавва-ханым, отсчитывая деньги из пачки мелкими купюрами. Она нехотя, неторопливо клала их перед управдомом, ожидая, когда он засовестьется и остановит ее. Но Алибала не спешил этого делать.

– Думаешь этот убогий коридорчик стоит больше? – Хавва возмущенно вскинула брови, когда в руках осталась половина всех денег. – Половина моя! Держи свою сотню и не гневи Аллаха!

С этими словами она сунула оставшиеся деньги в кошелек и сердито зашагала к выходу.

КАРТИНКА-РАСКРАСКА

– Мале-е-е-на, ижави-и-и-ка, – распевал на «дне» двора-колодца ранний торговец лесной ягодой. Часы показывали восемь пятнадцать. Уверения торговца в свежести только что собранной ягоды, на которой «еще не просохла роса», вызывали улыбку. Если учесть по меньшей мере двухчасовой путь и время сбора столь нежного продукта, выходило, что ягоду собирали еще вчера. Роса, скорее всего, давно стекла на дно ведерок, и в ней плавал подкиснувший нижний слой изрядно примятой «малены и ижавики». Но торговец понимал значение выражения «Реклама – двигатель торговли», поэтому примерно по 500 грамм отборной, крупной ягоды, уложенной сверху, ждал своего покупателя. Для пущей убедительности на них валялись несколько подозрительно чистых листочков, как бы случайно попавших в ведерки. Жаля со второго этажа, которая без обид откликалась на прозвище «Жало», почти четверть часа допытывалась у торговца о происхождении, времени сбора, сорте и качестве ягод, но так ничего и не купила. Рассерженный торговец смерил ее выразительным взглядом и покинул двор, слишком громко расхваливая свой товар. Не прошло и десяти минут, как вслед за продавцом «малены и ижавики» вошел во двор мацонщик.

– Гатык, све-е-е-жжи-и! Молоко све-е-е-жжи-и! Творох све-е-е-жжи-и! – маркировал молокопродукты мацонщик. Можно подумать, что будь его товар не-свеж, кто-нибудь откликнулся бы. Но ему повезло больше, чем хозяину «малены». Спрос на катык летом возрастает многократно. Замучившая бессмысленными

вопросами торговца ягодами Жале, ничего не спросив у мацонщика, купила сразу три банки катыка и два литра молока.

– Если молоко скиснет, я тебе его на голову вылью, – на всякий случай предупредила Жале мацонщика, протягивая ему пустую сменную тару и деньги.

– Скорее вода скиснет! – уверял ее мацонщик. – На здоровье, уважаемая! Плюнешь на мою папаху, если скиснет! У моей коровы молоко слаще мармелада.

– Ладно-ладно, разболтался! Мармелад-шоколад! Я корову сам, небось, старыми газетами кормишь, – делано ворчала Жаля.

– Что ты, что ты, хозяйка! Да если б я свою коровушку газетами кормил, у нее молоко еще в титях прокисло бы от того, что в них написано, – замахал руками незлобивый мацонщик.

Выпроводив его, Жаля зашлёпала по длинному коридору к соседке Нине – отдавать вчерашний «молочный» долг. А с улицы уже шла другая переключка.

– Хлер-хлер-хлер! – пискляво тараторила продавщица «левой» продукцией сумгаитского химкомбината.

– Яйси, яйси, покупай, не сисняйси! – демонстрировал знание русского языка пожилой мужичок, перекладывая из руки в руку плетенное лукошко с пятью десятками желто-розовых деревенских яиц. – Моя куриса старайса, патаму хороши яйса!

Через час к почерневшей от времени внешней стене двора припарковался латанный-перелатанный синий когда-то «москвичок». Задрав на узкий тротуар переднее правое колесо, он почихал и покашлял некоторое время, прежде чем замолк тарахтящий мотор.

– Па-ма-дор! А-гу-рес! Гу-ру-ша! Те-рин! – сильным голосом пояснял водитель–продавец, сгружая с крыши своего чуда на колесах несколько небольших ящичков с овощами и фруктами. А его компаньон уже укладывал в спущенный на веревочке с третьего этажа пакет помидоры для тети Насият. Убедившись, что внук справляется с подъемом сам, тетя Насият приступила к развешиванию белья на веревке, перекинутой от одного застекленного внутреннего балкона к другому. Вслед за шестью наволочками поползли столько же ее необъятных панталонов, примерно одинакового с наволочками размера – 80x80. На стонущие звуки колесиков с противоположной стороны выглянула Сона и стала спешно снимать с веревки свои трусишки, выглядевшие оскорбительно мелкими рядом с гигантскими штанами и лифчиками тети Насият. Когда их нижнее белье висело рядом, оно непременно вызывало комментарии соседей.

– Снова Сона свои сигнальные флажки рядом со знаменами Насият вывесила, – посмеивался Гасангулу, муж последней.

А тем временем на бельевых веревках, выплывали, словно флагманские паруса, надутые легким ветерком пододеяльники и простыни тети Фани. Размахивая рукавами, как крыльями, выстраивались вереницей рубашки Семена Абрамовича. Порхали разноцветными бабочками пестрые юбочки и блузочки их внучки Ритули, приехавшей погостить с «родины предков». Сам Семен Абрамович наслаждался ежедневной процедурой расчесывания изрядно поредевшей шевелюры, стоя у распахнутого окна веранды. Когда-то у него были густые, волнистые каштановые волосы, от которых сейчас мало что осталось. Но он по-прежнему часами мог ук-

ладывать их, зачесывая назад мелким гребнем и приглаживая левой ладонью. Этому вовсе не мешала узкая лента, крепившая на правом глазу кожаную повязку. Семен Абрамович носил ее с двадцати лет. Говорят, что некогда это было модно. Но у него и вправду не было правого глаза – потерял на фронте. Сначала молодой сердцеед Семушка очень переживал из-за той потери, а потом понял, что кожаная повязка на глазу делает его еще более привлекательным для женщин, придавая внешности некую героическую таинственность, шарм. Даже сейчас, когда Семену Абрамовичу почти 85 лет, видно, каким гусаром он был в молодости: голубой глаз, почти не поблекший от старости, излучающий жизнелюбие и обладающий стопроцентным зрением, так и «отстреливал» вертлявые попки, попадавшие в его «охотничьи уголья». Иногда это влекло за собой бурную, как в молодости, реакцию тети Фани.

– Ах, ты, старый циклоп! – громко возмущалась подкрадываясь с тыла жена, по которой «отрекошетила» очередная «пуля» Семена Абрамовича. – И из могилы твой периском торчать будет, чтоб на баб пялиться!

Но Семен Абрамович, улыбаясь своей дряхлеющей половинке, продолжал щелкать языком, восхищаясь какой-либо красоткой. Хотя тетя Фана и бранила мужа, это давно уже были не те сцены ревности, которые устраивались в молодости, когда она закатывала истерики с обмороками и грозилась «уйти к мамочке», да так и не ушла. Правда, сейчас появилась новая тема для споров в семье: немецкая покаянная квота для евреев. Семен Абрамович ни в какую не соглашался на выезд в Германию.

– Ну и дурак! – фыркает жена. – Глаз им отдал, а откуп не принимаешь!

– А ты у меня такая умница! Если б я тебя двумя глазами видел, давно бы бросил. Ты немцам еще спасибо скажи за это. Ай, Гасангулу, – обращался Семен Абрамович к соседу, с усмешкой наблюдавшему ежедневные дворовые сцены, – скажи, дорогой, за что мы с твоим отцом в прошлом веке бились? Почему немцев гнали, если они сейчас здесь такие желанные гости? Я бы сказал – хозяева! Один твой сын для них офисы строит, другой для них же нашу нефть добывает. Ну, дела! Гитлер, дурак, до нее на танках не добрался, а его землячки просто взяли – и купили. Вместе с нашими потрохами.

– Все течет, Абрамыч, все меняется, – кивает Гасангулу.

– Кроме нашего простодырства! Платят нам гроши за наше же добро, а мы и счастливы!

– Наше дело маленькое.

– Зато глупость большая!

– «Оседлал Кероглу своего Гырата, взмахнул мечо-о-о-ом», а возлюбленная его Нигя-а-а-р..» – загундосил безголосый, придурковатый Ани, кося одним указательным пальцем по струнам дряхлого тара, будто по балалайке.

– Ани, спой, красавчик, что-нибудь повеселее, – окликнул уличного менестреля Семен Абрамович, и придурковатый Ани, воодушевленный «заказом», начинает новое представление. Теперь он будет терзать струны несчастного тара и уши жильцов двора до тех пор, пока не получит свой «ширван» от сына Гасангулу. Соседи сбрасывают ему сверху денежку помельче, а он, вдохновляясь их вниманием к своему искусству,

продолжает терроризировать «мастерством». Думает, что платят за исполнение. А платят за то, чтоб поскорее убрался. И все равно Ани не уходит, пока не наберет довольно приличную сумму. Так кто же глупее?..

– Калинка-малинка, малинка моя! И-и-и-и! А-а-а-а! Сяду-я-гутку-малинку-мая! – юродствует Ани, зажмурившись от удовольствия. Это его коронный номер.

– Еще один со своей «малиной»! – ворчит Зейнаб, вывешивая на бельевой веревке тюлевую занавеску, в которую, словно в рыболовную сеть заплывали золотыми рыбками солнечные лучи.

День только начинается, и еще много голосов и звуков принесет он в старый двор-колодец. Этот двор, как стойкий оловянный солдатик, упорно не хочет прощаться с прошлым, которое всегда кажется лучше. Здесь уже не слышны звуки станка точильщика ножей, призывы стекольщика и старьевщика. Двадцать первый век изгнал их, как до него двадцатый век-шарманщика и примусника. А новостройки уже подобрались совсем близко и взяли в плотное кольцо старый двор-колодец. Кольцо все сжимается. Эх, Ани, Ани! Где ты будешь пытаться свой чудо-тар дастаном о Кероглу? В предбанниках небоскребов? Будут ли там так же снисходительны к твоему «искусству» и терпеливы к твоему присутствию?

– Жизнь, она как картинка-раскраска, – поучает Жаля соседку Нину, которая жалуется на нерадивого мужа. – Тебе дается рисунок, а краски ты выбираешь сама. Кто же виноват, если не те выбрала? При чем тут судьба?

– Юрии-и-ик! – кричит вслед уходящему со двора мужу Нина. – Не забудь купить веревку!

– Для чего?

– Чтоб повеситься! – огрызается жена. Она неделю не допросится купить новую бельевую веревку – старая оборвалась.

– Юрик, не траться зря, я ей подарю! – встречается Насият.

– Спасибо, тетя Насият, – обижается Нина.

– Не за что. Я еще не подарила.

– «Язух чубанар 7 лавашдин чкядал 7 хеб вахкуниз мажбур хана, – рассказывает старая лезгинка Миасса сказку своему правнуку. – Цаз чана за лавашрик, лаваш Гана, хеб кчачуна!»

– Не хочешь яичницу, ешь колбасу! Что тебе еще надо? – это голос Сони.

– Компьютер! – а это голос ее сына.

– А «Мерседес» не хочешь?

– Хочу!

– А кина нуз мякян, деле кабуз мякян, – напевает талышка Хафиза, вытряхивая палас, в котором дыр больше, чем узоров.

– Ме патарам гоговар, гаморде весензе. Радручиме, лексия, патарама хвалузе, – повторяет маленькая Тина стишок. Она готовится к встрече с дедушкой и бабушкой из Кутаиси.

– Не позволю хоронить себя во вражеской земле! Хватит с немцев и моего глаза! – слышен приглушенный дверью голос Семена Абрамович.

– А с меня довольно твоего упрямства! – доносятся ответные всхлипывания тети Фани. – Все, уеду у Мишуне!

Не уедет, будьте уверены!..

КУХАРКИН ШЛЕМ

Потрясение, которое сэра Макройт испытал после трагической гибели сэра Ричарда, было столь великим, а печаль так безбрежна и глубока, что, зарекившись выступать на турнирах, он держал слово вот уже более десяти лет. Но когда сэра Макройт получил послание своего давнего недруга, презренного и бесчестного Олама, негодование всколыхнуло его душу, словно рвущий паруса норд-вест, отчего она, душа, пошла чудовищными волнами, кои обрушивались на челядь отборной бранью и многолетней пылью сорванных в ярости гобеленов. Подумать только! Как посмел этот кривоногий щенок, этот красноносый гусак, эта пучеглазая каракатица заподозрить его в трусости, засомневаться в его былых заслугах и славе непобедимого героя королевских турниров!

– Нет-нет, читай! Читай до конца! – рычал сэра Макройт, сверля налитыми кровью глазами дрожащего слугу. У того от страха язык стал будто из ваты, в ушах звенело, а пальцы, держащие кусок плотной бумаги с гербовой печатью бесчестного Олама, сделались холодные и бесчувственные. Сэра Макройт заводил себя, заставляя несчастного юношу вновь и вновь перечитывать послание, полное скрытых оскорблений и явных насмешек. И бедный юноша читал: «...Я понимаю, что истекшие десять лет не прошли без ущерба для Вашего здоровья, как телесного, так и духовного. Безусловно, в Ваши годы предпочтительней сидеть на мягком тюфяке, опустив ноги в таз с отваром лебеды (я слышал, у Вас подагра, бедный сэра Макройт – говорят, это так болезненно!), чем в жестком седле, натирающем чресла.

Зачем оно Вам в такие-то годы? Но обойти вниманием грозу турниров, благородного сэра Макройта было бы неучтиво с моей стороны. Поверьте, я приму с пониманием Ваш отказ».

– Прекрати! – так заорал господин, что у слуги подломились колени. Сэр Макройт запустил в беднягу своим широченным черным башмаком и стал ожесточенно рвать новый бархатный берет. Камердинер тихонько ахнул: два черно-белых страусиных пера, приколотых к берету серебряной брошью, обломились и зависли в разные стороны.

Господи, эти два пера стоят дороже всех уток, фазанов, куропаток и прочих пернатых тварей, обитающих в хозяйских угожьях! Но хозяин не унимался.

– Коня! Латы! Пику! Приготовить к турниру!

– Но, сэр... – рискнул возразить камердинер.

– Убью! – гаркнул сэр Макройт, не желая никого слушать.

– Убьет... – мысленно согласился с ним камердинер и не стал рисковать своей изрядно потрепанной годами шкурой, пытаясь как можно деликатнее втолковать хозяину, что презренный Олам в чем-то прав – десять лет не прошли бесследно для его здоровья и физической формы. Поди, даже пряжки на боках не застегнутся. Суставы на дурную погоду ноют, поясница проперченной козьей шерстью обложена. Что еще? Да все! Сердце пошаливает? Пошаливает. Печень свербит? Еще как! И про подагру Олам не соврал. С нынешним здоровьем сэра Макройта – на турнир? Да он зеленый плюмаж Олама за елку примет! Порассуждав таким образом, старый слуга решил не делать больше бесполезных усилий.

– Я только хотел спросить, какую лошадь изволите готовить к турниру, – нашелся он, взглянув на подоспевшего конюха. – Ваша Патти околела в прошлом году.

– Знаю, – будто дрогнул голос сэра Макройта. Но рассуждать здраво он был еще неспособен. – Моя верная старушка Патти. Бесстрашная, незабвенная Патти... Что ж, пошли на конюшню.

Минул месяц. Всю последнюю неделю перед турниром в родовом поместье Макройтов шли спешные приготовления к поединку – сэра Энгельберта с самодовольным невежей Оламом. Слуги приводили к порядок основательно поржавевшую турнирную амуницию своего господина, обновляли шарниры, заклепки, меняли ремешки на более широкие и длинные (соответственно нынешнему объему талии хозяина, влившейся в катастрофически растущий живот). Желтая попона старушки Патти была перешита на более низкорослого и широкогрудого черногривого Нота. Опасения конюха оказались напрасными: сэр Макройт, несмотря на тучность, держался в седле по-прежнему уверенно, а молодой конь очень быстро подчинился воле хозяина, почувствовав силу и решительность в его руках.

В канун турнира личный лекарь сэра Энгельберта поставил ему (на всякий случай) полдюжины пивок и как следует прочистил клистиром кишечник. Так что, наутро старый господин выглядел заметно посвежевшим. А облачившись в натертые до блеска латы, будто сразу и помолодел. – Шлем! – продолжая разглядывать себя в зеркале, бодро произнес сэр Макройт и протянул руку в сторону слуги. И вдруг – о, ужас! – оказалось, что о шлеме-то и забыли. Его никто не видел! Как пере-

дать состояние господина? Разве что так: бурлящая лава подступала к жерлу вулкана. Слуги бросились врассыпную. Они забегали по комнатам, чердакам и погребам в поисках шлема, о котором так непростительно забыли. Искали повсюду, но шлема нигде не было! Он был обнаружен случайно, в кухне, среди груды котелков и плошек, покрытый изнутри слоем бараньего жира, с налипшей к забралу овощной кожурой, омерзительно воняющий лежалой капустой и тухлятиной. Возмутительный вид архиважного рыцарского атрибута ввел слуг в оторопь. Кто бы мог подумать, что кухарка, подобравшая в чулане боевой шлем сэра Макройта, приспособит его для откидывания мяса и овощей.

– А что? Забрало попрочнее будет плетенных ивовых крышек. Те и не помыть, да и гниют скоро. Кусочки, опять же, между прутиками застревают, черви веют. А тут, на тебе – и котелок, и цецило!

– Вот сделает сэр Макройт из тебя цецило, чума старая, а из нас ивовых прутиков настругает!

Но кухарка равнодушно пожала плечами и продолжала вытирать жирный стол еще более жирной тряпкой.

Чем только ни терли, мыли, скребли шлем – ничего не помогает. Уже и блестит паче нового, а, все равно, с душком. В нем даже розмарин битый час варили. Без толку: вроде отошел сперва смрад, но после снова засмердил шлем. Шутка ли – десять лет, почитай, цецилом служил. На изготовление нового, однако, времени уже не оставалось. К счастью для челяди, сэр Макройт, испытывал такое сильное внутреннее волнение, что все обоняемое оставалось им незамеченным. Все клетки его мозга, все мысли и чувства были сосре-

доточены на непочтительном сопернике и единственном желании – победить! Он даже не слышал оглушительных возгласов, не видел огромной толпы желающих поглазеть на необычный поединок. Зрелище обещало быть захватывающим. С одной стороны – сэр Энгельберт Макройт, не знавший поражений король турниров. С другой стороны – заносчивый, но не менее умелый Олам. Случись эта встреча десять лет назад, ни у кого не было бы сомнений в победе Макройта. Однако десять лет прошло с его последнего турнира, а это серьезная причина для колебаний.

– Старая развалина, – презрительно кривил губы бессердечный молодой Олам. – Вот и пришел срок ответить за все поражения, что ты нанес Оламам. Твое глупое честолюбие доконает тебя. Но, надеюсь, не сразу. Хочу, чтоб ты еще пожил несколько лет. Пожил с чувством унижения и позора, которые сопроводят тебя в могилу.

– Я предлагаю сэру Макройту обменяться шлемами, – вскинув левую руку, крикнул Олам. – Когда я выбью его из седла, по траве покатите мой головной убор. Пусть это усмирит ярость благородного Энгельберта Макройта!

– Каков наглец! – процедил сквозь зубы почтенный Макройт. Он сделал знак прикусившему нижнюю губу слуге и крикнул в ответ, – Я дарю Вам свой шлем. Отныне он ваш. И у меня нет причин сожалеть о том, что новый головной убор сэра Олама покатится под копыта его прекрасной лошади после того, как она лишится всадника.

Получив шлем противника, надменный Олам недовольно повел носом и брезгливо поморщился. Его

смутил странный запах, исходящий от «подарка». Относительно запахов он был эстет. Но ведь сам поставил себя в безвыходное положение, и теперь был вынужден напялить его на голову. Опустившему забрало Оламу показалось, что он засунул голову в котелок с протухшей бараньей требухой, сдобренной розмариновым маслом. Его лошадь уже неслась навстречу черногривому коню Макройта, когда тошнота, усиленная тряской, вытянула из желудка не только плотный завтрак, но и давешний обильный ужин.

Титанические усилия, которые сэр Энгельберт прилагал, чтоб справиться с гневом и душевным смятением, нагнетали сложности со зрением. И без того близорукому Макройту трудно было определить направление удара. А тут еще этот наглый выскочка Олам придумал новую тактику: вопреки правилам поединка, раскачивался в седле, подобно сонному пьянице, а удар копья, судя по всему, придется прямо в грудь Ноту. Черт побери – именно так! Но последние мгновения боя оказались столь неожиданными для Макройта, что он и сам был озадачен.

– Наваждение какое-то, – обернулся сэр Энгельберт на упавшего противника. Он был абсолютно уверен, что даже не задел Олама. – Я ведь и не коснулся его!

Старый Макройт был настолько ошарашен, что даже забыл ответить приветствием толпе. А толпа исходилась радостными криками, размахивала шарфами и шапками, бросала дубовые ветки через ограду, чувствуя победителя. Сэр Энгельберт развернул коня и направился к судейской трибуне. В конце концов, какая разница выбил ли он Олама из седла сам Макройт или это

сделал за него осерчавший дух короля Ричарда. Главное – кичливый гусак валяется в пыли, как и все Оламы, когда-то поверженные Макройтом. Только слуги, унося своего бесчувственного господина, вели себя странно. Одного даже вывернуло на виду у всех.

* * *

– Что прикажете делать со шлемом Олама? – спросил камердинер хозяина по завершении трехдневного пира, заданного в честь победы старого господина. Наконец-то шум и ликование уступили место желанному отдыху!

– Отнесите на скотный двор. Пусть таскают пойло свиньям, – сэр Энгельберт с удовольствием опустил ноги в таз с отваром лебеды.

– У меня есть иное предложение, господин. Позвольте?

– Какое же?

– Можно я отдам шлем Олама кухаркам? Они будут откидывать в нем свеклу и капусту.

– Это ты здорово придумал, – рассмеялся сэр Макройт. – Чем голова, носившая этот шлем лучше капустного кочана?

Вот таким образом (а почему бы и нет?) и пришли железные дуршлагги на смену недолговечным плетенным. А потому, не удивляйтесь, если в каком-нибудь музее средневековой кухонной утвари обнаружите рыцарский шлем с дырчатым забралом – вторая жизнь некоторых предметов подчас оказывается более полезной людям, чем их изначальное предназначение.

ЯВЛЕНИЕ МАЛГИ

Многобожие процветало. Оно не просто цвело буйным цветом, рождая все новых, весьма серьезных в своих намерениях богов, но и приносило обильные плоды в виде междоусобиц, разного рода конфликтов, интриг, недоверия и колдовства. О-о! О колдовстве стоит поговорить особо! Колдовство – это вам не «рэкс-фэкс-пэкс». Колдовство – это программа, образ мыслей и действий, сложнейший аналитический и дифференционный процесс. Вот и старая Иоффрассаиль поняла его многогранную суть раньше других, что помогло ей обеспечить довольно устойчивое положение в совершенно неустойчивом обществе и сытую жизнь дочери-перестарку. Одна беда: Ситта-Амарь глупа, как навозный жук, который при таком обилии дерьма вокруг тратит время на скатывание и закапывание впрок навозных шариков. Она может часами разглядывать муравейник, то и дело вороша сыпучий холмик прутиком, если вдруг покажется, что его обитатели стали медлительнее. Это могло продолжаться до захода солнца! А страсть дочери к приклеиванию отвалившихся у глиняных божков голов или конечностей выводила женщину из себя. В конце концов, разве идол, неспособный сохранить собственную жизнь, сможет спасти чужую? Вылепи нового, надели какими-нибудь полезными качествами и объяви незаменимым в какой-либо области. Например, в здравоохранении. Так нет же – эта вислозадая гусыня будет снова и снова прилаживать крошащийся нос к глиняному лицу отслужившего свой срок божка. И при этом сопеть, пыхтеть, отирая рукавом жирные, потные щеки. И что она с ним возится? Он свое отработал –

оберегал посевы от грызунов. Но с тех пор, как в округе развелось множество змей, грызунов заметно поубавилось. Пришло время другого идолишки, противозмеинного.

– Ведь пропадешь, как я помру, – сокрушалась Иоффрассаиль. Колдовство колдовством, да не везде поможет. А способности рукотворных божков ей лучше других известны, тут их глиняными головами задачи не решить. Чтоб такую вычудь пристроить, своей собственной потрудиться вернее будет. – Ни красы, ни ума. Прыти, что у черепахи. Неумела, нерасторопна. За делом пошлешь, пока дойдет забудет за чем шла. Смола будто: идучи застывает. И что ей дался этот «мышатник»?

– Оставь его, дочка, – обратилась женщина к дочери. – Козу бы подоила лучше. Ему нос и не понадобится уже, а нам поужинать не помешает. Да, все хочу спросить тебя: что тебе ночами снится? Что-то тревожное?

– Ничего не снится, матушка, – ответила Ситта-Амарь, сосредоточенно водворяя на место и вовсе потерявший форму нос.

– Совсем ничего?

– Ничегошеньки! А почему ты спрашиваешь?

– Говорить ты стала во сне. Такую околесицу несешь, что и не понять сразу.

– Неужели? – искренне удивилась девушка. – Снов никаких не вижу...

– Ты уверена, дочка? – обеспокоилась мать. – Не заболела ли?..

Женщина запнулась: вряд ли можно назвать ее дочь абсолютно здоровой, уж с головой, точно, не все в

порядке. От материного ума ей и малой доли не досталось. Тут природа отдохнула так отдохнула! А вот старая Иоффрассаиль себе верна – сразу сообразила, какую выгоду можно извлечь даже из такого пустого горшка, как ее дочь. Что если объявить ее вещающей во сне? Обратить недостаток в достоинство и обеспечить дочери впредь спокойную и безбедную жизнь. Если правильно поставить дело, народ повалит толпами, подол дурочке целовать будут.

– А ну, поди-ка сюда, – засуетилась Иоффрассаиль. – Да брось ты эту рухлядь!

– Козу доить не буду, – надула толстые губы Ситга-Амарь.

– Не дои, не дои, я о другом. Ворожить ты так и не научилась, зелья знахарского приготовить не можешь, мужа себе уже не найдешь, а так понесешь – камнями забьют до смерти. Есть одна задумка у меня. Если осилишь, тебе и солдата-иноземца простят.

Ситга-Амарь вмиг ожила, вскочила с места, да так, что уронила идольца, отчего он окончательно раскололся. Девица под села к матери, сжимая в кулаке потерявший всякую ценность и смысл дурацкий глиняный нос.

– Что, что ты сказала, матушка? – ее глаза засветились надеждой и страстью.

– Ой, дура ты, дура! – закачала головой Иоффрассаиль. – Думаешь, не знаю зачем в рощу зачастила? Не отпирайся, мне ли не знать, как-никак ворожея. Мне из этой рощи пташки нашептали. Меня не обманешь – сама кого угодно проведу.

– Ты не подумай ничего дурного, матушка, – смутилась девица. – Он обещал в жены меня взять...

– Вот так и разбежался! – презрительно скривила губы старуха. – Как забрюхатишь, тотчас пятки и сверкнут.

* * *

– Идите с миром, добрые люди. Запрет на моих устах, – на лице Иоффрассаиль была маска таинственности и смирения. – Скоро боги снимут печать, и я сообщу вам их волю. Одно могу сказать: отныне имя моей дочери Ситты-Амарь – Мálга. Так решили те, кто избрал ее.

Женщина многозначительно закатила глаза к небу и приложила ладони к груди. Люди верили ей прежде, поверили и сейчас. А еще они верили своим божествам, которых избирали, как депутатов в парламент и время от времени заменяли новыми. На злобу дня. Через семь дней старая ведунья Иоффрассаиль расскажет им о многочисленных видениях и знамениях, предшествовавших дару Ситты-Амарь. Будет врать правдоподобно и искусно. Ей не впервой. Она назовет свою дочь вещающей во сне, а для начала сама станет толковать всякую чушь, которую эта слабоумная девица бормочет по ночам в постели. Пройдет время, укрепится вера желающих чуда и тогда дите, рожденное от рыжеусого и щербатого солдата-иноземца... В том, что понесет рано или поздно Малга-Ситамар от воняющего потом и грязными сандалиями солдафона, Иоффрассаиль не сомневалась. Принесет дочь в подоле – это как пить дать. Но кто посмеет осудить избранницу богов, кто решится поднять на нее руку? Вот, то-то и оно!

– Чем труднее живется людям, тем горячее их желание узреть чудо, – размышляла старуха, перебирая чечевицу. Она тихо рассмеялась. – Верьте, люди, верь-

те. На вере ложь зиждется. Вера облегчит вам жизнь. Да и мне тоже. В конце концов, и под расчудесным павлиньим хвостом обычный зад скрывается. Наслаждайтесь созерцанием павлиньего хвоста!

ЗАЧЕРПНИ СЕБЕ САМ

Прослышали однажды люди, что скоро счастье раздавать будут. Заспешили к горшечнику, каждому хотелось побольше получить – вот и скупили все горшки одним разом. День и ночь трудился до седьмого пота гончар, лепя горшки для людей. Всем нужен был горшок пообъемистей: ясное дело – чтоб Счастья помноже зачерпнуть. А у подножия Горы Судеб уже стоял огромный котел, до краев наполненный бурлящим, льющим через край Счастьем. Сверкала разноцветными брызгами радость, било через край богатство и роскошь, пьянили безмерные желания. Сбежались к котлу люди и наполнили свои горшки искрящимся, чарующим и дурманящим Счастьем. Тут-то и спохватился горшечник – у самого и бадейки не осталось! Поднял он с пола маленькую глиняную мисочку (больше пригоршни и не уместится!) и поплелся, унылый, едва ноги волоча от усталости, за своей мерой счастья. А навстречу ему уже люди возвращались. У всех лица радостные, сияющие. Горшки, по самый верх наполненные, несут. Бережно несут, чтоб ни капли не пролить. Повертел гончар в руках мисочку-невеличку, повздыхал, но делать нечего – зачерпнул и он себе от людского счастья малую долю, совсем малую. Там, в котле, его еще много оставалось, да набрать невочто. Вернулся горшечник домой, поставил мисочку на гончарный круг, и обернулась его доля Счастья краюхой теплого хлеба, кружкой свежего молока, огнем в очаге и надежной крышей – отныне и навек. Знай только, крути круг, меси глину, лепи горшки, не ленись.

Минуло время с того дня, как каждый получил

свою меру Счастья. И вот, однажды слух пошел, что у Горы Судеб снова котел стоит. Но на сей раз хлещут через край слезы и беды. Людям же велено брать свои горшки – те, в которые Счастье набирали – и идти за долей горя и печали. А тем, которые слукавят и горшки разобьют, выдадут новые, втрое большие. Ничего не поделаешь, взяли люди горшки из-под счастья и, угрюмые, поплелись за лихом. Шли медленно, нехотя, оттягивая время и тая надежду, что удастся судьбу перехитрить и злой доли избежать. Один только горшечник оставался спокоен: хоть и отмеряно ему было счастья меньше малого, но и худа всякого не более того достанется.

«ВЫМЯ ТИГРИЦЫ»

Давно это было. Так давно, что и забыть пора. Да не забывается: то ржавый наконечник стрелы в самой сердцевине мертвого дерева найдут, то истлевшую кость плугом из земли вынесет, то медную монету из груды глиняных черепков вынут. Где были дворцы – там пески шуршат. Где степь лежала – там города выросли. Одни реки в землю ушли, другие вспять потекли. Одно неизменно – люди. Все те же...

* * *

Юркий, как ящерица, и чуткий, как кошка Кейсе быстрым полусшепотом докладывал хозяину о посланнике правителя-самодура, прозванного в народе Кан-Кантыром – кровожадной гиеной. Вслух, конечно, этого никто не произносил. Но и настоящее его имя – Любезный Народу – произносить язык не поворачивался. Поэтому, чаще всего, говоря о правителе, люди использовали слова «он» или «сам». Мальчик-слуга Кейсе сказал, что «его» гонец уже у городских ворот и вот-вот объявится тут, у дома Знатока Великих Премудростей, мунаджима Билеза, мудреца и лекаря.

– Он выглядит очень усталым и напуганным, – быстро-быстро, словно горох сыпал, говорил Кейсе. – Загрызи меня блохи, если речь не о хвори «его» сына пойдет!

– Что за хворь? – глядя жидкую седую бородавку, поинтересовался старый плут Билез.

– Люди поговаривают, что наследник духом недужит.

– Безумен, ты хочешь сказать?

– Скорее, чрезмерно боязлив. Однако «ему» при-

завать сына обыкновенным трусом не по чину. Вот и распускают вельможи слухи о какой-то терзающей княжича порче. С тем, видать, гонец к тебе и направлен. Ох, хозяин, туго придется, если не исцелишь парня. Не сносить нам тогда головы!

– Твоя-то голова не шибко в цене.

– Не скажи, хозяин. Сам знаешь, что с моими ушами и глазами твоя голова куда дороже.

– Ну-ну, не заносись.

Слуга не успел ответить, как на пороге появился посланник правителя. Он отер пыльным подолом потное, изможденное долгим путем и палящим солнцем лицо и попросил у хозяина дома разрешения сесть.

– Садись, садись, милейший, – указал старец на шелковый затертый коврик и обернулся к слуге. – Принеси гостю напиток. И лепешку не забудь. Он и голоден, наверное. Шутка ли – три дня в пути без передышки!

– Откуда ты это знаешь? – изумился посетитель.

– Разве не правитель послал тебя ко мне, да продлятся его годы?

– Ты и это знаешь? Не лгут, видно, люди, говоря о твоём даре.

– Не лгут, не лгут. Вот и сейчас вижу, что о сыновнем недуге печется князь. И то вижу, что и, впрямь, попорчен юноша. Но не людьми, а демонами.

– Надо же! А князь столько голов посек! Ему ведь и прежде говорили, что порча на сыне. И даже указывали, кто мог наслать. Недавно он двух своих наложниц казнил по этой причине. Но наследнику не полегчало. От каждого шороха дергается, по ночам кричит. Однако, недосуг мне время терять. Собирайся, почтенный, велено тебя поскорее к князеву двору доставить.

* * *

– Самодовольный индюк, ненасытный кровосос, богомерзкий, боров, смердящая падаль, укрытая парчой! – думал Знаток Великих Премудростей. Он стоял перед правителем, наклонив в полупоклоне голову. В Кан-Кантыр впился в него колючим взглядом заплывших жиром глазенок. – Будто спрут, обволакивающий жертву щупальцами. Но и жертва не из простых!

– Я вижу за твоими плечами свет мудрости, а на лице печать добродетели, – произнес Билез вслух. – А это залог справедливого правления. Да будет оно бесконечным и безоблачным!

– Разве так бывает? – коварно прищурился князь.

– Бывает! Память потомков сохранит в веках твое имя, – ответил мунаджим и мысленно добавил, – ... проклиная и презирая.

– Знаю, зачем ты послал за мной, – продолжил он. – И постараюсь помочь твоей беде.

– Уж постарайся, – злобно усмехнулся правитель. – Не то твоей беде никто ничем не поможет.

Но лицо лекаря оставалось спокойным и невозмутимым. От его взгляда не ускользнуло, что медленно перебирая в правой руке дорогие янтарные четки, двумя пальцами левой руки князь то и дело теребил край шелкового халата. Это говорило о многом проникательному человеку. Когда же старец увидел наследника, бледного мальчика с глазами перепуганного крольчонка, ему сразу стали видны корни болезни, потому как плоды были налицо. Скрытая ненависть окружающих к отцу нависала над сыном смертоносной глыбой. Чуть что – раздавит! Лишь жизнь тирана-отца спасает от неминуемой гибели это пугливое создание. Лекарь проникся ис-

кренней жалостью к мальчику. Тем более, что многолетний опыт подсказывал ему: отечность лица и рук князя, желтизна ногтей и сеть лопающихся сосудов в глазах – дурной знак, очень дурной. Срок правителя исходил. Мунаджим понимал, что боязливость, ночные кошмары, плохой аппетит – все это результат подсознательно довлеющего над мальчиком страха за свою жизнь.

– Тут одним снадобьем не поможешь, – продолжал игру старик. Он взял княжича за руку. Она была холодная и влажная. Лекарь смотрел юноше прямо в глаза и тихо, но четко говорил. – Я дам тебе амулет. В нем спрятан чудодейственный корень «вымя тигрицы». Очень скоро чары отступят и рассеются. Тебе нечего будет бояться, корень имеет великую силу. Пока амулет с тобой, тебе ничего не грозит. Ни меч, ни яд, ни огонь не страшны тебе. Тело станет крепким, дух сильным, разум ясным, а сон спокойным. Верь в силу амулета!

Мунаджим Билез провел во дворце правителя сорок дней и ночей. Все это время он подолгу гулял и беседовал с наследником. И окружающие стали свидетелями его чудесного преобразования. Из боязливого и плаксивого мальчонки он превращался в жизнерадостного юношу.

* * *

Прошли годы. Князь-тиран умер, и его место занял сын. Но радость подданных была недолгой. Верно говорят, что на репейнике роза не зацветет...

– Сынок душегуба и отца своего переплюнул. На базарных площадях виселицы не пустуют, а отсеченных голов не меньше, чем дынь в торговых рядах, – выговаривал верный Кейсе своему одряхлевшему хозяину. –

Зря ты тогда исцелил княжича! Он не только страхов лишился, но и всякую меру своей вседозволенности потерял. Слышал я, как люди тебя корят за это. Все говорят, что могущественный оберег у молодого правителя и демонов ты заговорил. Не к добру эти разговоры, поберегись...

– Глупы люди. Глупы и невежественны, – горько усмехнулся Знаток Великих Премудростей. – Не годы у меня впереди, а дни. Чего мне беречься? Неужели не найдется смельчака, который поднимет меч на кровавого тирана?

– Так ведь заговорен он! Ты же сам его неуязвимым сделал. Кто ему «вымя тигрицы» дал?

– Говорю же: глупы люди! – еще больше огорчился старик. – Если я дам тебе питье и скажу, что это исцелит твою хворь, ты выпьешь?

– Конечно!

– А если скажу, что в чаше отравы?

– Ну не такой же я дурак, чтоб отпить!

– На самом деле. Это может быть обыкновенная вода...

– Понял! – стукнул себя по лбу Кейсе. – Ты хочешь сказать, что оберег князя – это пшик? Но ведь если обман раскроется, не миновать нам виселицы...

– Никто не должен знать правды, ни люди, ни князь! Это принесет больше беды, чем моя бесчестная смерть, – строго посмотрел старик на слугу. – Отправляйся к правителю и скажи, что звезды велели мне обновить оберег и усилить заклинание. Скажи, что я слаб для долгого пути. Пусть отдаст амулет тебе, а сам семь дней не выходит из своей опочивальни, усилит охрану и никого к себе не впускает, даже жен. До тех пор, пока я

не верну амулет. Семи дней тебе вполне хватит, чтоб покинуть пределы его владений...

– А ты?..

– Я уйду еще дальше, – вздохнул Билез. – И очень скоро. Если князь снарядит тебе конвой, угостишь его людей вот этим чудесным вином из нашего погреба. Они будут спать долго и крепко, а когда проснутся, сами поймут, что возвращаться к правителю – значит обречь себя на мучительную смерть. Пустят слух, что на вас в пути напали разбойники, всех перебили, а сами унесут свои головы еще дальше, чем ты.

– Так складно говоришь, будто все наперед знаешь.

– На то я и звездочет, – печально улыбнулся старик. – Однако, знай я наперед, каким зверем вырастет этот гаденыш, не стал бы его жалеть тогда. Пришло время исправить ошибку. Вот сейчас твоя голова, и впрямь, ценнее моей стала. И если ты не потеряешь ее раньше срока, она еще сослужит тебе добрую службу.

ТАЛИСМАН

Талисманы были у всех девчонок. Так повелось. Это были самые разные вещицы. Порой смехотворно нелепые. Колечко или миниатюрная игрушка – обычное дело. А у Севки, например, был шнурок на запястье с простой армейской пуговицей. Севка считала, что металлическая пуговица со звездой, которую она нашла в бабушкиной шкатулке, приносит ей удачу.

– Буду звездой, вот увидите! – упрямо твердила Севка, когда подружки посмеивались над ней и советовали выбрать какой-нибудь другой талисман. Например, милицейский свисток. Надо сказать, что армейская пуговица, действительно, несла символическое значение. Потому, что, хотя звездой Севка и не стала, но, будучи студенткой второго курса, вышла замуж за военного. И до сих пор счастлива в браке.

Глядя на пейзаж за окном, Аида вспоминала своих школьных подруг, шумный старый двор с висячими лестницами и паутиной бельевых веревок. Нащупав в кармане брюк свой талисман, Аида улыбнулась воспоминаниям и переложила его в сумочку. Она нашла его в песке, на пляже. Это была потемневшая шахматная фигурка – белый конь. Она решила, что это знак судьбы. Ведь выброшенная волной на берег шахматная фигурка, согласитесь, необычная находка, слишком уж «сухопутная». Как давно это было! Только сейчас, когда тебе почти 40 лет, понимаешь, что то было самое счастливое время. Вся жизнь впереди: фигурки стояли ровными рядами, и игра еще не началась. А в 16 лет мало кто сомневается в том, что победа – именно его предназначение. Нельзя сказать, что у Аиды все сложилось плохо.

Наоборот. Она кое в чем даже преуспела. Окончила МГУ, аспирантуру, успешно защитилась и стала кандидатом юридических наук. Затем проработала в прокуратуре несколько лет. Позже руководила собственной небольшой адвокатской конторой. Сбои дала личная жизнь. Брак остался бездетным и распался именно по этой причине. Через 10 лет совместной жизни... Тяжко было поначалу. Теперь свыклась и не хотела об этом вспоминать, ушла с головой в работу, в свой бизнес. Но, чем больше вокруг тебя людей, тем острее чувство одиночества, нежеланнее выходные, скучнее праздники, длиннее ночи. Даже еда безвкуснее.

Аида возвращалась в родной город без особой радости. Ей предстоял выбор: оставаться на родине или, продав родительскую квартиру и забрав мать, возвращаться в Москву. Отец умер два года назад, и маме уже трудно управляться одной. Брат не баловал ее вниманием. Своих забот полон рот. Принесет изредка продукты, денег подкинет – вот и вся сыновья забота. А старая женщина деньги на междугородные переговоры изводила. У Аиды сердце начинало выть, когда она слышала в телефонной трубке дрожащий старческий голос.

– Дочка, у тебя все в порядке? Я снова видела тебя во сне... – со смущением в голосе спрашивала мама. Аида понимала, что это всего лишь повод позвонить. Маме просто одиноко. Как и ей.

До отправления поезда оставалось почти ничего, а места в ее купе были все еще пусты. Раскрасневшийся и вспотевший мужчина с огромным баулом и хныкающей девчушкой на руках протиснулся в купе за несколько минут до отправления поезда. За ним вошли два бело-

брысых подростка с сумками и чемоданами. Одному было лет 15, другому чуть меньше.

– Уф-ф, успели, – с облегчением вздохнул мужчина, усадив девочку на скамью. Он поздоровался с Аидой, извинился за мальчика, поставившего чемодан на ее место, и стал рассовывать вещи по полкам и антресолям. Девочка капризничала, и Аида решила занять ее, пока папаша укладывал вещи. Надо полагать, это был папаша.

– Да, это дочка, Аида, – подтвердил мужчина, когда они наконец устроились и завязали разговор. А это мои сыновья, Рустам и Руслан.

– Будем знакомы, тезка! И меня зовут Аида.

– Вот здорово! – улыбнулся попутчик.

Они разговорились, и беседа затянулась допоздна. Маленькая Аида, успевшая перебраться на колени к Аиде старшей, так и уснула у нее на руках. Так не хотелось перекладывать это сероглазое чудо на соседнюю постель! Но и старшие дети утомлены, и вскоре свет в купе был погашен. Многодетное семейство сопело во сне носами, поезд стучал колесами, и были во всех этих ночных звуках мир и покой. Аида уснула не сразу. Она еще долго всматривалась в пробегающие мимо окна тени и блики. Думала об услышанном и искренне сочувствовала своему попутчику. Как оказалось, два года назад он потерял жену и, как мог, старался сам заниматься хозяйством и воспитанием детей. Но разве справится мужчина с такой ношей один? Вот и пришлось везти детей к бабушке. Пока лето, попривыкнут. А он с родней обсудит, как быть дальше. Может быть, оставит трехлетнюю дочку у бабушки. Правда, мальчики сейчас возражают, не хотят разлучаться с сестренкой, а пере-

бираться к ним, в Москву, бабушка отказывается. Но еще будет время решать все на месте.

Аида редко летала самолетом. Ей нравилось путешествовать по железной дороге. Хотя и это случалось нечасто. На сей раз дорога обещала быть нескучной. Компания приятная. Аиде она в новь, и потому интересна. Весь следующий день прошел в кормлениях и чаепитиях, играх и разговорах. Когда после полудня маленькая Аида уснула, ее отец предложил Аиде старшей сыграть в шахматы.

– Никогда не играла в шахматы, – ответила она и отодвинулась, уступая место 15-летнему Руслану.

Отец раскрыл на столике шахматную доску и, расставляя фигуры, рассказывал.

– Я эти шахматы с детства храню. Мы еще с отцом играли. Это его подарок. Тут, правда, одной фигуры не достаёт. Когда-то, лет 25 назад, летом на пляже затерялась, – сказал он и поставил вместо белого коня затертую деревянную катушку от ниток. Аида опешила. Ее взгляд застыл на шахматной доске. Через минуту она достала из сумки свой талисман и заменила им коня-катушку.

– Не тот ли? – с улыбкой спросила Аида. – Прямотаки сказка! Я этого коня тогда же, лет 25 назад на Пиршагинском пляже нашла и с тех пор не расстаюсь с ним. Это мой талисман.

– Чудеса!.. – изумленно уставился на вернувшуюся из далекой юности фигурку белого коня отец семейства. – Неужели тот? Именно на Пиршагинском пляже я его и посеял. У нас дача была неподалеку. Так мы с отцом и на пляж шахматы таскали. Чудеса... Вот так встреча!

Белый конь – он и есть белый конь. И пусть не совсем принца принес он, так ведь и сам–то не совсем конь.

Пронеслись три жарких, полных событий летних месяца. И в один из теплых августовских вечеров, в самый разгар «инжирного» сезона, заполнило купе поезда «Баку–Москва» новое семейство: маленькая Аида спала на руках Аиды старшей, которую обнимал за плечи муж, Рашид. Мальчики раскладывали на столике шахматную доску. К Новому году и бабушка приедет.

ТАК ГОВОРЯТ МОИ ВРАГИ

Старику уже перевалило за 100 лет, но страх смерти никогда не оставлял его. Казалось бы, и жизнь уже потеряла смысл, поблекли все краски и ушли все радости, но он не хотел умирать. Он не хотел уходить из жизни, пусть бессмысленной и зыбкой, все равно не хотел. Давно ушли в мир иной все его родные и близкие, здравствует лишь единственный правнук, которого он не любит. За молодость. За то, что у того еще есть Время! Старик вздрагивает от каждого скрипа, от каждого стука и вздоха: а вдруг это Смерть за ним пришла? Говорят, она вся в черном, с косой, жуткая на вид. Он не гасит свет даже ночью, не открывает без крайней необходимости глухо зашторенных окон, не подходит к двери. У пожилой женщины, которую нанял для ухода за ним правнук, есть свой ключ. Она давно должна была придти. Почему-то задерживается, даже не позвонила. Надо пожаловаться правнуку, пусть подыщет другую, помоложе да попрытче. Беспокойство рассеялось, когда он услышал звук открывающейся двери. Через минуту в комнату вошла... молодая, необыкновенно красивая женщина, источая аромат весеннего луга.

– Кто Вы? – удивился старик. – Откуда у Вас ключ? Что Вам здесь нужно?

– Не волнуйтесь. Ваш внук решил, что прежняя сиделка несколько нерасторопна и нанял меня. К тому же, с недавних пор я живу неподалеку.

– А я только что подумал об этом! Бабка и впрямь ленива и неумела. Готовит плохо. Укол делает – руки дрожат. Мне же больно!

– Вы так чувствуете боль? А может быть, Вас пу-

гает ее ожидание? Так часто бывает.

– Как-то странно Вы говорите. Как зовут Вас, милая девушка?

– У меня редкое и необычное имя, – рассмеялась девушка, подойдя к окну. – Вы позволите открыть форточку? Здесь так душно. Сейчас я приготовлю чай, выпьете лекарства, и мы с Вами поговорим. Думаю, нам есть о чем поговорить.

Старик несколько насторожился, но девушка, подойдя к кровати, взяла его руку, погладила, поправила подушку, и он успокоился. У нее такие нежные руки, такие заботливые! Просто бархатные. Ему показалось, что он куда-то улетает. Стало так легко! Он закрыл глаза, и его на мгновение покинули все страхи и тревоги.

– Как хорошо! – тихо произнес старик. – Вы просто ангел! Так как же Вас зовут?

– Меня зовут Аджал, – не отпуская его руки, так же тихо ответила девушка.

Старик восторгнулся. Что за странное имя? Открыв глаза, он уставился на девушку, которая, улыбаясь, поглаживала ему руку. Как она хороша! Какое тепло в глазах! О таких глазах складывают газели, от них теряют рассудок, во имя них совершают подвиги...

– Аджал? Но ведь... Нет! Я не хочу! Не надо! – захотел крикнуть старик, но не смог. Он лишь прошептал. – Вы так прекрасны, так милы и добры. Вы не можете ЕЮ быть... Она страшна и уродлива, она отвратительна...

– Так говорят мои враги... Но Вы же видите, я не так уж и ужасна. Скажите, почему Вы так боитесь смерти? Неужели одиночество, немощь, болезни привлекают Вас больше? Я открою Вам секрет. Смерть на-

ступает не тогда, когда тебя покидает душа, а когда о тебе забывают. Вы одиноки на этом свете. Кроме правнука, который еще сможет положить цветы на Вашу могилу, никого не осталось. Раньше или позже, Вы все равно умрете. Так почему же не хотите продлить свою жизнь в его памяти? Чем привлекает Вас это прозябание, которое и жизнью-то назвать нельзя?

– Но мне так хочется жить!..

– Скажите, разве Вы не испытываете боли от потери всех своих родных и близких? Вас не пугает одиночество, дряхлость тела и слабость духа? Но ведь умереть гораздо проще – тогда кончатся все эти муки.

– ... так хочется жить!

– Помните, сорок лет назад, когда Вы тяжело болели и умоляли сына сделать все, чтобы Вас поставили на ноги? Он тогда продал свой автомобиль, чтоб можно было купить для Вас дорогие лекарства. Вас вылечили. А через несколько дней его сбил потерявший управление грузовик. Когда Вам исполнилось 80 лет и Вас разбил паралич, дочь, спеша в больницу, забыла перекрыть газ, а когда вернулась, произошел взрыв. Она очень сильно обгорела и умерла в муках... Зато Вы поправились. Затем Ваш внук утонул, спасая Вас, 10 лет назад, когда Вам вздумалось понырять в море. Вам не жалко своего правнука? Ведь он молод и у него еще нет детей. Если уйдет он, а не Вы, прервется Ваш род. И тогда Вы умрете по-настоящему.

– ...хочу жить... – не унимался старик.

– Уверяю Вас, если я исполню Ваше желание, будет хуже. Придет время, Вы сами будете искать меня. Но я не «Скорая помощь» и не прихожу по вызову. Мой уход будет наказанием для Вас.

– ...жить...

– Как знаете. Я пыталась внушить Вам истину. Вы ее отвергли. Вы предпочли забвение и радость мнимой жизни. Ну, так живите...

Старик проснулся от шума в прихожей – это пришла пожилая женщина-сиделка, которую нанял правнук.

– Что за странный сон? – подумал старик. – Ханум, когда ты пришла, здесь был кто-нибудь?

– А кто здесь мог быть? Ключ-то у меня, – ответила женщина и тихо добавила, – посланцев Азраила, видно, ждешь.

Спустя несколько дней женщина-сиделка умерла от сердечного приступа, у себя дома. Правнук, сообщивший старику об этом, обещал к вечеру подыскать и прислать другую сиделку.

– Дед, я оставлю здесь свои вещи до вечера, ладно? – сказал он, уходя, забыв, видно, что все его документы остались в сумке.

Правнук не вернулся ни вечером, ни утром, никогда. Недалеко от бюро по найму он поскользнулся и ударился виском об острый каменный выступ в стене. Он умер сразу.

Старик давно уже лежал без движения, так, как его оставил правнук. Он хотел пить, но не мог никого позвать. Его никто не искал, о нем никто уже ничего не знал. Его тело было почти мертво, но душа трепыхалась в этом теле, не зная, как вырваться. Он уже не жив, но еще не мертв. Но он сам выбрал это. А красавица Аджал с ласковыми и заботливыми руками вряд ли вновь придет уговаривать его: у нее и так дел невпроворот. Жди теперь ту, страшную, с косой!..

ПРЕСТОЛ И ПЛАХА

Он красив до умопомрачения! Четыре гнутые ножки в виде львиных лап покрыты сусальным золотом. Подлокотники, смягченные нежнейшим небесно-голубым с серебряной нитью атласом, пригнуты отягощенной лозой: на ней гроздь из камней – кабашонов и листья малахитовой глазури. Спинка принимает в свои объятия, лаская нежным шелком и прижимаясь ароматным красным деревом с золотыми вкраплениями в виде райских птичек. А сиденье! Это не сиденье – это нечто, взбитое из пуха от крылышек юных ангелочков.

Он весь искрится. Вздыхает томным полупрозрачным «лунным камнем», поет лазуритовым облаком у изголовья, обрамленным алмазными звездами. Каждая линия его узоров – это поэтическая строчка, то нежная и таинственная, то пламенная и страстная. Узоры переплетаются, как фантастические драконы в брачном танце, то и дело взрываясь брызгами самоцветов на пике блаженства. Утопая в нем, ощущаешь себя на небесах. А он и есть земное отражение небес. Трон! Престол! Удел избранных. Предмет вожделения и грез.

Сегодня, как и многократно прежде, он стоит на убранном шелками балконе и ждет своего хозяина. Новый хозяин взшел на него совсем недавно. Через час он воссядет, чтоб созерцать... казнь своего предшественника.

Внизу, в центре эшафота, стоит Плаха. Она почти ровесница искрящемуся красавцу-трону, а какие разные судьбы! Плаха потемнела от времени и покрыта бурыми пятнами пропитавшей ее крови. Но она еще крепка! Никто не слышит ее тихий стон, когда, отсекая

очередную голову, стальное острие впивается в нее. Никто не считает насечек на израненной поверхности, по которым можно прочесть историю, как по календарю.

– Мое предназначение – возвышаться и возвышать. Твое – унижить то, что низвергнуто, – надменно произносит Трон. – Меня желают, тебя страшатся. Передо мной склоняют головы, перед тобой их лишаются. Ты черна от крови и слез, уродлива от рубцов, оставленных топорами палачей.

– Это так. Но я принимаю последнее прикосновение губ и последний взгляд тех, кто был оболещен и обманут тобой, – возражает Плаха. – Я прижимаю к сердцу венценосные головы тех, чей царственный зад ты ласкаешь. Так кто же из нас достоин большего уважения? И кто из нас чище?

Новый хозяин медленно опустился на трон, воссев на небесно-голубые шелка и возложив руки на золотые поручни.

– Добро пожаловать! – едва слышно проскрипел Престол. – Надолго ли?

Прежний хозяин также медленно опустился на колени перед плахой, кинув затуманенный слезами взгляд на Престол, с которого был низвергнут.

– Я сожалею, – вздохнула Плаха. – Но, поверь моему опыту, твой преемник придет ко мне гораздо раньше, чем ты после своего предшественника. Он глуп и тщеславен. Его дорога с балкона на эшафот будет куда короче!

Никто и никогда не слышит, как перешептываются Престол и Плаха. А жаль...

КОРМ ДЛЯ РЫБОК

– Надо купить корм для рыбок. Я высыпала им все, что осталось, – надевая туфли в прихожей, говорила мама. – Вадик, ты Барсика не забудь накормить, а то этот прохвост снова в аквариум полезет.

– А ты мне хрустики купишь? – легонько стуча указательным пальцем по стеклу аквариума, спросил Вадик.

– Надоел ты мне со своими хрустичками. Нечего желудок всякой дрянью портить! Да и денег на эту гадость у меня нет.

– Во-о-от, рыбкам корм покупать деньги есть, а мне хрустики – нет, – не унимался мальчик.

– Рыбки ничего другого не едят, – заворчала мама, укладывая в сумку какие-то свертки. – Не морочь мне голову. Все! Барсика накорми. Побежала я.

С этими словами она вышла. Когда щелкнул дверной замок, а затем послышался звук опускающегося лифта, Вадик вздохнул, взял сачок и стал возить им по аквариуму, пытаясь поймать одну из пяти рыбок, маминих любимиц.

– Барсика, говоришь, накормить? – процедил он сквозь зубы. – Щас накормим! Барсик, хочешь рыбку? Видишь, мне хрустики не покупает, а для этих пучеглазых бестолочей специально в зоомагазин за кормом ходит. Пока не сдохнут, мне, наверное, хрустиков не на что будет покупать. Наконец ему удалось подцепить недавно приобретенную серебристую рыбку-телескопа с желтоватым хвостом-шлейфом. Вадик слегка сжал в ладошке скользкую трепыхающуюся рыбку и посмотрел на кота Барсика. Кот с недавних пор находился под

домашним арестом: пробравшись на соседский балкон, он задушил волнистого попугайчика тети Медины. Теперь, выходя на балкон, она бросает взгляд в их сторону и неизменно говорит одну и ту же фразу: «Аллах сяни зялил елясин!» Вадик не понимал смысла этих слов. Поэтому, когда сосед наверху забыл закрыть кран и их затопило, он огорченно сказал маме: «Вот и накаркала тетя Медина. Вот и залил нас Аллах».

Кот сидел на полу, напротив Вадика и смотрел на него в упор. Он весь напрягся в ожидании свежатинки.

– Ну что, кошара, хочешь рыбки отведать? – сжимающая и разжимающая ладонь, мучил бедную рыбку Вадик. Кот шевелил хвостом и едва слышно мурлыкнул. Выдавать свои желания более эмоционально он опасался: мальчик с характером, и дух противоречия мог заставить его вернуть рыбку в аквариум. Но, кажется, в голове у мальчишки вызревал некий план. Сжимая в ладошке рыбку, он прошел в кухню, взял из тарелки вермишелину и стал запихивать ее в рот несчастной рыбке.

– Не хочешь вермишель? Я тоже не хочу, но у меня не спрашивают. А хрустики не покупают. Зато вам, дурам пучеглазым, спецкорма закупают, хотя вы и не просите даже. Ну, заговори человеческим голосом, золотая рыбка! Хочу, чтобы мне купили хрустики!

Потом он бросил рыбку на пол. Она уже почти не шевелилась, только едва двигала жабрами. Барсик, притираясь о косяк двери, выгнувшись, наблюдал за действиями хозяина, не отваживаясь броситься на телескопа без разрешения.

– Будешь моим союзником, кошара? Тебе – рыбки, мне – хрустики. Хорошо, что разболтать не сможешь. Так-так-так, значит, через два дня рыбки кончатся и

вместо сушеной моли можно будет купить хрустики.

Сказав это, Вадик вышел из кухни, оставив жертву и хищника один на один. Зайдя в комнату, он сделал характерный жест в сторону аквариума, улегся на диван и, положив руки под голову, стал напевать:

С утра сидит у озера
Любитель рыболов.
Сидит, мурлычет песенку,
А песенка без сло-о-ов...

Дождавшись, когда Барсик вернулся в комнату, и поняв по его довольной морде, что с рыбкой покончено, Вадик пошел на кухню, поднял огрызок рыбьего хвоста:

Маленькая рыбка
Плавала в пруду.
Заплыла в аквариум
На свою бед-у-у...

Затем он предусмотрительно обмочил лапки отчаянно сопротивлявшегося кота в воде и немножко побрызгал на пол.

Когда мама вернулась домой, она застала сына спящим на диване, кота свернувшимся клубком на подоконнике. Подойдя к аквариуму, чтобы досыпать рыбкам свежескупленного сухого корма, женщина, ахнув, запричитала: «Где серебристый? Вадик, Вадик, проснись! Где серебристый телескоп? Барсик, душегуб, где мой серебристый?» Барсик, почувствовав обстановку, мгновенно прыгнул с подоконника и исчез под диваном. Вадик сел, спустив ноги, притворно хлопая глазами: «Какой серебристый? Что случилось?»

Ты чего кричишь?»

– Вот, посмотри, серебристого телескопа нет, кругом вода, кот сожрал рыбку, а ты спишь! – продолжала хныкать мама. Вадик с удивленным выражением лица подошел к аквариуму и стал считать рыбок, левой рукой незаметно затолкав под аквариум мокрый сачок. Как хорошо, что она его не заметила! Как он мог забыть про сачок? В следующий раз надо быть осторожнее. Следы рыбной ловли были налицо. Огрызок рыбьего хвоста так и валялся на полу кухни.

– Ты что, не накормил этого мерзавца?

– Как не накормил? Я сам, что ли, кошачий корм ем? Он еще мою сосиску сожрал. А вчера, помнишь, в кастрюлю лапу хотел запустить? Может быть, отдадим его кому-нибудь, а то он и нас сожрет.

– Ты смеешься надо мной? Мать голову потеряла, а ты дурачишься...

– Так, значит, серебристый был твоей головой, – подумал Вадик, но сказал: – Успокойся, мамуля, я просто хотел тебя развеселить. Я же вижу, как ты огорчилась.

Уходя утром следующего дня, мама велела Вадиду не сводить глаз с аквариума и кота. Но, вернувшись, на этот раз она недосчиталась еще двух золотых рыбок – оранжевой и желтой с красным хвостом, которую называла Клюквочкой. Сачок, заранее высушенный над плитой, лежал на своем месте, а воды на полу было еще больше. К тому же на голову спящего кота был опущен крошечный листочек зеленой водоросли. Вадик в какой-то миг пожалел расплакавшуюся маму, и стал ласкать ее ладони, которыми она прикрыла лицо, приговаривая: «Мамуля, не плачь, пожа-

луйста! Ну, хочешь, я задушу этого кошару? Чтоб ты подавился, крокодил!» Но топор войны уже был вбит в аквариум, и зарыть его могли только хрустики.

– Как же ты не догляде-е-ел? – ревела мама, при-топтывая ногами и похлопывая себя ладошками по лицу.

Когда мама собралась уходить, связав брови в узел, она строго-настрого приказала Вадику не впускать кота в комнату. Но он «пробрался», воспользовавшись тем, что мальчик «задержался» в туалете. На этот раз пали последними жертвами белая полосатая и голубая скалярии. Пол-аквариума воды было на полу, вокруг валялись водоросли. Кот был мокрый и недовольный, скалярий он не съел, поэтому пришлось их немножко покалечить вилкой.

Мама лежала на диване с повязанной головой. От нее пахло сердечными каплями, львиную дозу которых она приняла из рук сына-лицедея. Конечно, Вадик не хотел, чтобы она заболела. Но он так ненавидел этих скользких пучеглазых молчаливых тиранов, о которых заботятся больше, чем о нем, с которыми могут говорить часами, не замечая скучающего мальчишку. Коту и то больше ласки доставалось. Его ведь так и не прогнали, даже не шлепнули! А Вадику-то пара шлепков за «недосмотр» все же досталась.

Когда мама пришла в себя, она долго лежала молча. Потом, лежа на спине, скрестив руки на груди, глядя в потолок, она вдруг тихо спросила: «Вадик, а почему ты больше не просишь хрустики?...» Вадик растерялся и не сразу ответил.

– Ты же сама говорила, что от них один вред...

Она больше ничего не сказала, но как-то стран-

но, с горечью и обидой, на него посмотрела. Вадик уткнулся в книжку-раскраску, замалевывая рыбок в аквариуме черной краской.

На следующий день мама купила двух новых рыбок: малинового и оранжевого телескопа. Молча положила на стол пакетик с хрустиками и переставила аквариум в спальню. Дверь там запиралась на защелку, и даже самый умелый и сообразительный кот не смог бы ее открыть без посторонней помощи.

– А ты знаешь, мамуля, не такие уж они и вкусные, эти хрустики. Ничего особенного, жареная бумага... – недовольно проговорил Вадик, сожалея о безвинно замученных рыбках, ценой жизни которых оказался этот яркий глянцевый пакетик с безвкусными хрустиками.

– Надеюсь, что и Барсику рыбки не очень понравились... – с укором посмотрела мама на мальчика.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕШЕК УМИД

В стране, о которой слышат в молодости, но живут в старости, жила одна очень искусная вышивальщица. Вышитые ею покрывала украшали самые богатые дома. И хотя платили за работу немного, труд доставлял ей радость. Она знала, что даже после смерти ее имя не будет забыто. Ведь оно вышито на оборотной стороне каждого покрывала золотисто-коричневой шелковой ниткой – Умид. Вышивая замысловато переплетенные цветы, Умид всегда тихо пела. Песни были простые и бесхитростные: она описывала стежки и узелки, которые складывались в чудесные букеты, мягкую ткань, принимающую на свою поверхность узоры и терпеливо сносящую капризы острой иглы. Гладкий кусок ткани знает, что болезненное соприкосновение с иглой скоро закончится и его терпение будет вознаграждено – он превратится в роскошное шелковое покрывало, вызывая зависть затертых льняных полотенец и застиранных скатерок. В песенках Умид и материя, и нитки, и иголки были одушевленными, и оттого узоры казались настоящими, живыми.

– Милый, красный цветок, ты источаешь такой дивный аромат! – напевала Умид, вышивая розовый бутон. – Но, прошу тебя, приподними свой листочек, ведь под ним совсем не видно маленькую фиалочку. А она такая славная!

– Матушка, – вдруг начинал смеяться маленький сын Умид, – ты так разговариваешь со своим рукоделием, будто все эти цветочки-лепесточки живые.

– А разве нет? – сосредоточенно заправляя шелковой ниткой тонкую иглу, отвечала Умид. – Скажу

больше: они не просто живые, они бессмертные! Все цветы когда-нибудь увядают, а эти всегда остаются яркими и красивыми. Всякое творение, в которое ты вкладываешь любовь, обретает живую душу.

– И корабли тоже?

– И корабли. А почему ты спросил?

– Когда я вырасту, куплю корабль и буду путешествовать по дальним морям и странам, которые за горизонтом. Там есть страны?

– Огромное множество! – утвердительно кивала головой Умид и вздыхала. Она не хотела огорчать сына сомнениями. Как он сможет купить корабль, если им и на лодку не накопить? Разве что случится чудо... – А в одной из этих стран встретишь прекрасную девушку, и она станет твоей женой. У вас родятся дети, и вы будете жить долго и счастливо.

– А ты?

– А мне хватит и твоего счастья...

Мечта о корабле не покидала сына Умид. Она сопровождала годы его юности и зрелости, но по-прежнему оставалась недостижимой, хотя он был очень трудолюбив. Мать с болью наблюдала за сыном, не зная, как ему помочь. Сердце ее сжималось от жалости и бессилия, когда сын, валясь с ног от усталости, даже не поев засыпал, возвращаясь с работы. Однажды сын сказал, что отлучится на весь день по делам службы. Это должно быть очень прибыльное дело, хоть и рискованное. Но он не может упустить такой шанс.

– Я не могу ждать до скончания века, когда оживут вышитые тобой кораблики! – упрямо ответил он матери, пытавшейся отговорить сына от рискованного предприятия. – Для меня не имеет смысла жизнь, в которой

можно только влачиться и прозябать. Либо я все потеряю, либо все обрету!

В ночь перед отъездом сына Умид долго не могла уснуть. А когда, терзаемая тревогой, уснула, ей приснился удивительный сон. Будто сидит она со своим рукоделием перед мерцающей лампой и подходит к ней женщина в белом шелковом платке, вышитом ее руками.

– Ты замечательно вышиваешь, Умид! Скажи, смогла бы ты оставить это дело?

– Но ведь оно кормит меня! И я его люблю.

– А если я предложу тебе корабль? Твой сын мечтает о нем, я знаю...

Умид задумалась. Но только на мгновение!

– Согласна... Что я должна сделать?

– Ровным счетом ничего! Ты просто будешь держать в руке этот камешек. – Женщина протянула Умид небольшой, гладкий черный камешек.

– Разумеется, держи его в кулаке, ты уже никогда не сможешь рукодельничать. Но в нем заключена удача твоего сына. Никогда не разжимай ладони!

Умид проснулась и какое-то время лежала, держа сжатую ладонь под щекой и думая о странном сне. Как же она изумилась, вдруг обнаружив в руке некий предмет – это был гладкий черный камень! Весь день Умид со смятением в душе, ходила, сжимая в кулачке камешек. А вечером вернулся сын и выяснилось, что дела его оказались успешными, и он получил очень большую прибыль. Гораздо большую, чем даже предполагал. Умид рассказала ему об удивительном сне и показала камешек.

– Если в нем заключена твоя удача, мне придется оставить рукоделие, – боясь показаться смешной, говорила Умид. – Но я согласна... Зато у тебя будет корабль, и ты посетишь те страны, о которых мечтаешь.

– Глупости все это! – рассмеялся сын. – Неужели ты думаешь, что какой-то камень определит мою судьбу? Я сам всего добьюсь!

Умид горько вздохнула и покачала головой. Как объяснить сыну, что дело не в камне, а в сжимающей его руке! С того дня Умид оставила рукоделие и не расставалась с черным камешком. Она не могла больше вышивать, и песни ее стали очень грустными. Правда, пела она их теперь лишь сердцем. Зато предсказание женщины из вещего сна сбывалось. Очень скоро сын Умид так разбогател, что купил не один, а несколько кораблей. Это были огромные торговые суда, которые пересекали океаны и приставали к берегам тех самых стран из его грез. Сын Умид стал очень знатным и уважаемым человеком. Люди кланялись ему при встрече, почтительно прикладывая руку к груди или обнажая голову. Многие считали за честь его ответ на приветствие. Сам же он продолжал умножать свое богатство, приобретая все новые корабли и ведя торговлю с дальними странами. И однажды из Страны Бурных Горных Поток он привез себе невесту.

– Помнишь, сынок, как когда-то я говорила тебе об этом дне? – спросила Умид, держа на коленях внука.

– Признаться, я и сама тогда мало в это верила. Но мне очень хотелось, чтоб твоя мечта сбылась!

Сын поморщил лоб, как бы пытаясь вспомнить и пожал плечами.

– Не помню. Может быть... Помню твои глупые выдумки о каком-то камне, который нельзя выпускать из рук. Неужели ты до сих пор его держишь? По-моему, ты просто разленилась. Да и зачем тебе рукодельничать при таком сыновнем богатстве? И камень твой тут ни причем – я сам всего добился.

Умид вдруг стало холодно от такой сыновней непочтительности. Она еще крепче сжала в кулаке заветный камешек. С годами сын становился все более черствым. Он давно уже не уделял ей времени – был слишком занят своими кораблями. Не интересовался ее здоровьем и настроением. Жива – и слава Богу! А стареющей Умид было так одиноко и грустно!

– Сынок, я так редко тебя вижу! Сядь, поговори со мной. Расскажи мне о тех странах, что лежат за горизонтом...

– О чем ты говоришь! У меня нет времени на пустые беседы. Если тебе скучно, займись своим рукоделием.

Да, любимое занятие скрасило бы одиночество и тоску. Вот бы снова расшивать яркими букетами шелковые покрывала и напевать, как прежде!

– Белые ромашки с янтарными сердечками, расступитесь немножко! Голубые васильки хотят прижать к вашим белоснежным лепесткам свои небесные цветочки. Вместе вы будете еще краше. И розовая лента вам очень к лицу... Ах, как тоскуют пальцы по быстрой иголке, по серебряному наперстку!

– Умид, мой платок поизносился, и узоры на нем поблекли, – вдруг раздался голос, услышанный много лет назад во сне. – Расшей мне новый, и я верну тебе молодость и здоровье!

– Это опять ты?! – грустно улыбнулась Умид, увидев перед собой женщину из своего давнего сна. – Как же я это сделаю, не разжав руки?

– А ты брось камешек! Он свое отслужил. Твой сын все равно не верит, что его удача в твоих руках. Докажи ему, что это так, пусть осознает ошибку. Да и к тебе станет добрее.

– Если я разожму ладонь, удача отвернется от него?

– Она и без того слишком долго его баловала!

– Нет! Не надо! Прости, но я не смогу расшить тебе новый платок...

– Сын почти забыл о тебе!

– У него много забот...

– У него десятки кораблей, и ни один не назван твоим именем!

– Я не сержусь...

* * *

Когда владельцу торговых кораблей сказали, что его мать умерла, он не сразу понял и задал несусветно глупый вопрос: Почему?

– Она была уже стара.

– Разве? Я и не замечал... – Он вдруг как будто очнулся от глубокого сна. – Матушки больше нет?..

Рука Умид свисала с расшитого белыми и розовыми лилиями покрывала. Рядом на полу валялся вывалившийся из разжатой ладони гладкий черный камешек. Сын поцеловал непривычно холодную руку матери. Слезы стояли удушающим комом в горле, но не могли пробиться к глазам. Он так давно не плакал! Не было причин. А теперь уже не мог...

– Хозяин! – окликнул его остановившийся в дверях слуга. – Плохие вести: один из ваших кораблей затонул, весь товар пошел на дно. Люди едва спаслись. Их подобрала рыбаки.

Хозяин слушал, но не слышал. Он поднял с пола черный камешек, и тут вдруг увидел незнакомую женщину в шелковом платке, вышитом его матерью. Да, он узнал! Это те самые золотые кораблики, бегущие по бирюзовым волнам, для которых он подбирал нитки из плетеного коробка.

– Пришел твой черед взять в руки удачу своих сыновей, – сказала незнакомка. – Не разжимай ладони, не выпускай из рук этот камешек. Дела сыновей будут успешны, если ты, как Умид, отдашь им то, что было смыслом твоей жизни и приносило тебе радость. У тебя нет времени на раздумья – один корабль уже потерян.

– Я не верил матушке, мои дети будут насмехаться надо мной... – рассеянно проговорил сидящий сын Умид. – Неужели это правда?

– Это жизнь. Она как большая книга, в которой есть и печальные, и радостные страницы. К сожалению, ответы на самые важные вопросы записаны на последних страницах. Не рассчитывай на понимание сыновей. Просто отдай им свое счастье и крепко держи в руке этот камешек.

– Мне будет одиноко...

– Ничего не поделаешь – надо чем-то пожертвовать.

Каждый раз, провожая в путь корабли своих сыновей, прежний хозяин крепко сжимал в кулаке гладкий черный камешек и говорил им, что держит в руках их

удачу. Сыновья были снисходительны к неожиданной причуде отца, но считали это лукавством.

– Старик устал, ему стало трудно управлять делами. А признаться из гордости не может, – посмеивались сыновья. – Ну да ладно! Пусть отдыхает.

Гладкий черный камешек не отягощал руки отца. Тягостен был другой камень. Тот, что лежал на сердце. Теперь, когда сыновья все меньше виделись с ним, он чаще приходил на могилу Умид и подолгу рассказывал ей о дальних странах, о морях, кораблях и людях, обо всем, что увидел и узнал за всю свою жизнь. А черный камешек в его руке терпеливо дожидался нового хозяина.

ДРУГАЯ БОЛЬ

Шугра была еще крепкая и полнокровная волчица. Поэтому рождение у нее на сей раз единственного детеныша огорчало. Это могло означать только одно – последний. Двое ее волчат прошлого помета давно покинули семью и ушли за пять лун вверх по реке. Туда, где и лес гуще, и дичи больше, а крутые склоны – серьезная преграда для охотников.

Нежно облизывая и подталкивая своего ползунка к соскам, Шугра всякий раз тревожно обнюхивала подстилку вокруг себя, а после подолгу с изумлением разглядывала единственное чадо, усасывающее «до доньшка» то, что предназначалось, по меньшей мере, двоим. Отец-волк по два раза на дню приносил в логово некрупную дичь для Шугры, а потому молока для малыша было предостаточно. Кормясь за двоих и один получая всю материнскую заботу и ласку, волчонок Каюм подрастал очень быстро. Вскоре Шугра и сама стала выходить из пещерки, поохотиться, но старалась далеко не уходить, чтоб не оставлять детеныша надолго одного. Каюм был непоседливым и игривым, как все малыши. Мало ли чего придет ему на ум. А вдруг заползет или забредет куда не следует, скатится с валуна и покалечится? Отец-волк особого внимания малышу не уделял. Не его это забота. Он добытчик. Его дело – охота. Игре с детенышем он предпочитал отдых чуть поодаль от норы, в углублении под стволом поваленной пихты.

К осени Каюм подрос и окреп настолько, что мог безнаказанно укусить слишком уж заспавшегося родителя, чтоб напомнить ему о проголодавшемся сынке:

мать где-то запропастилась, а я есть хочу! Он понимал, что мать «запропастилась» скорее всего на неудачной охоте, но допустить возможность уснуть голодным не хотел. Что, если Шугра ничего не добудет? Вот пусть и папаша побегает. Оба принесут – еще лучше!

Осень в тот год пришла ранняя и холодная, а за ней и зима раньше срока. Так вот как, дав Шугре одного детеныша, природа предупреждала ее, что трудные времена грядут! Каюму зима совсем не понравилась. Когда мать рядом – голодно. Когда на охоте – холодно. Да и охота становилась все скуднее. Иногда даже приходилось довольствоваться парой зазевавшихся мышей, не успевших уйти в нору под снегом.

Беда пришла, как всегда, неожиданно. Пришла она в образе шатуна, однажды возникшего перед логовом и заревевшего, почуяв добычу. Мигом проснувшиеся волки, выскочив из норы и разойдясь на прыжок друг от друга, приняли позу «бой!». Расставив лапы, пригнув головы со вздыбленными холками, оскалившись и сверкая желто-зелеными зрачками, они зарычали, готовые к схватке. А шатун, почуяв в норе иное существо и сообразив, почему волки не убегают, попытался приблизиться к входу. Волкам ничего не оставалось, как самим броситься на шатуна первыми. Но медведь был хоть и немолодой, однако, еще довольно ловкий и сильный. Получив решительный отпор, он не на шутку разозлился и, набросившись на волка-отца, отшвырнул его от логова. На том не остановился и решил подмять волка. В мозгу у волка сработал сигнал, тот, что люди называют инстинктом.

– Защищайся и спасайся! – пронеслось в голове у самца, едва вскочившего на ноги, но успевшего увернуться от следующего удара и броситься наутек.

– Защищай и спасай! – промелькнуло в голове у волчицы-матери, нырнувшей в нору и прижавшей волчонка к дальней стене. К счастью, вход в логово был неширок, да к тому же защищен скальной породой, и медведь каждый раз с ревом одергивал укушенную волчицей лапу. А когда попытался протиснуться вглубь, просунув в нору голову, едва не лишился глаза. Наконец, поняв бессмысленность своих усилий, он отступил. Обойдя нору со всех сторон и не найдя изъяна в куске скалы, служившей ей стенами и потолком, медведь ушел, ревя от голода и боли. Вероятно, он сожалел, что не погнался за сбежавшим волком-отцом. Ведь тот был уже изрядно помят и мог бы стать его добычей.

Более суток не выходила Шугра из норы, так и не уснув. Она настороженно прислушивалась ко всем слабым звукам, доносившимся изредка снаружи. Время от времени приходилось легонько отталкивать Каюма, покусывающего ее за лапы. Таким образом, волчонок давал матери знать, что голоден. Но, порядком перепуганный, он и сам остерегался подползать близко к выходу. Да и мать была настороже. А уж как хотелось есть! Отец-то куда подевался? С концами, что ли, сбежал? Да-а, шансов оставаться голодным прибавилось...

Когда Шугра убедилась, что шатун покинул их территорию, она понемногу возобновила охоту. Став единственной добытчицей, Шугра вынуждена была чаще покидать нору, а подросшее чадо уже не довольствовалось сонными мышами и зазевавшимися белками. Но что делать бедной Шугре? Отправиться вместе с сы-

ном вверх по реке за пять лун, где больше дичи? Ведь не выдержит Каюм этой дороги. Прежде надо было думать, до заморозков. Да и шатун гуляет. Где схорониться, если повстречаешь? Сама – то Шугра выдюжила бы этот путь. Но за Каюма тревожно было.

Уставшая, так и не догнавшая беляка, Шугра придулилась к накрытому снегом пню и, тяжело дыша, прилегла. В этот миг забытый охотниками капкан сомкнул под снегом ржавую челюсть, вцепившись в бок волчицы. Шугра взвыла и, высоко подпрыгнув, увернулась, оставив в «пасти» незахлопнувшегося до конца капкана изрядный кусок покрытого шкурой мяса. Рана оказалась глубокой и кровоточащей. Шугра была опытной волчицей. Она понимала, что кровавый след может привести к логову нежеланных гостей, а потому, превозмогая адскую боль, охлаждая рану снегом, стала делать большие петли, до тех пор, пока кровь не перестала покрывать снег алыми пятнами.

Шугра добралась до норы, едва держась на ногах. Улеглась, запрокинув голову, с жалостью и тоской глядя на поскуливающего голодного Каюма. Обнюхав мать, волчонок стал слизывать прилипшую к шерсти заледеневшую кровь на материнском боку. Шугра была так обессиленна, что даже не смогла лизнуть сына в благодарность за заботу. Каюм лизал рану. Ей стало больно. А он все лизал и лизал. Тут-то ее и осенило: а ведь так малышу удастся унять голод! Вот и ладно! К утру она оправится, добудет какую-нибудь мышку-птичку. Все обойдется.

Но не обошлось... Шугра так и не смогла подняться. Видно, уводя след, она потеряла слишком много крови. Усиливающаяся тревога и голод отнимали по-

следние силы. Малыш голоден, а она не может его накормить и успокоить! Попыталась встать, но ноги не держали. Подползла к выходу. Острый камень в проходе норы задел рану. Шугра застонала от боли. Из раны снова засочилась кровь. Подскочивший Каюм стал ее слизывать. Шугра не противилась, хотя ей было очень больно. Это был выход. На время. На следующий день голод заставил-таки Каюма вылезти из норы. В поисках хоть какой-нибудь пищи он провел несколько часов, но так ничем и не поживился. Нерадивый он был ученик, плохо усвоил уроки охоты, которые давала ему мать. Больно уж холила и баловала Шугра свое единственное дитя.

Прошло еще несколько дней. Шугра, вконец обессиленная и отощавшая, лежала в глубине норы. Она не думала о себе. Она думала о сыне. Что будет с ним, когда она погибнет? Он умрет с голоду! Нет, этого нельзя допустить! Какая же она после этого мать? А Каюм, возвращаясь в нору «с пустыми руками», злой и голодный, временами пытался поднять мать, как прежде, покусывая ее за лапы. Но однажды, поняв, что уже не сможет ее поднять, так сильно укусил, что у Шугры потемнело в глазах.

– Прости, сынок! Но я уже не смогу... – с грустью говорил затуманенный взгляд волчицы. Шугра прикрыла глаза и подумала, что уснула. Ей приснились собственные глаза. Из них текли слезы. Как у людей. Но, капая, эти слезы превращались в кровь. После Шугре снова снились свои глаза. Они были как раны, из которых продолжали течь кровавые слезы.

Шугра с трудом разомкнула веки, почувствовав тяжесть на левом плече. Перед ней, положив правую

лапу на ее предплечье, стоял... ВОЛК! Он смотрел на Шугру пустыми холодными глазами.

– А ты вырос! – заметила Шугра. – Ну-ну, смелее, сынок. Так будет лучше. Я все равно уже не поднимусь, а тебе хватит на какое – то время. Смелее...

Было ли ей больно, когда крепкие зубы Каюма, душа, впились в горло Шугры? Наверное, да. Но это была другая боль...

ВЕРТЕП

По старому, виды выдавшему черно-белому телевизору шла предрождественская передача. Диктор комментировал сценку рождения Иисуса, которую разыгрывали переодетые ангелочками благополучные американские ребятишки.

– Буля, – разглядывая черно-белое изображение через цветные стеклышки, спросила семилетняя Берта, – а что такое «вертеп»?

«Буля» – это сокращенное от «бабуля». Так Берта называла свою бабушку, Венеру Андреевну, на попечении которой осталась после смерти мамы.

– Вертеп – это место, где родился святой младенец, то ли хлев, то ли пещера, – стараясь приладить соскочившую ножку бертиного пупса, ответила бабуля. Она тяжело вздохнула и добавила: «А где же еще могут родиться святые младенцы?..».

Бабушке Берты нет еще и пятидесяти, но выглядит она глубокой старухой. Уж потрепала ее судьбина, будь она неладна, и в хвост, и в гриву. Когда-то 18-летней красавицей умыкнул ее покойный муж, отпрыск добропорядочного шамхорского семейства из забытой богом мингрельской деревушки. Заплутав, забрел он туда в достославные годы активной дружбы между народами. Мингрелы – народ суровый, своенравный, но гостеприимный. Студента-альпиниста из соседней республики накормили, напоили, дали харчей на обратный путь. А прехорошенькая девушка, ловкая, как горная козочка, младшая дочка пастуха Андро, вызвалась показать Мураду самую короткую дорогу назад. Спускаясь по крутой каменистой тропинке, Мурад оступился и чуть не

упал в глубокую щель скалы. Но Венера, Нано, успела схватить его за ремень рюкзака и с такой силой рванула на себя, что они оба кубарем скатились к самому подножию холма, вцепившись друг в друга. Дальше так и шли, держась за руки и прислушиваясь с волнением и тревогой к странному стуку своих сердец. Через месяц, по договоренности, Нано и Мурад вновь встретились на горном серпантине. Там же, где он сел на попутную машину. Мурад подъехал туда на такси, а Нано стояла босая и ждала его с одной туфлей в левой руке и паспортом – в правой. Вторая туфля упала в щель скалы на том же самом месте, где недавно поскользнулся Мурад. Наверно, это был знак...

Шамхорская родня избранницу Мурада не приняла. Мингрельская же родня еще долго искала молодую парочку. Слава Богу, тщетно. Потому что, несмотря на законность их брака, у сородичей Нано были свои, очень жесткие правила на сей счет: инородцы, умыкнувшие девушку-мингрелку, обрекались на смерть неписанным дедовским законом горян.

Живя в столице, молодые часто меняли снимаемые квартиры, скрываясь от мстительной венериной родни. Дочка, Айша, родилась, когда Мураду и Нано было уже по 28 лет. К тому времени жили они, хоть и в тесноватой, но зато в своей однокомнатной квартире. По тем временам, «не кисло». Мурад работал на заводе «Азон». Венера устроилась нянечкой в детском саду, куда и дочурка ходила. Вроде бы наладилась жизнь. А самое главное, любили они друг друга. Ах, как любили! На зависть всем Меджнунам и Джульеттам. Но судьба не зря подложила на той горной тропинке камень, о который споткнулся Мурад, и где обронила туфельку Ве-

нера. Когда Айше было пять лет, Мурад получил тяжелую травму на заводе и через год, так и не оправившись, умер. С тех пор Венера жила с дочкой на свой небольшой заработок и скудную пенсию покойного мужа. И очень скоро седина покрыла чудесные черные кудри Нано, словно снег – мингрельские вершины...

Айша рассталась с мужем, когда Берта еще не родилась. Отец так никогда дочку и не увидел. Да и не стремился. А девчушка росла славная. Само очарование! Но беда, облюбовавшая семейство Венеры, вцепилась в ее жизнь острыми когтями. И кровь продолжала выступать из-под этих когтей...

Берте было шесть лет, когда Айшу сбил подвыпивший «сынок». Через несколько дней она скончалась в больнице. По злой иронии судьбы в день похорон Айши состоялась свадьба того «сынка», родители которого смогли «отмазать» его в суде, пообещав Венере позаботиться о девочке.

– Я даю Вам честное мужское слово! Мой сын виноват, знаю. Но разве Вам станет легче, если его посадят? Скоро назначена его свадьба, не пытайтесь ломать ему жизнь. А так я обещаю, что девочка будет учиться в лучшей школе, будет обеспечена, будет жить в достатке.

... «Сынку» дали условный срок и назначили выплату алиментов на содержание Берты – 130 000 манатов. Но плохо разбиравшаяся в законах Венера Андреевна так и не получила обещанного – ни алиментов для Берты, ни платной школы, ни прочего «достатка». Одинокой, стареющей, нищей женщине добиться справедливости в судах? Не смешите, а то расплачусь... По со-

вету соседей попыталась Венера Андреевна как-то вновь обратиться в суд.

– Господин судья, я не знаю законов и не умею говорить, как адвокат. Но я скажу вам по-простому, – глядя в упор на лоснящегося судью, – говорила Венера. – Только вы не смейтесь надо мной... Вы знаете, наверно, те Заповеди, что Бог дал Моисею. «Не убей, не укради, не солги»... Да и дальше. Ведь все это записано и в книгах, что перед Вами лежат. И ваш закон говорит, что убивать, красть, лжесвидетельствовать – это преступление. Выходит, решая человеческие судьбы, Вы берете на себя функции Бога. Так и решайте же побожески! В противном случае когда-нибудь обиженный и ожесточенный Вашим решением ребенок может снова стоять перед Вами, но уже в ином качестве – как преступник. Кто же будет тогда виноват?

Оживившееся поначалу лицо судьи вновь приняло скучающий и недовольный вид.

– Тогда и посмотрим, – безучастно ответил судья и объявил заседание закрытым.

С тех пор Венера Андреевна махнула рукой на судебные тяжбы, поняв, что на земной суд и суда нет.

* * *

Соседи на свои средства похоронили Венеру Андреевну. Долго не могли оторвать Берту от могилы бабушки. Тяжко было это видеть.

– Не убивайся так, дочка, – ласкала ее тетя Нубар. – Вставай, пойдем домой. Завтра, если хочешь, придешь. Тебе надо отдохнуть, поесть, выспаться...

– Чем давать ей такую красоту, лучше бы ты, господь, дал ей немного счастья, – прошептала Нубар, ути-

рая слезы. – И Венера, и Айша тоже красавицы были. А что им от той красоты? Одни беды... Не ропщу я, Господи, но пожалей же ты ребенка, дай и ей радости в этой жизни, освяти ее путь своим благословением. Жалко девушку. Такая красивая, как бы по рукам не пошла. Так много грязи кругом...

Никто не стал оформлять опеку и отдавать 17-летнюю девушку в детский дом. Соседи посоветовали ей взять двух студенток-квартиранток. На жизнь хватит. И школу бы не бросила. Жаль было бы, коли так. Ведь при всей их бедности, Берта хорошо училась, и покойная бабушка мечтала видеть ее студенткой.

Выйдя с кладбища, на девятый поминальный день, Берта долго бесцельно бродила по шумным улицам города, а затем направилась в сторону бульвара. Мир вокруг нее, несмотря на все звуки и краски, стал чужим и ненавистным. Как в тумане, переходя улицу, Берта чуть не угодила под колеса иномарки. Водитель, холеный мужчина лет тридцати, вылив на девушку ушат матерной брани, сорвался с места. Но, отъехав несколько метров, подал назад.

– Эй, ты что, не в себе? Садись, подвезу, – необычная красота Берты заинтересовала его. Сама не зная почему, девушка молча села на заднее сиденье. Водитель с интересом стал разглядывать ее в зеркало заднего обзора.

– Куда идешь? Подвезу, – уже спокойно спросил и подумал: «А ты кусочек!».

– Буля умерла... – Тихо, невпопад ответила Берта.

– Земля пухом! А кто такая Буля?

– Бабушка, – не смогла сдержать рыданий Берта.

– Ладно, ладно, успокойся. Куда везти тебя? А хочешь, прокачу, развеешься.

– Не хочу жить...

– Глупо! Надо смириться. Богу виднее. Не нам решать, когда жить, когда умирать. Вот, чуть не сшиб я тебя, а теперь подружился. Знаешь, я как будто видел тебя раньше.

Это не был «ход». Ему, действительно, показалось, что он ее где-то встречал. Он напрягал память, но не мог вспомнить. А девушка хороша!

– Вспомнил! Не о тебе будет сказано, вот так же однажды полезла ко мне под колеса одна дрянь. Какая-то, прости, потаскушка. Меня чуть не посадили тогда, да еще ее ублюдочному ребенку алименты плати! Не обижайся, на ту девку ты похожа.

Оцепенение сковало тело Берты. Она напряглась. Их взгляд встретился в зеркале.

– У тебя такие красивые глаза! Хм-м, вроде и не русская, вроде, и не еврейка. На азербайджанку тоже не особенно похожа. Не могу понять, какой ты национальности.

– Человеческой...

– Ну вот, обиделась. Ты очень красивая. Хочу понять, какой благословенный народ рождает эти чудесные самоцветы.

– Тот же, что и таких уродов, как ты, – с ненавистью подумала Берта. – Буля всегда все знала о Боге, но так ничего и не узнала о людях. При жизни она тебя не разыскала, а ее смерть нас свела. Это неспроста...

Что-то стало с ней происходить. Что-то страшное. Она не понимала, что именно. Ей казалось, тело покрывается черным панцирем, на голове вырастают страш-

ные гребни, руки превращаются в перепончатые крылья, а пальцы становятся жуткими когтями. Она уподобилась зловещему чудовищу с горящими глазами. Заигравший мелодию «Эдельвейс» сотовый телефон хозяина машины снял с нее оцепенение.

– Хорошо, солнышко мое, не забуду, – улыбаясь чьему-то голосу, отвечал водитель. – Обязательно куплю. – Это дочка, – пояснил он, – просит торт привезти в школу. У нее завтра день рождения.

– А у меня никогда не было торта в день рождения... – ненавидя и его дочь, подумала Берта.

Неожиданно для водителя, она сказала:

– А можно и мне сделать подарок Вашей дочке?

– Почему бы и нет? Только недорогой, откуда у тебя деньги? Хотя, – он хитро прищурился, – могу их тебе предложить...

– Нет, не дорогой. Но на всю жизнь, – заинтриговала его Берта. – Вы только подвезите меня до дома и чуть-чуть обождите. А потом мы с Вами куда-нибудь поедем. Действительно, надо развеяться, – добавила она, чтоб не спугнуть и заинтересовать своего спутника.

Берта вышла из машины на другом конце улицы и дворами побежала к своему дому. Влетев в кухню, она стала лихорадочно рыться в шкафчике, выбирая нож поострее.

– Так, значит, ты шлюху задавил?! Значит, дите у нее было ублюдочное?! – задыхаясь от ненависти, заводила себя Берта. Закипала и бурлила мингрельская кровь. Не спускать обидчику! – Вот и хорошо, что смертную казнь отменили. Для меня! Но не для тебя...

Наспех расчесав растрепавшиеся роскошные кудри, Берта выбежала из дому и, пролетев через дворы,

тем же путем вышла на улицу, где поджидал ее обреченный спутник. Она была как во сне. Чудовище рвалось наружу, распирая юное тело и разрывая нежную оболочку израненной души.

– Можно, я сяду рядом? – натужно улыбнулась девушка.

Водитель учтиво открыл переднюю дверцу. Глаза его сладострастно сверкали. Он уже представлял минуты блаженства, когда это юное очарование подарит ему свою «любовь». Ах, да, подарок!

– Ну, где же твой подарок? – весело спросил он. – Да и имя твое пора узнать.

Ответ был молниеносный. Берта, не дав шанса увернуться, полоснула его ножом по сонной артерии. Водитель иномарки даже не успел понять, что произошло. В одно мгновение машина была залита кровью, хлеставшей из-под ладони, которую он прижал к горлу. Поздно!

– А зовут меня Берта, – злобно проскрипела зубами девушка, – и это – мой подарок твоему ублюдочному ребеночку!

* * *

Зачитывая приговор, судья не отрывал глаз от листа. Берта получила по полной катушке. Она сидела в зарешеченном закутке, выглядела очень спокойной и умиротворенной. Временами она бросала довольный взгляд на родственников убиенного. Это была уже не та ласковая, добрая красавица Берта. Ожесточенный зверек превратился в злобное чудовище.

– Вертеп, а не суд, – сочувственно промолвила тетья Нубар, глядя на клеть с подсудимой.

– Значит, вертеп, – это не только то место, где святые младенцы рождаются, – вспомнила Берта слова Були. – Сегодня в вертепе умер святой младенец...

КЛЮЧ К СЧАСТЬЮ

Боже, как не хотелось вставать! Не хотелось ехать в аэропорт встречать семипудовую тетю Басю, как называла мама свою сестру Бясти. Он от души проклял бы ненавистный рейс, если б не безвинные жизни остальных сотни пассажиров. Мехти уже знал наперед: день сегодня будет катастрофически неудачным. На лестничной площадке его обязательно встретит соседка с пустым ведром, затем ее же черный кот перебежит дорогу по пути в гараж. Этот проклятый кот будто несет вахту на его пути и специально поджидает, чтобы испортить и без того плохое настроение. Однажды Мехти даже решил проверить. Кот сидел у скамейки, когда Мехти подходил к гаражу. Увидев Мехти, кот встал. Мехти остановился – кот снова сел. Мехти сделал шаг вперед – кот приподнялся. Так продолжалось пару минут. Тогда он решил перехитрить кота и повернул назад. Так этот дьявол обогнал его и перешел дорогу у подъезда! Чтоб тебя КАМАЗ переехал, порок земной фауны! Наверняка, он и сейчас поджидает, смакуя блаженную минуту кошачьей пакости. А потом, как и положено, случится поломка в автомобиле. Далее оштрафует ГАИ, оторвется ручка у тяжеленного саквояжа тети Баси и его придется нести в охапке. Но хуже всего эти аханья, оханья, лобзания и сюсюканья при встрече, и рассказы всю обратную дорогу о «хороших девочках», которых она присмотрела для него. «Хорошие девочки» окажутся, в итоге, либо прыщавыми перестарками семи пядей во лбу, либо глупыми, как пробки, сибаритками с «Диролом» во рту вместо языка. Сценарий всего дня он знал наперед, события прогнозировал со-

гласно опыта.

– Ну, вот и началось, – подумал Мехти, поцарапавшись хваленым «Жилеттом».

Мама хлопотала на кухне, готовясь к приезду сестры и попросила его самому нарезать хлеб. «Сейчас порежусь!» – только успел подумать и сразу же порезался. Похоже, что он даже огорчился бы, если его дурные предположения не сбылись.

По пути в гараж, встретив черную бестию, Мехти злорадно улыбнувшись, сделал ему знак перейти дорогу – кот перешел. Как и следовало ожидать, окончательно сел аккумулятор. Мехти заменил его. Бензин был почти на «нуле», но Мехти решил дотянуть до заправки. И зря! Не доезжая до моста, машина заглохла. Пришлось прибегнуть к взаимовыручке водителей и выпросить литр горючего у владельца белой «семерки». Злополучный рейс несколько задерживался. А когда с трапа спустилась тетя Бася, Мехти заметил, что к ее семи пудам прибавился еще пяток килограммов. После распитых, как по уставу, объятий, чмоканий и восторгов по поводу «как ты возмужал!» и получив багаж, груженный до зубов сумками и чемоданами, Мехти помог тете Басе внедриться в автомобиль, отчего тот сел на заднее правое.

– Мехти, птенчик, а можно мы подвезем мою попутчицу? Нам по дороге. Такая милая девушка!

Ну, вот еще чемоданы какой-то пигалицы таскать! Растянув губы в оскале, который должен был изображать улыбку, он ответил: «Конечно, подвезем, тетя! Хоть куда, хоть на край света, да хоть на край того света!»

– Мехтиша, как ты можешь такое говорить? Ты же

воспитанный мальчик. Я так тебя расхваливала всю дорогу. Не груби, птенчик.

– Я уже давно не мальчик, и тем более не птенчик, дорогая тетя Бася. Я не нуждаюсь в положительной оценке пассажиров этого рейса. Я подвезу ее из жалости!

Вряд ли милостивая девушка, получавшая свой багаж, слышала их разговор. Иначе она попросту отказалась бы от услуги хамоватого молодого человека. Когда Мехти ухватился за ручку ее единственной дорожной сумки, она... оторвалась. Вознеся глаза к небу, Мехти громко произнес: «А ты все тот же весельчак, господи!» С этими словами он, перекинув висящую на одной ручке сумку через плечо, сгреб в охапку девушку и понес ее к выходу на руках. Люди удивленно оглядывались на них, а девушка, не сообразившая, что происходит, заверещала.

– Не пищи, а то уроню!

Подойдя к машине, Мехти опустил девушку на землю, открыл дверцу, усадил ее, положил сумку на колени хозяйке, почти закрыв ей передний обзор. Вновь вознеся глаза к небу, он сказал: «Ты меня разочаруешь, босс, если я доеду живым!» Тетя Бася, изумленно разинув пухлый ротик, наблюдала за племянником. А потом, рассмеявшись, обратилась к попутчице: «Видишь, милочка, я же говорила, какой у меня замечательный племянник! Такой выдумщик, и настоящий рыцарь!»

Поскольку лифт не работал (!!!), Мехти пришлось дотащить сумку Зули, как звали девушку, до самых ее дверей, на шестой этаж.

Когда Мехти ставил машину в гараж, он обнаружил на переднем сиденье, где три часа назад сидела те-

тина попутчица, какие-то ключи. Вероятно, девушка их обронила. Неужели она так и стоит за дверью? Нет, это не жизнь – завтра же повешусь! Хотя, лучше, послезавтра, завтра – встреча с деловыми партнерами.

Вновь выгнав машину, Мехти вернулся к дому Зули. Лифт, к его удивлению, работал. Поднялся и постучал в дверь. Девушка открыла сразу.

– Мне так неловко! Сколько я Вам доставила хлопот. Как я могла обронить ключ? Знаете, пришлось вызывать слесаря и взломать замок, – щебетала она. А Мехти стоял на пороге, держа в вытянутой руке ключи и не сводя замороженного взгляда с девушки. Бог мой, а он и не заметил, какая она красавица!

Ангел, спустившийся с небес! А и впрямь – с небес! Не смея перебивать ее, Мехти мысленно искал повода, чтобы задержаться, но его не потребовалось. Девушка сама предложила ему пройти и выпить стаканчик чаю. Зуля сделала это предложение скорее из вежливости, но Мехти не отказался.

– Боже, а как же неудачное утро, поломка, и черный кот? А как же порезанный палец и оторванная ручка саквояжа? – думал он, глядя на эти лучистые глаза, опущенные густыми ресницами, на шелковистые черные кудри, длинные тонкие пальцы, на губки-черешенки, от которых помутился разум. Забыв все приличие, мать и тетку, ждущих его к обеду, Мехти провел в доме Зули весь вечер и, уходя, впервые в жизни пасуя перед женщиной, предложил куда-нибудь сходить, по ее выбору. Зуля не стала ломаться и притворяться, что ей этого не хочется, и приняла предложение. Ей тоже очень понравился молодой человек, в первый же день их знакомства пронесший ее на руках через

здание аэропорта. Так и стали они встречаться. А через несколько месяцев Мехти вновь встречал тетю Басю, которая приехала на его свадьбу с Зулей. На этот раз он примчался в аэропорт с огромным букетом и назвал тетю Басю, к ее великой радости, лучшей в мире тетей.

И, осыпая поцелуями и комплиментами, даже не заметил еще полпудика прибавки к ее весу.

– Тебя не узнать, птенчик. Ах, что любовь делает! Я так за тебя рада, так рада! – сияла тетя Бася. – А помнишь, ты не хотел ее подвозить, пигалицей назвал?

– Помню, помню, тетечка Басюнечка, дурак был, да буду я жертвой твоего саквояжа, у которого вечно отрываются ручки! Ты самая чудесная, самая красивая, самая мудрая тетя в мире!

Тетя Бася всхлипнула от нахлынувших чувств.

Мехти уже не остерегается черных котов, перебегающих дорогу, спущенных камер и оторванных ручек. Он теперь твердо знает, что самый плохо начавшийся день может завершиться удачей. А Судьба делает подарки не тогда, когда мы их ждем, а когда ей самой это угодно. И Мехти благодарен судьбе за то, что она посадила Зулю в один самолет с тетей Басей и позволила ей обронить ключ в его машине. Это был ключ к их счастью.

НЕПОДДАВШИЙСЯ

– Хрюк... – внезапно поперхнулся долгим многозвучным храпом сосед за стеной. Это, должно быть, жена лягнула его пяткой в бок. Скорее всего так. Потому что, через пять–десять минут все повторится снова: муж захрапит, а когда храп начнет усиливаться по возрастающей, вдруг неожиданно оборвется на самой сложной для восприятия музыкальной фразе. И так до утра. Да отвалятся уши у придумавшего панельные дома! Хорошо, что у жены соседа сегодня чуткий сон. А какую какофонию приходится выслушивать Сафару, когда они храпят дуэтом! Здесь и львиный рык, и пение жаворонка, мычание стельной коровы, и ржание жеребца, рвущегося к яловой кобыле!

Было около трех часов ночи. Лифт остановился этажом выше. И с порога началось.

– Ты же должен был вернуться к шести! – берет приступом соседка наверху. Ее муж, летчик, часто возвращается из рейса так поздно. Но «приветственный» текст жены за годы остался почти неизменен.

– Рейс был задержан. Туман. Ты же звонила. Знаешь, – устало отвечает муж, – дай хоть раздеться! Нет, ничего не хочу. Спать хочу! У меня меньше суток времени. Завтра ночью Сеида нужно подменить. Заболел.

– Ну, конечно, – продолжается разговор уже в спальне. – Завтра Сеида подменить, потом еще кого-нибудь. Жену тебе еще никто не подменил? Долго мне еще твою спину разглядывать?

– Азиза, я устал! Спать хочу! Умоляю, у меня всего пара часов на отдых! – взмолился муж.

– Спи, спи, самолетная начинка! Зачем тебе жена?

Там тебе твоя Светка-стюардесса и «ремень пристегнет», и «автопилот включит», и фигуры высшего пилотажа покажет.

– Не ори, соседей разбудишь! Утром поговорим, дай поспать!

– От утренних разговоров дети не рождаются, – начинает поскуливать Азиза. – Все родственники уже шепчутся за моей спиной. Тетя Тамара говорит...

– В гробу видал я твою тетю Тамару! Дай поспать!

Сафар, улыбаясь, раскурил сигарету у окна. Он посмотрел на электронные часы. Было уже около половины пятого. Через час проснется младенец в квартире этажом ниже, и пока нерасторопная молодая мама приготовит ему молочную смесь, будет вопить в полное горло, вызывая негодование своего новоиспеченного папаши.

– Каторга, блин! Ты не можешь приготовить эту бурду чуть раньше? – как обычно, недовольно рявкнет он.

– Сам один раз встань и приготовь! Я тоже, блин, спать хочу, – заворчит в ответ жена.

Пока они будут пререкаться, обмениваясь «блинами», младенец перейдет на истерическое закатывание. Уже не уснуть. Сафар докуривал вторую сигарету, вглядываясь в предрассветный туман. Нет, он тысячу раз прав, что до сих пор не поддался на бесконечные уговоры родственников, подбивающих его жениться. Наблюдая эти яркие иллюстрации чужого «семейного счастья», он думал о том, каким счастьем сочли бы его соседи-мужья простую возможность выспаться. Так и встретил он утро у окна, с сигаретой. А утром все из того же окна наблюдал, как соседка, что живет за стеной,

улыбаясь, машет рукой мужу-храпуну, провожая его на работу. Через час молодожены с нижнего этажа будут весело катить колясочку, выгуливая свой «ночной кошмарик». Чуть позже сосед-летчик выйдет под руку со своей благоверной. Она будет выглядеть довольной и счастливой, потому что подозрения тети Тамары окажутся несправедливыми, а опасения родни напрасными, и, выспавшийся после рейса муж, исполнит-таки «мертвую петлю» над ушедшей в «глубокий штопор» женой.

Чайник на плите долго булькал, свистел, шипел и, не дождавшись хозяина, выкипел. Надо было уходить, а выстиранные с вечера рубашки еще не были выглажены. Холодильник был почти пуст, но он уже не успеет сходить в магазин. Значит, останется без завтрака. Да и пообедать придется «на ходу».

– Ну, и что с того? Зато никто не пилит, не ворчит, не тянет душу своим вечным недовольством. Никто не вопит по ночам, требуя сменить вздувшийся памперс, и не просит каши по ночам! Могу спать когда угодно и сколько угодно, – думает Сафар, наблюдая за соседями, стоя у окна с сигаретой, да так и не уснув до утра. – Однако...

БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА

Белая крыса Маргоша лениво прохаживалась по своей просторной новой клетке. Она подергивала розовым рыльцем, изучая запахи и не обращая внимания на фарфоровую мисочку с отборными зернами, сдобренными салом. Сыта была. Тонкие прутья клетки сливались в подслеповатом зрении альбиноски в легкую дымку. Казалось, их и нет вовсе, да не удрать. Но такой замкнутый, уютный и сытый мирок Маргошу вполне устраивал. Тем более, что другого она и не знала. Хозяйка Маргошу любила и холила.

– Красавица, – ласково приговаривала хозяйка, беря ее в ладоши и поднося к своему лицу. – Голубка моя!

Маргоша обнюхивала хозяйский нос, довольно шевеля голым хвостом и суча чистыми теплыми лапками. Ей нравился запах хозяйки. К тому же он всегда сопровождался свежими зернами или сладкими витаминками. Предшественницы Маргоши, две белые мышки, благополучно скончались от старости и были похоронены в саду, между розовыми кустами. У Маргоши, как у всех альбиносов, было плохое зрение, и сад виделся ей большим цветным пятном. С подоконника, где в теплые дни стояла клетка Маргоши, открывался другой, чужой и непонятный мир.

– Там лежат наши милые крошки, – печально говорила хозяйка, указывая пальцем на желто-зеленое пятно розовых кустов. Она вздыхала и продолжала: – Бедняжки! Мне так их недостает!

– Какие же они бедняжки? – с возмущением думала старая пегая крыса, наблюдая за этими сценами из-за

ветхого комода. – Без забот и страхов прожили беспечную жизнь и счастливо почили в старости! Не то, что их серая родня. Вот и этой ватной сардельке подфартило. Ни ума, ни смекалки, а живет, как сыр в масле катается! Зато нас травят и травят! А за что? И нам ведь жить хочется. А как орут, когда увидят! Неужто мы страшнее этих белых игольниц? Что, не вышли рылом? Так и мы гладкими да холеными стали бы при той жизни, что этим «сестричкам» досталась. Разве это справедливо? Одним крысам специальный корм с витаминами закупают, другим – специальный корм с отравой. Иногда он мясом пахнет. Но не дура же я, чтоб его есть! Вот Маргоша твоя поверила бы и слопала. Ей нет резона в хозяйской доброте и щедрости сомневаться. А я, хоть и не белая, зато умная, – заводила себя пегая крыса. Зависть, обида, голод, страх и месть смешались в душе пегой крысы, как составляющие таких привлекательных с виду отравленных кусочков, которые выкладывались для нее в чулане в качестве «угощения».

– Ты думаешь, хозяйка тебя любит? – тихонько спросила она по-крысиному, топорща желтые усы, у Маргоши. Та тоже не спала по ночам. Ведь, что белая, что пегая, крыса, по сути, крысой и остается. Есть рычажки, которые природа не выключает даже для белых крыс.

– Притворяется она! – продолжала пегая крыса свой монолог, вперив черные глаза в глуповатые зрачки Маргоши. – Люди вообще притворщики и коварные создания. Если любит, почему держит в клетке? А чем она тебя кормит? Фи! Зерно с запахом сала! Ой, уморила! А мне, вот, разрешает жить, где хочу, кормит мясом и овощами. Смотри, – показала пегая крыса Маргоше

пакетик из-под отравленных мясных кусочков. – Хочешь попробовать? Чуешь, как пахнет? Блаженство!

Маргоша таращила в темноту розовые глазки, дергала влажным рыльцем и удивлялась чувству голода, которого никогда прежде так остро не испытывала. Фарфоровая мисочка, полная витаминизированных жирных зерен, оставалась нетронутой. Но ей вдруг ужасно захотелось тех мясных и овощных крошек, аромат которых исходил из пакетика пегой крысы.

– Не суетись, я дам тебе попробовать. Завтра. Сегодня они уже закончились. А завтра хозяйка купит свеженьких. Обязательно угощу тебя. Родня, как-никак. Да и жаль тебя, бедолагу. Вот так, всю жизнь в клетке! Какая жестокость!

На следующий день хозяйка не могла понять, что происходит с ее любимицей: от еды отказывается, соломку раскидала, мечется, как угорелая, из угла в угол. Даже пытается грызть стальные прутья клетки. Неужто захворала?

– Что с тобой, Маргоша? – обеспокоено вопрошала хозяйка. – Не заболела ли ты, милая?

Она попыталась взять Маргошу в руки, но та вдруг укусила ее за палец.

– Ай! – ужаснулась хозяйка неожиданной выходке Маргоши. – Кажется, ты, действительно, больна. Зря я не послушалась доктора и не сделала тебе прививку в прошлый раз. Но ничего, моя лапонька, сейчас мы тебя подлечим.

С этими словами она достала из картонной коробочки крошечный пластиковый флакончик с насаженной иглой и, крепко прижав свою любимицу к полу клетки, сделала ей инъекцию.

– Вот и все! – удовлетворенно сказала хозяйка. – Скоро–скоро наша снежиночка поправится и не будет больше кусать свою мамочку.

Ночью пегая крыса, осторожно подкравшись к Маргошиной клетке, внезапно возникнув из темноты, снова продолжила свой монолог.

– Убедилась? Видишь, как она тебя любит? За что иглу всадила? Разве ты больна? Им, людям, просто необходимо над кем-нибудь измываться! Правда, мне грех жаловаться, но за тебя обидно. Не горюй! Вот, принесла я тебе кое-что вкусненькое. Угощайся, – забросила пегая крыса в клетку Маргоши несколько крошечных кусочков отравленного мяса. Маргоша с жадностью набросилась на них, мгновенно слопала и с мольбой в глазах просила еще. Надо же, как вкусно!

– Думаю, тебе хватит, – ухмыльнулась пегая крыса и исчезла так же внезапно, как и появилась, растворившись в темноте.

Утром хозяйка долго охала и ахала над трупиком Маргоши, не понимая, что могло стать причиной ее гибели. Затем Маргоша была похоронена между розовыми кустами, рядом с белыми мышками.

Очень скоро в пустующей клетке Маргоши появилась новая хозяйка – морская свинка Эмма.

– Ничего-ничего, – думала старая пегая крыса, глядя на глупую морду жирненькой рыжей твари, – и с тобой поговорим. По-родственному. Как грызун с грызуном.

СИНЯЯ БОРОДА

Двадцать пар стройных ножек по всему периметру длинного, нежного тела сводили с ума песчаного скорпиона, когда юная сороконожка пробежала мимо норки, бросая в его сторону игривый взгляд прозрачных розовых глазок. Она была похожа на воздушную кружевную салфетку, что колыхается на ветру. А ее переливчатая спинка искрилась на солнце, как янтарное ожерелье.

– Как она прекрасна! – думал скорпион, провожая ее влюбленными глазами и с трудом сдерживая напряжение в ядовитой петельке хвоста. – Само совершенство! Ни одна бабочка в мире не согдилась бы и в подметки каждого из сорока ее башмачков. О, какое счастье, что она их не носит! Прятать такую красоту в грубой обуви, разве это не преступление?

И вот, набравшись с духом и предварительно скушав для храбрости перебродившую винную ягоду, скорпион преградил, наконец, путь янтарной сороконожке.

– Выходи за меня, красавица! Я буду устилать незабудками землю под твоими славными ножками и сдувать с них пыль, о, богиня грез моих.

Сороконожка сначала опешила. Не ожидала она, что скорпион способен на такое романтическое признание. Теперь он не казался уже таким зловещим и не симпатичным. И даже наоборот: а ведь он по-своему хорош!

– Ты предлагаешь мне стать твоей женой? Я согласна. Но могу ли я просить свадебный подарок?..

– Проси, чаровница!

– Как хотелось бы мне иметь туфельки, сшитые из крыльев голубых стрекоз!

– М-м-м... Так ведь их должно быть двадцать пар... Зачем они тебе? Твои ножки так хороши!

– Я хочу! – топнула сороконожка правой дюжиной ножек и надула губки. – Иначе не стану твоей женой!

– Не станешь женой – станешь добычей, – холодно произнес скорпион и тотчас сожрал кокетливую сороконожку.

Все произошло так молниеносно, что бедная сороконожка и ахнуть не успела. А скорпион, собрав клешнями соломинки ее ножек в кучу, улегся спать на ней, прикрыв сверху ножки–соломинки фиолетовым крылышком глупой бабочки, отвергнувшей его любовь прошлым летом. Скажите пожалуйста, отказалась жить в его норке! Цветочную поляну запросила! Он отшвырнул клешней покореженную половинку надкрылка божьей коровки. Да-а, пора навести порядок в норе... Помнится, та божья коровка, хоть и попроще была, а туда же – подарок к свадьбе подавай. Какие-то конфетки. Все вспоминала дурацкий стишок: «Там твои детки кушают конфетки». А сама так и не смогла толком объяснить, что это такое. Жаль. Хозяйкой в норе была бы отменной.

Гусеница жеманно выгнула желтую спинку с пурпурным пятнышком, когда песчаный скорпион, от которого исходил едва уловимый запах перебродившей винной ягоды, преградил ей путь.

– Согласна ли ты стать моей женой, несравненная? Это пурпурное пятно на твоей спинке похоже на мое сердце, которое ты уносишь с собой, каждый раз удаляясь от моего порога!

У гусеницы голова пошла кругом от таких слов. Ах, как он мил, этот таинственный скорпион! Так красиво говорит, а глаза прячет. Смущается, наверное.

– Я согласна, согласна! Но я хотела бы получить подарок к свадьбе. Серебряный поясok. Я слышала, земляные паучки ткут такие.

– .....

– .....

ПОСЛЕДНЕЕ ЯЙЦО КУРОЧКИ РЯБЫ

Та-ак, еще одно... Ну, погоди, курвочка Ряба, отправлю я твои ляжки на «стратегический запас»! – косясь на клеть с павлинами, возмущался петух, когда курочка Ряба снесла еще одно золотое яичко. – И что теперь ты скажешь, вертихвостка вислозада? В прошлый раз повезло тебе, что мышь золотое яйцо разбила, и не успела ты его высидеть. Но уж это сам стеречь буду! Поглядим, какой лебедь из него вылупится!

Курочка Ряба, тем временем, вертела невинными карими глазками-бусинками и безрезультатно пыталась пробиться к золотому яичку сквозь кордон распластаных крыльев разъяренного петуха. Он отшвыривал бедную курочку, поддавая когтистыми лапами, украшенными острыми шпорами. Курочка, жалобно кудахча, встряхивала перышки и вытягивала шею, ища поддержки обитателей птичьего двора. Но не тут-то было! Пернатая родня, дальняя и ближняя, уже стекалась в полукруг, предвкушая грядущее зрелище и строя домыслы и предположения. Все ждали развязки. Больше всех закручивающаяся интрига волновала индюков. Вся эта в перспективе снесь и содержимое кастрюль и подушек вовсе не была заинтересована в благополучном исходе.

– А как же! Доколе эта невзрачная несушка будет так незаслуженно обласкана? Не многовато ли почета этой кривоногой квочке за то, что изредка несет блестящие яйца? Еще проверить надо, золотые ли, – перекрякивались и перехрюкивались Рябины соседи, не испытывая ни малейшего сочувствия к бедной курочке.

– Мои индейки яйца несут втрое крупнее этой воробьи, а их одну за другой на кухню отправляют, – ворчал черный индюк, раскрыв веером полосатый хвост и тряся красным кожистым отростком клюва.

– А помните серую гусыню, что яйца несла с двумя желтками? Так и ее под рождество, в том году, яблоками набили до зоба, – укоризненно качала головой жирная индоутка и с обидой добавляла: – Кому на этот раз жребий выпадет? Измаялись в страхе...

– погоди, погоди, придет чучельник по твою душу! – крутил петух рыжим глазом, глядя на клеть с павлинами. – Будешь чужих кур топтать, коромысло хвостоглазое!

Павлин же, надменно выгнув переливчатую шею, важно прохаживался по просторной клетке, не обращая внимания на гвалт и гогот птичьего двора. Его гарем из полудюжины павлинок высиживал в закутках клетки свои серо-бурые яйца. Надо сказать, среди них не было ни одного золотого. Но это никого не удивляло. Интрига вокруг золотого яичка курочки Рябы набирала обороты. Несла бы себе обычные яйца – так нет же, угораздило ее отличиться! Так ей и надо, пусть знает свое место!

Две недели, лишенная возможности высиживать драгоценное яичко, курочка Ряба уныло кудахтала неподалеку. А яйцо, лишенное Рябиного тепла, блекло и тускнело. Так из него ничего и не вылупилось...

С тех пор курочка Ряба, подавленная общественным мнением, перестала нести золотые яйца. И очень скоро мелковатую и непородистую курочку ощипали и отправили на кухню... Зато обитатели птичьего двора были удовлетворены, и жизнь здесь потекла своим чередом. Без разнообразия и чудес.

В ПОМОЩЬ ШЕКСПИРУ

Жил-был заморский принц Гамлет. Не заладилась жизнь в родном королевстве, и отправился он в чужедальние страны счастья искать. Шел-шел и набрел на камень, что на распутье трех дорог стоял, вполовину в землю ушедший. Видать, давно поставлен был. Подошел Гамлет поближе, стал читать надпись на камне:

*«Направо пойдешь – коня потеряешь,
Прямо пойдешь – жизни лишишься,
Налево пойдешь – жену найдешь».*

А для пушей наглядности рядом череп лежал да ржавая подкова. Почесал Гамлет небритый подбородок и думает:

– Коня у меня и так нет. Ежели жена мне надобна была, так на полоумной Офелии женился. Зря бы батьку ее не порешил. А жизни уже и не жалко. – Подобрал череп и говорит: – А-а, и ты здесь, Йорик? Ну, так быть или не быть?

Но череп давно уж на распутье валялся, почернел весь от сырости и замшел. Один только песок из него посыпался. Видно, оттого и не ответил Гамлету – срок годности истек.

– Опять молчишь? – усмехнулся заморский принц. – Все шутовской башкой прикидываешься, а сам вперед меня здесь оказался. Ну, не хочешь отвечать, и не надо! – подбросил принц Гамлет черепушку, поддел ногой, и покатилась та, ударяясь о кочки да камешки, и гремя, как пустой горшок. Вдруг, слышит, голос тихий раздастся со старого дуба, что у дороги стоит.

– Верно рассудил, цесаревич! Кто же той дорогой пойдет, где его смерть ждет? С подвохом надпись-то. У местного государя дочки в девках засиделись, так он на всех дорогах подметные валуны зарыть приказал. Иногда срабатывало. Трех всучил уже не больно смекалистым.

– Ты кто? Чего прячешься, попугать меня решил? Так я не из пугливых. И родней коварной пуганный, и тенью батьки убиенного. Мне все по-боку!

– Сюда глянь, – захлопал крыльями ворон, что на ветке тысячетлетнего дуба сидел. – Это я с тобой говорю. Занял ты меня, друг заморский. Хочу тебе добрую службу сослужить.

– С чего бы это? Не верю я в бескорыстные советы. Вот и на валуне, сам говоришь, совет не без хитрого умысла.

– Как знаешь, тебе решать! Мое дело – присоветовать, – сверкнул агатовым глазом ворон и обиженно отвернул голову.

– Ладно, не сердись. Чего мне терять? И так давно уж добра не чаю.

– Еще бы! У шутовской черепушки совета спрашиваешь, а мудрого ворона послушать гнушаешься... Все гордыня ваша, королевичи, помеха. А кабы слушались кого надо, не шлялись бы по дорогам и весям, как голь перекатная. Сидели бы на тронах своих и шлепали царские печати на казенные бумажки! И ты ведь прежде жил не тужил. Угораздило же правду искать! А кто ее доселе доискался?

– Будет тебе ворчать! Видно, давненько поговорить не с кем было.

– И то верно! Но ты не думай, что я с каждым беседы беседую. Знаешь, сколько разбойного да бродячего люда повидал? Не меряно! Вот и тем князькам, что тут до тебя стояли, верного пути не указал. Маются теперь с царскими дочками по гроб жизни. Прямой дорогой иди!

Сказал так ворон, взмахнул крыльями, и сам первый в ту сторону полетел.

Как ступил принц Гамлет на указанную вороном тропу, так вдруг и оказался в родном Датском королевстве.

– Вот тебе раз! – подумал Гамлет, озираясь на царедворцев. – Шел от них за тридевять земель, и все зря! А все от птичьего ума!

– А при чем здесь я? – вдруг слышит тихий голос из-за трона, где его дядька-душегуб сидел. – Ты и сам тот путь первый заметил. Судьба это, а от нее не убежишь! Чуть было не подставил Шекспирушку. Бейся, давай, со своим Лаэртом! И нечего было в чужих краях лучшей доли искать, немчура! И своих дураков на наших дорогах поверх меры.

– Все-таки загадочная эта страна Гиперборейская! – успел подумать принц Гамлет, прежде чем поддел его отравленной шпагой дружок бывший.

ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ?..

Короче, бал в самом разгаре. Часы бьют двенадцать. Золушка соскакивает. Принц за ней. Но, разумеется, не догоняет. Подбирает хрустальную туфельку.

– Ах, что то? Туфелька! – с сердечной печалью в глазах грустно произносит он. – Милая незнакомка, с какой радостью я прикоснулся б губами к вашей очаровательной ножке, носившей эту крошечную туфельку! Она так мала, что трудно представить величину самой ножки. Уместилась бы в моей ладони!

Принц прижал к губам хрустальный башмачок и глубоко вздохнул. Он понял, что вновь упустил таинственную незнакомку и медленно опустился на ступеньки. Так и сидел Принц на ступеньках мраморной лестницы, осыпая поцелуями и орошая слезами туфельку. В двенадцать сорок на лестницу вышел Король-родитель, обеспокоенный долгим отсутствием престолонаследника. Увидев сидящего на ступеньках опечаленного Принца, Король закатил глаза к небу и покачал головой.

– Ну опять упустил, увалень? И сколько еще балов я должен устроить, чтоб отловить эту девицу? Ты что, разорить меня хочешь? Нет, с меня хватит! Плясал с ней весь вечер – ни имени, ни адреса не спросил. Олух! И на кого я королевство оставлю! Решено: завтра же высылаю сватов к этому басурману Аладдину. Дочка у него, говорят, дивной красоты принцесса. Правда, никто ее не видел... Сам знаешь, какие в тех краях порядки. Но это уже неважно. Ты бы поучился у своего будущего тестюшки: кем был? Голь перекатнал! Всего-то добра – ржавый фонарь! И весь мир у его ног... Кстати, слышал

я, что и остальные его сорок жен дочерей имеют, не всех еще замуж поывадали. Так что, выбор есть.

Но Принц, казалось, не слышал родителя. Он что-то шептал, прижимая к покрасневшим от слез глазам хрустальную туфельку.

– Отец, – наконец выговорил он сдавленным голосом. Слова давались ему с трудом, слезы мешали говорить, – я прошу Вас, устройте еще один бал. Последний... Очень прошу!.. Она обязательно приедет. Обещаю, что на этот раз не упусти ее. А если... если... опять не удастся (тут Принц поперхнулся слезами), я последую Вашему решению...

У Короля защемило сердце: кажется его переросток, действительно, влюбился. Но нелегка царская доля. Если все венценосные чада будут бракосочетаться по любви... Нет, на то он и Король, что обязан ставить интересы королевства выше личных. Не женись он сам в свое время на девяносто шестой сестре Могольского Правителя, давно б его королевство Орда конями затоптала. А так, слава Богу, все обошлось: и приданое получил не копеечное, и союзника на зависть соседним государствам. Грех такой «радости» радоваться, но оно и хорошо, что супруга родами померла. Принц без матушки рос, до сих пор не ведает, что сам наполовину кильминдейского племени. Чудно, право: как кровь себя кажет – Принц в 16 годов о сорока двух вершках и семи пудах. Любимое занятие – казни и пытки наблюдать, весь в дядьку-лиходея. А после стишки сочиняет про страдания и муки предаваемых казни. Мастерски, надо признать, сочиняет. Царедворцы слезами умываются. Склонен Принц к восточным сентиментам... А может быть, стоит рассказать ему о матушке-то? Чай,

удастся тогда уговорить на аладдиновой дочке жениться?..

– Ты вот что, сынок, – опустился Король на ступеньки, сел рядом с сыном, снял и положил корону на колени, вытер лоб кружевным платочком, – послушайся моего отеческого слова. Я ведь пуще тебя самого тебе счастья желаю. Но, поверь, счастье так многолико! Сегодня оно тебе в таинственной незнакомке видится. Завтра – в ратной победе. Эх, помню, увязался я за крестоносцами в юности, не послушался своего отца. А когда оказался в раскаленной пустыне и кончились запасы, так мечтал о глотке прохладной воды, о нескольких каплях дождя! Вот, думал, истинное счастье – вода и прохлада. И ничего мне в те дни не хотелось: ни царства, ни денег, ни славы – только напиться!

– А я думаю, чего это вы батюшка, кругом фонтаны понаставили...

– Верно, – кивнул головой Король, – в упоминание. А, с другой стороны – красиво! Видел бы ты, какие фонтаны у Аладдина во дворце!..

– Снова Вы, отец, за свое...

– И за твое тоже! – сердито перебил его Король. – Много воли я тебе дал! Слушай отца и не перечь! Казну не только разорять, ее и заполнять надо! А как ты ее заполнишь? Чем? Хрустальными башмаками?! Дай-ка его мне!

– Осторожнее, не оброните, – протягивая Королю туфельку, с нежностью произнес Принц. – Она такая хрупкая!

– Обыкновенная стекляшка! – повертел в руках туфельку Король. Вдруг его лицо приняло озабоченный вид. – Постой-постой! А ты не думал, как в такой обуви

ходить можно? Да еще плясать весь вечер! Не обронила же ни разу... Все ясно – сама подкинула. Ох уж эти женщины! Неведомо еще тебе их коварство! Чего только не исхитрят, чтоб замуж выскочить! Послушай, а вдруг у нее нога «неживая»?... Оттого и не почуяла, когда оборонила. Ну, вроде как «ортопед»... Ведь, поди попробуй, походи, в такой конфетнице – не согнешь ноги, не разогнешь. Что-то тут неладно...

Принц, конечно, влюблен был по уши. Но, поскольку уши у него были длинноваты, то, видать, не совсем в любви увязли. Засомневался престолонаследник.

– Вы так думаете, отец?..

– Думаю? Я абсолютно уверен! – Король понял, что поймал шанс. Не всегда оказывается глупость сыновей вредна для государства. Просто нужно умело ею воспользоваться. – Выбрось ты из головы эту колченогую авантюристку, и обрати свои глаза на Восток.

– Говорите, хороша дочь Аладдина?

– Небесной красоты! – с жаром выпалил Король, но осекся: тем, кто видел принцессу, привыкали глаза и поотрезали языки по законам тех краев. А что, если, как раз, наоборот, чтоб никто об ее уродстве не сболтнул?.. Хотя, какая разница? За таким приданым никакого уродства не заметишь. А казна оскудела...

– Зовут-то ее как?..

– Имя мудреное, не запомнил. Но переводится как «Та, что спустилась с небес и затмила все земные красоты ликом своим, подобно сиянию ночных звезд и дневного Светила».

– Такое длинное имя...

– Нет, на их языке оно короче звучит. В их языке 13 гласных и три согласных звука. Вроде как поют.

– Чудной язык...

– У них все чудное... – поднял Король Принца и увел во дворец. А туфельку украдкой закинул в фонтан с золотыми рыбками. Так, чтоб королевич не заметил.

Хрустальная туфелька сверкнула золоченым каблучком, тихонько булькнула и опустилась на дно государственной политики.

ЯЗЫК ЗНАКОВ

За окном глухо тарахтел разогреваемый автомобиль. И он просыпался с трудом. Склизкое, пасмурное январское утро. Вовсе не хочется вылезать из – под теплого одеяла. Тем более, что сегодня воскресенье. Но досмотреть предутренние сны все равно не удастся: две старушки за стеной – сноха и золовка, – «разменявшие» девятый десяток годов, будто и не прекращали заведенную еще с вечера склоку. Хотя тема семейного скандала мусолится уже почти сорок лет и давным-давно потеряла всякий смысл.

* * *

«500 золотых монет прибавляю к приданному дочери своей Марьям, кои муж ее Кербалаи-Идрис обязан вернуть в десятикратном размере, если разведется с ней или умрет она от плохого обхождения». – Такими словами заканчивалось брачное соглашение («кябин»), заключенное между родственниками жениха и невесты. Далее шли подписи и «бармаг-басма» (отпечатки большого пальца) свидетелей.

Марьям была единственной сестрой четырех братьев, детей почтенного лекаря из Иранского города Решт. Старший брат, Ибрагим, вел торговые дела семьи с бакинскими купцами, где и присмотрел жениха для сестренки – богатого вдовца Кербалаи-Идриса. Два средних брата, Искендер и Исмаил, оба лекари, владели лечебницей в Маранде, где и жили. Самому младшему, Мухтару, было одиннадцать лет. Самой же Марьям тогда едва исполнилось тринадцать.

Мухтару позволили сопровождать сестру, когда она, пряча грустное лицо под черным покрывалом поверх красного свадебного одеяния, поднималась на борт парохода вместе с прибывшими за ней родственниками жениха и теткой-енгя.

Брат-купец, Ибрагим, с тех пор, приезжая в Баку, всегда брал с собой Мухтара. Решил приобщить его к торговому делу. Сейчас мало кто помнит, что граница с Ираном «открывалась и закрывалась» неоднократно и в советские годы. И в двадцатые, и в тридцатые. В 1945 году граница «захлопнулась» окончательно, и Мухтар застрял в Азербайджане. Через три месяца он умер в Шуше, куда были депортированы во время войны «лица без гражданства». Марьям осталась одна с дочкой и сыном, ее престарелый супруг почил еще в канун войны. Вернуться на родину, в Иран, было невозможно. Да и зачем? Дети – советские граждане, которые при получении паспортов в соответствующей графе анкеты записали: «Родственников за рубежом и в заключении не имею».

Принято считать, что при советской власти зажиточные люди теряли все. Не все! – «кубышки» сохранились у многих. Вот и Марьям удалось сберечь те самые «500 золотых монет», оговоренных в брачном соглашении. От покойного мужа и брата Мухтара тоже кое-что осталось. Так что, ни Марьям, ни ее дети особых лишений не испытывали. Даже в голодные военные годы. Марьям не была расточительной (надо сказать, это свойственно всем иранцам), деньги тратила с умом, за что прослыла женщиной прижимистой. Тем не менее, никогда, нигде не работая, она вырастила детей, дала им образование, обеспечила жильем. Время от времени

открывалась ее главная закладка, и оттуда извлекались червонцы: к рождению внуков, к покупке автомобиля, к приобретению дорогой мебели или изготовлению зубных коронок – золотые монеты разменивались только для серьезных целей.

Внучку Хавер Марьям обожала. Она рассказывала ей об абрикосовых деревьях в саду, окружавшем дом ее отца. Как они цвели весной! И небо там было голубее, и вода слаще, и хлеб вкуснее. Откуда Марьям могла это помнить? Внучке сейчас столько же, сколько было ей самой, когда она в последний раз оглянулась на родной берег. Внучка заняла в сердце Марьям место собственной дочери. Минавар была не в мать – легкомысленная транжирка, падкая до нарядов и развлечений, одного мужа в гроб свела, другого по миру пустила.

Хавер тоже любила бабушку. За добрую мудрость, теплые, ласковые руки, от которых пахло розовыми лепестками (после приготовления пищи бабушка всегда растирала в пальцах несколько розовых лепестков – ох, уж эти иранки!), за сказки, не всегда понятные, но всегда желанные. Закутавшись в клетчатую бабушкину шаль и положив голову ей на колени, она часто засыпала, убаюканная тихим голосом Марьям и костяным гребнем, которым та расчесывала внучке волосы.

– Не кричи, – поучала Марьям девочку, – девушки не должны громко разговаривать. Когда я была маленькой, бабушка учила меня при посторонних говорить тихо. Особенно при мужчинах! В присутствии отца и братьев мы с ней переговаривались только глазами и пальцами.

– Ой, научи, нануля! – упрашивала Хавер бабушку. – Секретный язык – это так здорово!

– Вот, смотри, – с радостью соглашалась бабушка. Прежде она думала что «нынешним» такой язык уже ни к чему. – Когда поворачиваешь лицо влево и немного наклоняешь голову, это означает «принеси скатерть». Или – «постель». Или – «полотенце».

– А как понять, что именно? – Хавер показался сложноватым язык знаков.

– Очень просто! Например, пришли гости, уселись, я дала тебе этот знак – ты же не притащишь одеяло! Конечно, принесешь скатерть. Если гость решил помыть руки, что ты ему подашь?

– Полотенце!

– Видишь, все очень просто.

– Нануля, ты у меня сокровище! Еще! Еще!

– Это означает «приготовьте чай», – бабушка слегка перевернула раскрытую ладонь и тут же опустила руку. – Но знак надо уловить сразу, другие люди не должны его заметить. А то подумают, что ты бестолковая и сама ни до чего не можешь додуматься без подсказки.

Очень скоро Хавер без слов понимала и выполняла бабушкины «приказы». Новая игра пришлась ей по душе. Две ее подружки-одноклассницы тоже подключились к этой затее и, стоя у доски «ловили» подсказки Хавер. На этот случай они придумали свои знаки: подсказки делались исключительно глазами или поворотами головы.

* * *

В начале марта 1968 года с Марьям случилось несчастье. Ее разбил паралич. Сын, дочь и невестка стоя-

ли у постели Марьям и пытались понять, что она хочет сказать. Правая ее рука была бездвижна, пальцами левой руки она делала какие-то слабые движения и, издавая нечленораздельные звуки, глазами о чем-то просила.

– Минаввар, надо привезти Хавер, – сказал сын Марьям, – пусть повидается с бабушкой.

– Ни в коем случае! – запротестовала его жена. – Не надо травмировать ребенка! Через два-три дня, когда ей станет лучше, приведем. Лучше заведи отсюда ценности, пока не пропали.

– А ты-то чего распоряжаешься?! – возмутилась Минаввар словами снохи. – Уж не решила ли, что они твои? А это не хочешь?

Думаю, не стоит объяснять, какой за теми словами последовал жест, но сцена у постели умирающей женщины была безобразной: золовка и сноха, визжа и бранясь, вцепились друг в друга в волосы, в разные стороны разлетались шпильки и заколки. Мужу одной и брату другой удалось разнять их, лишь вlepив обеим по увесистой затрещине. Но Минаввар в долгу не осталась! Повернувшись спиной к снохе и брату, она задрала подол, обнажив белые ляжки в кружевных панталонах.

– Вот тебе «ценности»! – заорала Минаввар и бросилась к комоду. Ругаясь, словно пьяный кучер, она стала рыться в ящиках, раскидав все аккуратно сложенные матерью накрахмаленные и отутюженные простыни, наволочки, полотенца и скатерти.

– А-а-а! Уже сперли, сволочи! – вопила Минаввар, копаясь в комоду и ничего не обнаруживая. Брату пришлось снова вмешаться. А на шум уже стали собираться соседи. Бедная Марьям наблюдала все это безобра-

зие, бессильно шевеля пальцами левой руки и бессвязно мыча. Кто знает, не случись этого скандала у нее на глазах, может быть, она и поправилась бы. Но той же ночью Марьям умерла...

После похорон брат с сестрой перерыли всю квартиру матери, перетряхнули все вокруг, даже ее джанамаз прощупали. Не говоря уж о вспоротых матрацах и одеялах. Но, кроме сберкнижки и ларчика с ювелирными украшениями, ничего не нашли. Золотые монеты, будто сквозь землю провалились! По подсчетам родственников, их не меньше двух сотен должно было оставаться.

Позже ковры и мебель были разделены между братом и сестрой, а кухонная утварь и бесчисленное количество банок с вареньем роздано соседям с нижнего этажа.

– Для кого она варила столько варенья? Бог знает, сколько оно стоит. Вон, и засахарилось уже, даже крышки заржавели, – ворчала Минаввар, вытаскивая из-под тахты трехлитровые, закатанные вручную банки с инжирным и айвовым вареньем.

В те годы оставлять за собой квартиры родственников не представлялось возможным, и квартира Марьям была перепродана (по договоренности) соседям.

* * *

Прошло два года. Однажды Хавер помогала матери делать заготовки впрок. Убирая банки в стенной шкаф, она повела головой и ладонью.

– Что это значит? – сердито спросила мама. – Все никак не забудешь бабкины глупости!

– Это значит, что больше банки ставить некуда, – тихо ответила Хавер. – Нужно подыскать другое место.

Мама вдруг побледнела и опустилась на стул, глотая воздух открытым ртом. Через минуту она запричитала, как на поминках. Она била себя по голове и хлопала по коленкам, напугав дочь до смерти своей истерикой.

– О-о-о, пепел мне на голову! О-о-о, погибель на мою душу! Минаввар! Чтоб тебя разнесло на кусочки! – причитала невестка покойной Марьям. – Варенье! Банки! Золото!

– Мама, выпей воды, успокойся, – уговаривала перепуганная Хавер, протягивая матери стакан с водой. – Какие банки? Какое золото?

– Я же видела, как она крутила глазами, как шевелила рукой! Зачем я не позволила тебя привести?! Ты бы ее поняла! А эта идиотка, твоя тетя, отдала все банки с вареньем косой Эльмире! – слова застревали у нее в зубах, и она будто сплевывала их.

Обвинять бабушкиных соседей в присвоении золотых монет, которые, предположительно, находились в закатанных банках с подкисшим вареньем? В этом не было смысла. Тем более, что через несколько месяцев после бабушкиной кончины многодетная семья неожиданно для всех съехала с той квартиры в полуподвале. И никто не знает, куда. Оставалось только обвинять друг друга. Что они и делают по сей день.

УСЛЫШАТЬ ОТ ПРАВНУКОВ

Капелька росы, меняя форму, медленно скатывалась по желобку прозрачно-зеленого листочка. Листок, словно не желая расставаться с ней, пытался удержать росинку на заостренном кончике. Но она уже многократно выросла, поглотив другие росинки. Капля влаги срывается с нежного листочка и летит вниз, к корням цветка, чтоб напоить их в предверие знойного дня. Листочек колышется какое-то время, будто машет росинке на прощание. А рядом, уцепившись за соседнюю веточку, сверкает в розовых лучах восходящего солнца серебристо-белая паутина. Бурый паучок терпеливо дожидается, когда солнышко подсушит его ло-вушку, тяжелую от утренней влаги, и какая-нибудь неосторожная муха не угодит в нее. Завораживающая картина пробуждения природы усиливалась мягким музыкальным фоном, а бархатный голос за кадром пояснял, что туристов ожидают все эти красоты и незабываемый отдых, если они посетят «райское» заморское захолустье. На экране мелькал рекламный ролик.

– Какая красота! Сколько в мире красивых мест, а твой сын за всю жизнь меня дальше Москвы не свозил! – сокрушалась семидесятилетняя сноха, выговаривая девяностолетней свекрови. Женщины шинковали овощи за кухонным столом.

– Фатму, дочь мацонцка, зять с собой в Анталью возил на отдых. А я, видно, рожей не вышла! – брюзжала сно-ха. – Не ко двору пришлась ни зятю, ни сыну.

– Чем ты недовольна, ай Хураман? – заговорила, наконец, свекровь, Шура-хала. – Тебе хитрец-телевизор голову дурит, а ты все за чистую монету принимаешь.

Неужто думаешь, у нас таких красивых зорек не бывает? И что тебе показали? Листочки, росинки, паутину? Выгляни в окно – там этого добра кругом повешано. Снято хитро! Не станут же они свои мусорные свалки или трущобы рекламировать. По мне, так краше наших мест и нет нигде!

– Хорошо, хоть когда-то в Киеве, Ленинграде да в Москве побывала, – будто не слыша свекрови, продолжала недовольно бурчать Хураман. – Другие, вон, по границам шастают! В Турцию, как в Маштаги ездят.

– Бывает, и чаще, чем в Маштаги, – согласилась Шура-хала. – Но я думаю, что многие туземки-иностранки и тебе позавидовать могут. Кто из них в Киеве, Ленинграде да в Москве бывал? А ты еще в Сочи, Ялту, Калининград, Ригу ездила. Помнишь? Еще в Ростове, Тбилиси, Омске, Мурманске была. В Ташкенте, Бухаре, Алма-Ате. Может быть, еще напомнить? Десятка четыре будет.

– Ох, свекровушка! Ох, архивариус! – посмотрела поверх очков сноха. – Ты, случайно, журнал записей не вела? Конечно, сыночка своего выгораживаешь...

– Брось болтать ерунду! Сама уже свекровь, а никак не угомонишься. Чем тебе муж не угодил? Пятьдесят лет вьется над тобой, что мотылек!

– Ну да! Скажи еще, принц он был на белом коне!

– Скажу тебе, дорогуша, – постучала указательным пальцем по краю тазика с овощами свекровь, – что те кони под «принцами» только издалека белые. При ближайшем рассмотрении эти белые кони оказываются обыкновенными серыми ишаками. А без изъяна мужика не бывает. Был один – так его распяли. Две тысячи лет назад.

Услышав последний довод прабабушки двадцатилетняя Нигяр, до сих пор молча разглядывавшая журнал мод, так громко рассмеялась, что старушки вздрогнули от неожиданности. Они совсем забыли о ее присутствии. А девушке доставлял удовольствие спор двух старушек, потерявшие смысл укоры бабушки и остроумные выпады прабабушки. Эта женщина заслуживает того, чтоб сказать о ней несколько слов отдельно.

Гонимая голодным лихолетьем с Украины, теряя в пути родных, оказалась когда-то Шурочка на Кавказе. Исхудавшую черноглазую девчушку приютили сердобольные сестры-старушки, жившие в одном из пригородов Баку. Они стали называть девочку на свой лад, делал ударение на последнем слоге и растягивая букву «у» Шу'ра. Трудлюбивая, почтительная, красивая девушка с Украины обрела на Апшероне вторую родину. Главную! Она носила келагай на манер местных женщин, очень быстро усвоила обычаи, порядки и язык. А вскоре чернокосую красавицу сосватал для своего сына Алекпер-киши. И стала она верной спутницей жизни Ага-Рагима. Родила ему двоих деток. Тридцать пять лет была его супругой, тридцать пять лет – его вдовой. Стала бабушкой шести его внуков и двенадцати правнуков. Шуру-няня' все просто обожали!

– Бисмиллах! – прошептала Шура-няня'. – Сидит как мышь, и голоса не подает! Ты чего бездельничаешь? Давай-ка, займись крупой.

Внучка послушно под села к столу и уткнулась в миску с рисом, раскапывая и вынимая оттуда редкие плевела.

– Кто же так чистит рис? – возмутилась беюк-няня'. Она высыпала рис горкой на стол и быстрыми,

ловкими движениями стала пригоршню за пригоршней перебирать его. – Вот как надо! Опозоришь меня, когда замуж выйдешь. Скажут: Что за неумеха внучка Шуры!

– А я тебя с собой заберу! В качестве приданного. Ты у нас любому кухонному комбайну болты утрешь!

– Ну, вот тебе и помощница, – произнесла бабушка Хураман. – Пойду полежу немного.

– Обиделась, – сказала беюк-няня, проводив взглядом сноху. – И в кого она такая ворчливая? Всем недовольна! Разве я ей враг? Не нравится верное слово! Вчера говорит: «Вот бы снова в детство вернуться и жизнь заново начать!» Я ей притчу одну рассказала. Так она до вечера со мной не разговаривала!

– Что за притча? – поинтересовалась правнучка. Она уже заранее предвкушала нечто особенное. Беюк-няня – кладезь мудрости!

– Один бездельник, туняедец, чревоугодник и завистник прожигал зазря свою жизнь в лености да глупости. Явился к нему ангел и посоветовал обучиться какому-нибудь ремеслу, а не вздыхать, глядя на чужое добро.

– В мои годы жизни не изменить! Вот бы в отрочество вернуться! – ответил ему лентяй, грея бока на печи и жуя родительский хлеб.

– Жизнь можно изменить в любом возрасте, – говорит ангел. – Вернувшись в отрочество, ты не вспомнишь прежней жизни и повторишь ее со всеми ошибками. Пойди лучше к пахарям, потрудись в поле, жизнь и переменится.

– Что ты! Что ты! – замахал руками лентяй. – В мой-то годы спину за плугом гнуть?

– Ну, так походи к лесорубам, с ними поработай, и жизнь станет другая.

– Еще чего! Я не так молод, чтоб топором махать да руки в кровь сбивать.

– В море походи с рыбаками! Трудно в море, но интересно. И труд почетен и ждать будут с радостью.

– А вдруг упаду в воду? Я и плавать-то не умею, утопну. Верни меня в отрочество, я и начну новую жизнь.

Ангел желание дурня выполнил. Проснулся он однажды на печи недорослем и мамку зовет:

– Эй, мать! Неси кашу! Да шибче – изголодался я.

– Несу, несу, дитятко! Несу, ненаглядное! – заторопилась к нему матушка...

– Беюк – няня, тебе цены нет! – восхищенно произнесла правнучка. – Действительно, многие так говорят: «Вот бы вернуться в детство!» Но память-то не вернут! И – опять двадцать пять.

– Умница! А бабушка твоя на меня надулась, – покачала головой Шура-няня.

– Все равно она тебя очень уважает. И любит. А ворчит для виду, – ответила Нигяр. – Она нам всегда тебя в пример ставит.

– Ну, спасибочки ей за это! – растрогалась беюк-няня. – Вообще-то, я своей снохой довольна. И жена, и мать и бабушка она замечательная. Ворчлива немного... Помнишь историю с комаром зимой? До сих пор считает меня виноватой. Накаркала, говорит.

Внучка улыбнулась и закивала. Она помнила тот случай. Сейчас он вызывает улыбку, а тогда было жутковато. На оконное стекло сел невесть откуда взявший-

ся зимой комар. Бабушка замахнулась, чтоб прихлопнуть его, но беюк-няня попыталась остановить сноху.

– Оставь ты его в покое, он и так зимой не жилец.

– Не жилец! Всю ночь пел над ухом, – огрызнулась Хураман и хлопнула ладонью по стеклу. Но, то ли удар был чересчур сильным, то ли холодное стекло стало хрупким – оно с треском и звоном рассыпалось, сильно поранив женщину. Кровь, так и текла из порезанной руки! Все очень перепугались

– Ну вот, – сказала Шура-хала, когда рану обрабатывали и перебинтовали, а вместо разбитого стекла прибили, на время, фанерку, – не уступила комарику полкапли крови. А сколько теперь потеряла? Стоило ли?

Хураман не была расположена принять шутку свекрови и рассердилась на нее.

– Шура-няня, ты у нас самая мудрая, самая незаменимая! – Нигяр чмокнула старушку в щеку.

– Не бывает незаменимых! – ответила беюк-няня. – Но, все равно, я желаю и тебе когда-нибудь услышать это от своих правнуков.

* * *

Шура-ханым соблюдала все предписания шариата и жертвовала на нужды Православной церкви. Она пекла непередаваемо вкусную пахлаву на Новруз-байрам и тающие во рту куличи на Пасху. «Отстань хвороба до самого гроба! – сказала однажды Шурочка и никогда не болела. Некогда было! – Болезни спутники праздности». Она умерла в канун 2000-го года, и душа ее вознеслась на небеса под молитву «Ясин», которой вторили храмовые колокола в далекой Украине...

АИСТ ОШИБСЯ АДРЕСОМ

Джавир-ханым сердито переключала каналы, нажимая на черные кнопочки «прыщатника», как она называла дистанционный переключатель. Но этого можно было и не делать – все равно почти по всем телеканалам шли либо блоки новостей, либо осточертевшая реклама омолаживающих кремов, моющих средств и подгузников.

– Исламскими экстремистами вновь совершен теракт... в Израильском городе... в результате взрыва погибли десять человек, – комментировали одни и те же кадры ре-портеры разных каналов. – В ответ на это израильские военные нанесли бомбовый удар по жилым кварталам палестинского города... Ответственность... взяли на себя...

– Да бросьте брехать! «исламские террористы», «израильские военные»! – в который раз с возмущением восклицает Джаваир-ханым. – Эти еще с добиблейских времен драли друг другу бороды, почему зря! Нет же – надо придать всему религиозную окраску. С моим дедом Ибрагимом по соседству жил еврей Абрам и немец Абрахам. Тезки. И все трое прекрасно ладили друг с другом. И их дети ладили, и внуки, хоть и разъехались кто куда, а все равно дружбу не прервали. Самая отвратительная нация на свете – это политики. Все зло от них! А простые люди всегда друг с другом общий язык найдут.

– Тебя бы, няня, на трибуну, – усмехается внук, оторвавшись от компьютера и потягиваясь. – Всех политиков за пояс заткнула бы.

– А ты не шути! Чем я хуже Агахана? – повернулась к нему лицом бабушка и, глядя поверх очков, стала пояснять. – Есть у нас один дальний родственник. Так себе, голь перекатная. Беден, как церковная мышь, а имя родители ему дали – Агахан. Сыновья у него Агабек и Агалар. Дочь – Ага-бегим. Амбиций, что у павлина бесхвостого, свою кандидатуру в депутаты выдвигал.

– Выбрали?

– Ага! Догнали и еще раз выбрали! Вот, полюбуйтесь на эту «помолодевшую» пигалицу! – ворчит бабушка, переключив канал и вновь наткнувшись на рекламу крема от морщин. – Можно подумать, в ее возрасте появляются морщины. Да она еще вчера памперсы демонстрировала! Покажите мне старушку, у которой разгладились морщины от вашего топленного собачьего сала, тогда и поверю.

– На то она и реклама, – заступился внук за «движигитель торговли». – Ты у нас Фома Неверующий, нигилистка.

– Почему же? Вот, расписал мужик крем-шампунь от перхоти, так его вранье через три промывки обнаружится. А расскажи он о креме от рогов – отбою не было бы от поку-пателей. Не проверить же, а все будут утверждать, что помогло.

– Сразу видно, ветеранка-кавээнщица, – засмеялся внук. – НА все ответ готов!

– А в этом ты ошибаешься, – погрузнев, возразила бабушка. – были вопросы, на которые ответ через полвека пришел. И не нужен оказался...

– Так-так-так, – хитро заулыбался внук, придвинувшись поближе к бабушке. – Не спрятан ли скелет в шкафу у моей любимой ненешечки? Колись, бабуля,

обещаю хранить тайну исповеди. Твой доисторический шкапик давно вызывал у меня подозрения.

Внук называл «шкапиком» двустворчатый плательный шкаф с большим помутневшим за десятилетия овальным зеркалом и окошечком из цветного стекла на левой створке. Этот шкаф – бабушкино приданое – был изготовлен на заказ специально к ее свадьбе. Дизайн, по нынешним временам, примитивен, внутренние ящики для белья неудобны, все время застревают, а дверцы издают неприятный протяжный скрип. Но, уступая детям и внукам во всех прочих житейских делах, бабушка была категорична и бескомпромиссна в вопросе о судьбе «шкапика», который никак не вписывался в интерьер. Никому не удалось уговорить ее расстаться со шкафом. Бабушка не согласилась даже на его модернизацию. Отказалась она и от замены помутневшего зеркала. Пришлось во время ремонта, произвести реконструкцию, перестроив стену так, чтобы шкаф не было видно входящим в квартиру. Теперь он стоял у внутренней стены, у двери, которая, раскрываясь, прятала его от посторонних глаз.

– В дождевой луже отражение четче! Что ты в нем видишь? – удивлялся внук упрямству бабушки.

– Все! Тебе сейчас не видно. Это волшебное зеркало. Оно мне иной раз такой сериал показывает, что мексиканские киношники обзавидуются! Ты еще юный и красивый, но в нем выглядишь хуже: зеркало предупреждает тебя, что молодость и красота – не навсегда. Я старая, оно размывает мое отражение, и это не так заметно. Меня зеркало щадит.

– Да ты философ! А шкапик твой просто мудрец – Фрейд отдыхает!

Устав от бессмысленного переключения телеканалов, Джаваир-ханым отбросила в угол дивана «прыщатник» и строго посмотрела на внука. Строго – это громко сказано. Она никогда не могла, общаясь с ним, даже в педагогических целях, напустить на себя нравоучительной серьезности.

– Скелетов в моем шкафу нет. Но интересных историй с ним связано немало. Одна из них засела в памяти, как заноза. До сих пор сердце болит, когда вспоминаю! Мы тогда жили на старой квартире, в коммуналке. У нас с твоим дедом была самая большая комната, 20 квадратных метров. Перегородили ее ширмой – стало две. Шкаф этот был еще совсем новый, модный, сверкал глянцем и не скрипел. Соседей я плохо знала, но все казались мне людьми милыми и добрыми. Собственно, так оно и было. За исключением одной особы. Женщины чуть старше меня, очень привлекательной и общительной. Поначалу и она была мне симпатична, но вскоре стала вызывать неприязнь. Я старалась избегать общения с ней. Наши комнаты разделяла стена из драйки – оштукатуренных деревянных реек. Поэтому все, что происходило за стеной, было отчетливо слышно. Соседка моя, на людях улыбчивая и добродетельная, превращалась в сущую фурию, когда дело касалось ее старшей дочери. Я не понимала, за что мать так невзлюбила собственного ребенка. Била за самую незначительную провинность, а девчужке было-то всего пять лет! Однажды, когда мать ушла в магазин, девочка нечаянно разбила фарфоровую статуэтку. Я знала, что ее мамы дома нет, и удивилась, услышав непонятный шум за стеной. Обеспокоенная, я вошла в их комнату (тогда было позволительно заходить друг к другу без стука!):

бедная малышка стояла на табуретке перед этажеркой, возле которой валялись ручки и ножки разбитой балерины. От страха быть жестоко наказанной она обмочилась.

– Не бойся, скажем маме, что это я разбила фигурку, – попыталась я успокоить ребенка. – А потом мы ее склеим.

Но тут вошла мать девочки и, увидев дочь на табуретке, а меня подбирающей с пола обломки, догадалась в чем дело.

– Не надо ее наказывать, она нечаянно, больше не будет, – попробовала я заступиться за ребенка. – Прошу тебя, не бей ее!

– Своих роди и воспитывай! – грубо оборвала меня соседка. – Я не буду ее бить. Я ее убью!

Не успела я и глазом моргнуть, как она вlepила ребенку такую оплеуху, что щека вздулась мгновенно. Девочка упала с табуретки и ушибла плечо, на нем образовалась здоровенная ссадина. Мы разругались не на шутку, и я перестала с ней разговаривать. Позже выяснилось, что она получила трепку от мужа, она уговорила дочку сказать отцу, будто та поскользнулась и упала с лестницы. Подарила дочке за это кусок белой шелковой ленты и «райскую птичку».

– Посмотрите, что мне мама подарила, – хвалилась счастливая малышка, нацепив на голову малиновую птичку из плюша. Она уселась на диван рядом со мной, достала из кармашка кусок белой ленты и стала прилаживать его к своей кукле. – Мама не будет больше бить меня. Она обещала. Она хорошая, правда?

– Как бы не так! – подумала я, но, погладив в ре-бенка по головке, сказала, – Конечно, хорошая. А ты больше не трогай ничего без спросу.

С ее мамой мы вскоре помирились. Частые ссоры и скорые перемирия были обычным делом в коммунал-ках. Мы недолго прожили в той квартире. Но в канун переезда случилось еще нечто, что вызвало всеобщий переполох. На вопрос «Откуда берутся дети?» – как ви-дишь, вопрос не нов для всех поколений – мать ударила девочку по губам.

– Больше тебя ничего не интересует, бесстыжая? – рас-сердилась женщина. – В магазине покупают! За те-бя двад-цать копеек заплатили – дороговато для такой макаки!

Девочка, не поняв, чем разозлила мать, заплакала. Че-рез некоторое время она осторожно отворила мою дверь и, озираясь по сторонам, чтоб никто не услышал, говорит:

– Тетя Джаваир, мама говорит, что купила меня за двадцать копеек. У меня есть один рубль, папа пода-рил. Я его Вам отдам, а Вы меня у мамы купите. Купи-те, пожалуйста! Я буду Вас слушаться, честное слово!

Голос ее срывался до шепота, в глазах дрожали слезки. Я сама чуть не разревелась. Обняла ее, прижала к себе и стала успокаивать.

– Но ведь твой папа очень огорчиться. Тебе его не жалко? – Я не могла найти более убедительных до-дов. – Мама пошутила. Детей не покупают. Говорят, что их приносит большая белая птица – аист.

– Лучше бы он меня к Вам принес! – грустно вздохнула девочка. Тут меня стали звать к телефону, и я вышла в коридор. Когда вернулась, девочки в комнате

не было. А через некоторое время начался переполох: ребенок пропал! Искали дотемна, обошли все близлежащие улицы и дворы. Было уже за полночь, но никто из соседей не спал. Женщины всхлипывали, приводя в чувство мать пропавшей девочки, мужчины курили и что-то обсуждали с милиционерами. Ждали кинолога. Когда он пришел и собаке дали понюхать платье девочки, она тотчас кинулась к моим дверям и рванулась к шкафу. Милиционер открыл дверцу и стал унимать разлаявшегося пса: перепуганная до смерти, с обезумевшими от страха глазами, девчушка жалась в угол шкафа, укрывшись за моим новым кабардиновым пальто. Потом с ней случилась такая истерика, что даже пришлось вызвать «Скорую». А через несколько дней ее уложили в детскую неврологическую больницу. У бедняжки отнялся язык. Ее долго лечили, чуть заикой не осталась. Их семья тоже вскоре уехала. В Ленинград. Муж той соседки был военнотружущий. Интересно, что стало с их дочкой?..

– Выросла и убила свою мать-мегеру! – сердито произнес внук, молча и внимательно слушающий бабушку. – Четвертовал бы такую мразь!

– Не болтай! – осекла его бабушка. – Многие вещи в этой жизни не поддаются простым объяснениям. Наверное, девочка была права: аист ошибся адресом. Только и всего.

ПЛАНЕТА ПАУЧКА

Дверь в кабинет открылась без стука, едва закрывшись за предыдущим посетителем. Респектабельного вида мужчина лет пятидесяти без приглашения уселся на стул перед доктором, жестом указав мальчику лет десяти стать рядом. Но, прежде чем рассказать невропатологу о причине визита, то есть о проблеме ребенка, он преподнес ей толстую книгу в красочной обложке. Переплет был дорогой, а на нем изображение осла, вскинувшего губу в характерном крике. «Ослы и мы» – гласило название. Аида – ханум приняла подарок и, вежливо улыбнувшись, спросила:

– Наверное, что-то сатирическое? «Ослы и шило», – прочла Аида, решив, что «биз» надо понимать как «шило». Ведь эти слова на азербайджанском языке звучат одинаково.

– «Ослы и мы»! – исправил ее ошибку посетитель, надменно вскинул бровь и презрительно поджав губу. – Я человек серьезный и не пишу анекдотов!

– Извините, – Аида почувствовала неловкость. – Вы писатель? Я обязательно прочту Вашу книгу.

– Да-да, и увидите, сколько сходства между ослами и людьми! – одобрительно кивнул папаша мальчика, ёрзавшего на месте и краснеющего. Похоже, бедняге не впервой сталкиваться с бесцеремонностью родителя, вполне оправдывающего название книги. Аида была уверена, что отец мальчика не сомневается в своей гениальности и мысленно уже подобрал место для собственного пьедестала.

– А вы, доктор, не замечали этого сходства? – пучи-тельным тоном продолжал посетитель. – И оно не только в трудолюбии и покорности.

– А почему бы, собственно, и нет? – ответила Аида в тон самовлюбленному «нарциссу». – Если Дарвин нашел так много общего между нами и обезьянами... вероятно, и с ослами сходства не меньше...

– Именно так! – папаша укола не заметил. Аида уже не сомневалась, что этот «нарцисс» развесил свои портреты по всей квартире. Упёрт на собственной персоне, как самый настоящий осел! И это внушается ребенку. Бедный мальчик воспитывается человеком, лишенным чувства юмора и потенциальным тираном! Ему можно только посочувствовать. Папаша мог уже не рассказывать о проблеме сына – Аиде диагноз был ясен.

Когда уподобивший человечество стаду ослов писака с краснеющим пугливым чадом покинули кабинет, медсестра прыснула в кулачок, с трудом подавляя смех.

– Кажется, он тоскует по своей прошлой жизни, в которой был ослом, – покачала головой доктор. – Следующий, заходите, пожалуйста.

– Ей не просто не нравятся клоуны, доктор, – озабоченно вскидывая «домиком» брови и шумно выпуская воздух через ноздри после каждой фразы, говорила женщина, мать семилетней чернявой девочки, грызущей ноготь большого пальца, – она становится агрессивной при виде их! Разве это нормально? Ну, скажите, как ребенку могут не нравиться клоуны? Все остальные дети смеются, прыгают от восторга, хватаются за них руками. А эта злючка чуть не плачет от досады! Так безобразно вела себя на чужом празднике. Представляете, укусила хозяйскую дочку!

– Возможно, был какой-то момент, связанный с шутловством и оставивший у нее тягостное впечатление, – отвечала ей Аида, осмотрев девочку. – Не надо драматизировать. Я выпишу успокоительного, а Вам лучше обратиться к детскому психологу и обязательно прислушаться к его совету.

– Что?! Вы думаете, у нее психическое заболевание?! – ухватила за «рифленую» голову мамаша. – Позор! Что люди скажут?

– Я же не сказала – к психиатру! К психологу, – подавляя неприязнь, тихо проговорила Аида. Как и с предыдущим посетителем, опыт подсказывал ей, что родители очень часто сами провоцируют болезни детей. А в данном случае у ребенка абсолютно исключалась какая-либо патология. Мамаша показалась ей дамой амбициозной, и уровень амбициозности намного превышал уровень интеллектуальности. Эдакая «Пустите Дуньку в Европу». Ее больше волновало, что скажут люди, а не состояние ребенка. Да, кажется, предыдущий посетитель был недалек от истины...

– У Вас замечательная дочка, – продолжила Аида, погладив девочку по голове. – Посмотрите, какие у нее лучистые, умные глаза! Попытайтесь понять ее и не навязывайте своих решений относительно клоунов. Если честно, мне они тоже с детства не нравились. И, знаете, почему? Однажды я посмеялась над мальчиком-дурачком. Он жил по соседству с нами. Я стала передразнивать его, кривляясь с гримасничая. Ох, и влетело мне тогда от родителей! Мать так отшлепала за насмешки над больным мальчишкой, что впредь ни один шут-кривляка не мог рассмешить меня. Действительно,

почему нельзя смеяться над убогим и необходимо хохотать над убожеством? Вы не согласны?

Доктор вдруг заметила, что мамаша немного растерялась, а в глазах девочки блеснула странная искорка – колючая и недобрая. Аиду осенила догадка: кажется, угодила в точку!

Обратная дорога домой была не короткой – от конечной до конечной остановки маршрутного автобуса. Все со-рок минут пути доктор Аида-ханум вспоминала сегодняшних эксцентричных посетителей и маленьких пациентов, особенно девочку, невзлюбившую клоунов. Думала о другой девочке из давних воспоминаний, о ее матери, в сердце которой для дочери никогда не было места. Эта обида жгла ее всю жизнь. Жжет и сейчас. Иногда случались в плотной полосе недопонимания и черствости узкие щелочки, в которые проглядывал слабый свет материнского внимания. Такие просветы образовывались, если успехи дочери становились предметом гордости близких, и внимание матери было, скорее, самолюбованием. Да, именно так. Ни одного поцелуя, ни одной ласки или нежного слова! «Деточка, до-ченька, милая», – такие слова ни разу не сошли с языка этой крикливой, самодовольной, лживой и алчной женщины, обожающей сплетни и интриги. А уж как она сама могла их закрутить! Когда мать расчесывала ее длинные косички, она буквально рвала ей волосы. Но если девочка вскрикивала от боли, била по голове и ругалась. Слезы приходилось глотать. Ей казалось, что она пьет соленую воду пригоршнями.

Автобус выехал на северную окраину города, и здесь, в скверах еще лежал снег. В центре он уже почти растаял. Аида улыбнулась, увидев в окошко маршрутки

детишек, собирающих снег с капотов автомобилей. Они лепили снежки. Густой снежный покров – такая редкость в наших краях. Сколько радости он приносит детям! Вот так, однажды и девочки из давних воспоминаний заигралась во дворе зимним вечером. Кувыряясь в снегу, она промокла насквозь, но вовсе не замечала этого. Было так хорошо!.. Ну и влетело ей от матери тогда! Удары ладонью по мокрому телу жгли похлеще раскаленного утюга...

– Ах, ты, маленькая дрянь! – орала мать, терзая ребенка. – Как мне сушить эту одежду? В чем завтра в школу пойдешь! Попробуй, заболей, мерзавка – воды не подам!

На следующий день, возвращаясь из школы, девочка увидела своих сверстников, ныряющих в сугробы и снова не удержалась – соблазн был так велик! Ух ты, как здорово запрыгивать в эти пушистые белые холмики! Но по пути к дому страх быть снова наказанной заставил ее превратиться в бессовестную притворщицу. Побив себя по влажным щекам и оторвав пуговицы от промокнувшего насквозь пальто, она, громко всхлипывая, стала рассказывать матери, что ка-кие-то незнакомые мальчишки затолкали ее в сугроб и заки-дали снежками. Девочка так вошла в роль, что не могла остановить потока слез и соплей. Вынудив врать, ей поверили! Было противно... Зато не наказали. За что мать так невзлюбила свою старшую дочь? Наверное, не была еще готова к материнству, а братья – пагодки не дали возможности к этому состоянию привыкнуть. Отбив жениха у подруги, она поспешила женить его на себе. Еще не родившаяся дочь оказалась орудием принуждения. Кроме того, она ждала рождения белокурого, светлоглазого

мальчика. А родилась очень смуглая девочка-дурнушка. Были и другие причины. Да Бог с ними! Так или иначе, но нелюбовь матери заразила девочку неприязнью к ней. Сегодняшняя взбалмошная мамаша и маленькая пациентка напомнили Аиде ту девочку. Пациентке, что расстраивается при виде клоунов, повезет, если в ее жизни появится любимое занятие, увлечение, приносящее радость. Иначе мать – самодурка сделает ребенка нравственным калекой. Девочка может замкнуться, превратиться в зверька, а когда вырастет, накажет свою мамашу какой-нибудь жестокой выходкой. Наверняка и у этой замазанной белилами и румянами женщины красуются на стенах собственные портреты. Аида знала, что дети роди-телей, обожающих свои увеличенные фотоснимки, через всю жизнь проносят болезненные осколки в душах. Последствия этого могут быть очень печальными.

Грустные мысли рассеял на короткий миг крошечный черный паучок. Он сплел свою паутинку между стенкой и передним сидением. Упрямец! Очень может быть, что прибирая в салоне, не раз проходились по ней веником. А он плел ее снова и снова. Сидит, вот, поджидает какую-нибудь моль, выедающую дырку под затертыми чехлами.

– В удивительном мире живет этот паучок, – думала Аида. – Автобус для него, все равно, что планета, которая движется по неизменному пути. Он и не знает, что за стенами маршрутки существует другая жизнь. Как космос. А метла, сметающая время от времени паутинку, не более чем каприз стихии: сорвала паутину – сплетет новую. Будет он жить и жить на своей планете – маршрутке и учить потомство выживать на ней. И

может быть, расскажет паучатам, как совершил кругосветное путешествие, облизав все щели в автобусе.

Аида улыбнулась, представив, как необъятный, вселенский взор сопровождает движение планеты Земля со всеми ее обитателями, наивно полагающими, что за пределами их планеты все обстоит именно так, как они считают. А что, если Земля – это космический живой организм, которому мы досаждаем, как блохи? Оттого она и «чешется» частенько, пытаюсь избавиться от слишком уж вьедливых. Но мы продолжаем плести на ней паутинки и учим этому свое потомство.

Автобус подъезжал к конечной остановке, но домой идти не хотелось. С каждым годом все тягостнее возвращаться в дом, увешанный и уставленный фотографиями кокетливо позирующей дамы. В дом, где тебя не любят. Аида не сошла с автобуса на конечной. Снова вернулась на нем в противоположный конец города. Сделав еще один длинный круг на маршрутке, приехала домой около одиннадцати.

– Кто там? – крикнула из комнаты мать, услышав шум в прихожей.

– Я, – коротко ответила Аида.

На этом их общение закончилось. Сейчас Аида ляжет спать, а рано утром сбежит на работу. Завтра она подменит кого-нибудь на дежурстве...

НЕ ДО СМЕХА

Белокожая и светлоглазая, она резко выделялась в общей массе смуглых и черноглазых сверстников. Может быть, поэтому ее считали красивой. Скорее за нехарактерный для южан тип, чем за утонченность. О какой утонченности могла идти речь? Грубая, неотесанная, крикливая, тугая до наук, зато падкая до сплетен и интриг – такова суть этой румяной нимфетки местного разлива, которая могла уснуть (и даже всхрапнуть – бывало и такое), если рядом читали вслух из Лермонтова. Потому и не удалось ей осилить более семи классов послевоенной средней школы. А вот продавщицей в галантерейный магазин взяли сразу: хо-роша, нахальна, артистична – находка в сфере обслуживания. Через прилавок галантерейного магазина пролег и ее путь к удачному замужеству. Здесь крепко увяз в ловко расставленных силках юной охотницы за счастьем чернобровый выпускник военного училища. Месяца не прошло как оказался он «под венцом». Матушка его, женщина строгая и консервативная, выбор сына не одобрила. По ней, даже громкий смех неприличен для девушек. Поэтому близко знавшие женщину люди в недоумении пожимали плечами: «Неужели Хумар-ханум даст свое согласие на брак единственного сына с этой пираньей?» Но именно мудрая свекровь до самой смерти оставалась главным тормозом на слишком уж крутых поворотах. Благодаря ей брачные узы удалось сохранить. Узы, заметьте, а не союз! Потому что участников такого брака проще назвать «узниками», чем «союзниками». Серьезной составной частью этих уз стали и четверо детей, которых сноха лихо «отштамповала»

за пять лет и которых бабушка просто обожала. Крепкая привязка! Расскажу-ка я вам... Нет, как-нибудь в другой раз. А сейчас заглянем в июльский день, вернувшись в будущее, через пятьдесят лет...

* * *

Старая Мужда изнывала от скуки на даче, куда увезли ее дети на лето. Заодно, и подальше от скандала, едва не разгоревшегося среди родственников из-за ее чрезмерной болтливости. Ну что с ней поделать – так и не научилась держать язык на привязи! Создав старушке все условия для отдыха, дети лишили ее лишь одного – телефона. Дети, внуки, гости, телевизор, обильная пища и теплое море – все это хорошо. Но вдруг старая Мужда пропустит какую-нибудь дурно пахнущую сплетню или интригу? И кому, как не ей лучше других удастся разжечь ее, оставшись при этом как бы и в стороне? Когда-то покойный муж бросил ей в сердцах: «Отрезать бы тебе язык да скормить псам!» Думаю, псы отравились бы.

– Чем опять недовольна? Чего тебе не хватает? – спросил Мужду сын, когда она демонстративно отвернулась в ответ на его приветствие.

– Сижу тут, как в тюрьме! Ни телефона, ни... – Мужда не нашла, что указать в перечне отсутствующих удобств.

– Чего «ни»? – сдерживая сердитые нотки переспросил сын.

– Смерти! – злобно огрызнулась мать.

– А, кстати, о смерти, – спохватилась внучка. – Забыла тебе сказать: звонила Месме, сказала, что кто-то из твоих двоюродных троюродных помер.

– Кто?! – лицо старухи вдруг ожило, поблекшие глаза заискрились, щеки порозовели.

– Не помню имени...

– Хырда? Зумруд? Сафура? Ася?..

– Нет, не помню.

– Дайте телефон, я узнаю!

– Не надо. Я завтра сама разузнаю и сообщу тебе.

Все равно в город не поедешь!

– А поминки? Без меня?..

– Твое присутствие покойницу не воскресит. Не волнуйся, мы скажем, что ты неважно себя чувствуешь, давление, сахар и все такое...

Все бы ничего, но стрела была пущена. Старуха Мужда проворочалась в постели до утра, перебирая в уме все возможные кандидатуры на тот свет.

– Скорее всего, это Ася! – заключила она в итоге. – Ася старше всех, давно прикована к постели. Не шутка – два инфаркта в 87 лет!

– Надо сообщить тем, кто еще не знает, – думала Мужда, шелкая протезом и жуя ветчину, завернутую в лаваш. Есть по ночам спрятанный под подушкой бутерброд – еще одна причуда старой Мужды, пережиток голодного военного детства. Когда-то за эту дрянную привычку ей здорово влетало от мужа. И не мудрено: давно жила в достатке и сытости, а глаза все равно голодные! Иногда, запрятав в укромный уголок кусок копченой колбаски или сдобный пирожок, она забывала о нем, и очень удивлялась обнаруженной через месяц-другой позеленевшей от плесени находке.

Да, беспокойная выдалась ночка! Мужда представ-ляла, как уложили покойницу Асю посреди комнаты, пок-рыв табут куском черного шелка, как причита-

ют и плачут ее дочери, внучки и золовки. Пропустить такое зрелище!

– Нет, золовки вряд ли плачут, – рассуждала Мужда. – С чего бы им плакать? Не любили они Аську-то. Радуются, небось. Эх! Нет меня там – вот бы показала, как нужно покойниц оплакивать!

Это точно – в притворстве равных Мужде не было. Войдя в роль горюющей, она даже могла потерять сознание и прийти в себя только после нашатыря. Мастер экстра-класса!

В восемь утра Мужда вышла в прихожую, и тут вдруг увидела сотовый телефон на тумбочке. Он стоял на зарядке. Все еще спали. Мужда осторожно освободила шнур и вышла во двор, подальше от дома. Затем набрала номер троюродной сестры двоюродного дяди и, напустив горестных нот в дрожащий голос, запричитала:

– Ася-а-а умерла-а-а! Слышала-а-а? Ой, не могу говорить! Ой, тяжело-о-о!

– Не может быть! Я же только вчера с ней говорила! О-о-о! – заголосила Гюль-биби на другом конце воздушной связи. – Отмучилась, болезная-а-а!

Кто, кому и в каком порядке сообщил печальное известие дальше доподлинно неизвестно. Бесспорно одно: факт кончины 87-летней Аси был явно передернут. Как выяснилось позже, умерла не Ася-хала, а ее 50-летняя внучатая племянница. Внезапно. От инсульта. Но все родственники с раннего утра стали звонить именно к Асе, выражая соболезнование ее дочери. Дочь Аси восприняла слух о кончине матери как чью-то злонамеренную проделку и уже начала браниться с появившимися на пороге опечаленными тетками. Но

тут-то и случилось самое ужасное: Ася, поняв причину визита двоюродных сестер, вдруг выкатила глаза, хватая воздух широко открытым ртом и размахивая руками, захрипела и...Померла! В суматохе последующих дней никто так и не вспомнил, от кого изначально исходило известие о смерти Аси. К счастью для старой Мужды.

– Ты выяснила кто умер? – спросила Мужда у внучки, вернувшейся на дачу через три дня.

– Ах, да, тетя Ася. И еще кто-то.

– Вот видите! Я была права, значит, все-таки Ася! – гордая своими безошибочными «вычислениями», проговорила Мужда. – А кто еще?..

КОГДА ДЛЯ СМЕРТИ НЕТ ПРИЧИН

– Игорь Соломонович! Умоляю, не щадите меня! Я хочу знать правду! – положив руку на грудь и страдальчески глядя на доктора, шептала посетительница.

– Поверьте, именно о ней я Вам и толкую, – уверял ее Игорь Соломонович, с трудом сдерживая раздражение. – Ваш супруг абсолютно здоров!

– Почему же я слышу сомнение в Вашем голосе? – не унималась пожилая дама, озабоченная состоянием здоровья своего 96-летнего мужа. – Вы явно что-то скрываете, доктор!

– Вы правы, – откинувшись в кресле и зажмурив глаза от внутреннего негодования, ответил доктор, заставив женщину вздрогнуть. – я пытался скрыть свое удивление.

– Чем? – изумилась посетительница.

– Именно тем, что он аб-со-лют-но (!) здоров в свои 96 лет! У него сердце матадора, легкие трубача, печень космонавта и почки водяной мельницы!

– Но у водяной мельницы нет почек! Вы хотите ска-затъ...

– Я хочу сказать, – негодуя, перебил ее доктор, – что его почки работают в ритме водяной мельницы! Беспере-бойно и четко выполняя свои функции. Почему вы так упорно пытаетесь обнаружить брешь в той тверди, которую представляет здоровье уважаемого Льва Борисовича?

– Твердь, говорите? А как же ухудшение слуха? Он ведь ничего не слышит без слухового аппарата! – тянула жи-лы из доктора супруга Льва Борисовича. – А

отчего у него случаются головные боли? Вот, взгляните на снимок.

– Как! Вы уже и снимок сделали? – Игорь Соломоново-вич засунул кулак в карман халата, чтоб не стукнуть им по столу. Он взял левой рукой снимок, напоминающий пи-ратский флаг, отвел его к свету, помолчал несколько секунд, изучая содержимое черепа почтенного Льва Борисовича. – Полный порядок! Ничего нет в голове Вашего супруга. В чем я и не сомневался.

– Игорь Соломонович! – обиженно поджала нелепо напмаженные губы пожилая женщина. – Что Вы такое говорите? «В голове ничего нет» – что это значит?!

– Не цепляйтесь к словам, уважаемая, – сердито ответил доктор. – Это значит, что нет причин для беспокойства. Ваш муж здоров. Здоров!!! И здоровье у него за-видное!

– Тьфу-тьфу-тьфу, – постучала по столу женщина. Она вздохнула и стала убирать в сумочку медицинское досье и рентгеновские снимки мужа. По выражению лица было видно, что доктор все равно не убедил ее. – Я забыла сказать: он стал разговаривать во сне. И такую чушь несет!

– Немало людей делают это и наяву...

– Но я так боюсь за него! Не могу представить, что Левушка может... – женщина всхлипнула, – ... может ... умереть...

– У Вас нет причин для беспокойства, – уже мягче произнес доктор и, улыбнувшись, добавил, – а у Льва Борисовича нет причин для смерти. Передайте ему мой горячий привет.

Когда супруга почтенного пациента затворила за собой дверь, Игорь Соломонович негромко выругался и

выпил залпом стакан воды. Он понял, что вконец измотан старухой и не в состоянии продолжать прием. Доктор снял халат, повесил его в шкафчик и скорчил гримасу своему отражению в зеркале, скосив глаза и высунув язык. Понадобится не один час отдыха, чтобы полностью избавиться от раздражения, вызванного заботливой супругой Льва Борисовича. Доктор радовался предстоящим выходным дням.

... В воскресенье вечером раздался телефонный звонок. Игорь Соломонович сделал жене знак не звать его к аппарату.

– Его нет дома, – ответила жена и вдруг растеряно посмотрела на мужа. – Успокойтесь, дорогая, я обязательно передам ему. Да-а...не волнуйтесь, крепитесь, милая.

– Кошмар какой-то! Лев Борисович умер! – качала головой жена. Игорь Соломонович вскочил с кресла.

– Как?! От чего?! – недоумевал доктор. – Дождь-лась, накликала-таки, старая выдра!

– Не надо так, Игорек! – вздыхала жена. – Бедняжка едва говорила. Они столько лет прожили вместе! Тяжко ей, такая нелепая смерть... Говорит, что Лев Борисович впервые забыл дома слуховой аппарат и не услышал, как сигналила машина – у водителя, т.е. у автомобиля, отказали тормоза. Сбил старика... Еще говорит, не зря ее тревога не покидала, хотя ты убеждал, что причин нет.

– Да-а, – задумчиво протянул Игорь Соломонович. – Я сказал, что у нее нет причин для беспокойства, а у него нет причин для смерти. Отшутился. Когда для смерти нет причин, она находит повод...

ОБЛОМ

Молодую женщину с кожей цвета гранул быстрорастворимого кофе, судя по всему, тяготила назойливость дурно воспитанного мужчины, каждая реплика которого сопровождалась идиотским «гы-гы-гы», то бишь, смехом. Подумать только, приехала на турецкий берег отдохнуть от «своих» и, на тебе – они и тут окопались! Такое впечатление, что эти, курортные свистуны тянулись за ней по всему периметру Чёрного моря. И в Крыму доставали, и в Сочи, и в Варне, и в Анталье добрались! Конечно, она не против какого-нибудь миленького курортного романчика. Но не с таким же кабачком! Вон, тот высокий красавец, что лежит в трёх метрах, отвернув лицо в противоположную сторону, был бы ей интересен. К сожалению, он так ни разу и не взглянул на неё. Ой ли? Тому «Аполлону» тоже казалось, что «кофейная» дама до сих пор не заинтересовалась им. Надо сказать, это его удивляло и огорчало.

Другие обитательницы пляжа не скрывали призывных взглядов и томных полуулыбок, изучая его красивое лицо и мужественное тело.

– Мне что, вызвать полицию? – услышал Тофик (так звали нашего курортника) возмущенный голос девушки. Он повернул лицо в ее сторону и увидел, как назойливый тип в дешевых плавках и дорогих часах пытается взять купальщицу за руку. Тофик поднялся, стряхнул песок с колен и рук, подошел к незадачливому ухажеру и обратился к нему на своем родном языке.

– Браток, оставь женщину в покое. Ты же видишь, ей неприятно! Почему она должна думать о нас плохо? Пой-дем-ка, лучше, выпьем пива.

– И вправду! – последние слова Тофика погасили искру агрессии, вспыхнувшую было в черных зрачках нахала, и он с радостью согласился. – Ну ее к чертям! Пошли пить пиво!

Какой однако дипломатический малый этот Тофик и ссоры избежал, и с земляком, поякшался. Через полчаса он вернулся на прежнее место и, к своему удивлению, застал «кофейную» пляжницу там же. Приподнявшись и оперевшись на локти, она посмотрела в его сторону, осыпав сно-пом голубых искр (неужели ему это почудилось?)

– Спасибо, молодой человек! А куда Вы его дели? – спросила она игриво.

– Убил и закопал. Не волнуйтесь, его не найдут, я сверху пивной ларек поставил, – в тон ей ответил Тофик.

– Меня зовут Илона, – девушка протянула Тофику руку. – Вы доставляли мне такое удовольствие все три дня, что мы тут валяемся!

– Разве? – изобразил удивление Тофик. – Чем же, позвольте Вас спросить? О бесконтактном сексе я еще не слышал.

Илона рассмеялась. Ей понравилась коммуникабельность молодого человека.

– Тем, что лежали тут три дня, отвернув лицо, да без «поползновений». Это такая редкость!

– Понял, – Тофик сделал театральный жест и отступил на шаг назад. – Поползновения отменяются. Простите, милая девушка, но, покидая вашу террито-

рию, скажу свое имя: меня зовут Тофик. На всякий случай. Вдруг снова пона-добится вышибала – позовете.

Таким образом, знакомство состоялось. Оставалось за-вести «морскую» дружбу. А там – видно будет. Тофик и Илона разговорились и скоро выяснилось, что они почти земляки – эсенговец и эсенговка. Ей двадцать восемь лет, она художник-оформитель, разведена, детишек нет, в ж/п и м/о, как говорить, не нуждается. Сейчас наслаждается коротким отпуском на малоазиатском отрезке чудесного морского пляжа, по берегам которого добрососедствуют такие разные и такие похожие народы. Вот теперь Тофику удалось внимательнее разглядеть свою новую знакомую. Похоже, курортная авантюрка не за горами. А почему, собственно, авантюрка? Девушка не просто хороша – она чертовски хороша! Уровень интеллекта достаточно высок. А тело так и пышет здоровьем! Стройная, но не тощая – есть за что ухватиться на крутой лесенке. «Кофейная» кожа натянута на бедрах, как на барабане. Плечи «немодные», покатые, женственные. Они обязательно должны носить декольте и легкую кружевную накидку. К таким плечам хочется прижиматься губами. Нежно, ласково... А глаза! Они будто вычерпнуты из этого лазурного моря – невероятно огромные голубые зрачки. Что там говорят о таинственной улыбке Джоконды? Отдыхайте, Мона Лиза! Вероятно у Вас, пардон, плохие зубы. Улыбка Илоны ослепила бы и самого Да Винчи. А еще Тофику понравилось, что купальник на Илоне не выпускает за рамки приличия «закадровые» части восхитительного тела. Это означает, что контакты с противоположным полом допускаются в разумных пределах. Тофик был далеко не аскетом, поэтому кое-какой опыт

в отношениях с женщинами имел. Их хитрости находились в гармонии с его шалостями. Но эта девушка его заинтересовала.

– Вы женаты?

– Для Вас – нет.

– Вы ничего не сказали о своей профессии. Хотите, угадаю?

– Вряд ли получится.

– Давайте поспорим, – настаивала Илона, – Если не угадаю, позволю себя поцеловать.

– Тогда позвольте сразу! Все равно не угадаете, – усмехнулся Тофик.

– Вы умеете отвлечь и договориться, не давите, но в приоткрытую щель просачиваетесь сразу, – несколько задумчиво произнесла Илона. – Я, действительно, затрудняюсь... вы следовательно?

– Целовать сразу или сначала поужинаем вместе?

– Неужели ошиблась? – судя по интонации, Илону это не очень огорчило. – Но Вы меня заинтересовали. Можно еще одну попытку?

– Мы так не договаривались!

– Я согласна на «штрафной» поцелуй. Очень жаркий!

– Ну, если так... – кивнул головой Тофик.

– Вы имеете отношение к медицине?... – неуверенно спросила Илона.

– Имею. Но это не считается! – запротестовал Тофик.

– Ура-а-а! – захлопала в ладоши Илона.

– Чему Вы так рады? Не хотите, чтоб я Вас целовал? – вскинул брови Тофик. – Вы жульничаете, милая девушка!

– Нет, я от своих слов не отказываюсь, – ответила Илона. – Вы врач? Терапевт?

– Хирург. Гинеколог. – Боже, зачем он это сказал?! Вслед за изумлением и восторгом пошел такой шквал вопросов относительно женских недугов, которые, как выяснилось, знакомы и этой Афродите! Теперь он знал и об ее воспалении, и о загибе, и об эрозии, и о подозрении на кисту и фибромиому. Словом, весь букет гинекологических заболеваний благоухал в прекрасном «кофейном» теле русалочки! К концу консультативной беседы взгляд Тофика был уже не таким теплым, а речь не такой выразительной.

– А почему Вы приуныли? – спохватилась Илона, заметив перемену в молодом человеке.

– Вам показалось...

– Можно задать вопрос? – томно, с негой в голосе спросила Илона. – Немножко нахальный...

– Слушаю.

– Скажите честно, Вам не хочется меня раздеть?..

– Уже раздел. Мысленно.

– И что? – у Илона заблестели глаза.

– И ужаснулся...

– Хам!

– Возможно, – Тофик поднял свое полотенце и отправился пить пиво. Черт побери! В другой раз говори, что ты следователь, болван!

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУЧНИК	3
ТЕНЬ СВОБОДЫ	19
ЧЕРНОКНИЖНИК	36
ШУБА ИЗ МЕДОЕДА	45
БЕССРЕБРЕННИЦА	61
КАРТИНКА-РАСКРАСКА	70
КУХАРКИН ШЛЕМ	77
ЯВЛЕНИЕ МАЛГИ	84
ЗАЧЕРПНИ СЕБЕ САМ	89
«ВЫМЯ ТИГРИЦЫ»	91
ТАЛИСМАН	97
ТАК ГОВОРЯТ МОИ ВРАГИ	102
ПРЕСТОЛ И ПЛАХА	106
КОРМ ДЛЯ РЫБОК	108
ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕШЕК УМИД	114
ДРУГАЯ БОЛЬ	122
ВЕРТЕП	128
КЛЮЧ К СЧАСТЬЮ	137
НЕПОДДАВШИЙСЯ	142
БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА	145
СИНЯЯ БОРОДА	149
ПОСЛЕДНЕЕ ЯЙЦО КУРОЧКИ РЯБЫ	152
В ПОМОЩЬ ШЕКСПИРУ	154
ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ?	157
ЯЗЫК ЗНАКОВ	162
УСЛЫШАТЬ ОТ ПРАВНУКОВ	169
АИСТ ОШИБСЯ АДРЕСОМ	175
ПЛАНЕТА ПАУЧКА	182
НЕ ДО СМЕХА	189
КОГДА ДЛЯ СМЕРТИ НЕТ ПРИЧИН	194
ОБЛОМ	197

---

*Директор издательства: профессор **Надыр Маммедли***

*Компьютерный дизайн: **Турал Ахмедов***

*Технический редактор: **Ровшана Низамигызы***

*Верстальщик: **Айгюн Аскерова***

*Монтажер: **Расим Гаджиев***

*Оператор печати: **Елиад Гаджиев***

Подписано в печать: 25.07.2008

Формат 60x84 1/16.

Объем: 27 п.л.

Заказ № 333

Тираж: 200

Издательство «Нурлан».

Директор: проф. Н.Мамедли

Тел: 497-16-32, 050-311-41-89

E-mail: nurlan1959@yahoo.com

*Адрес: Баку, Ичеришехер,
3-й Магомаевский переулок 8/4*